

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том VIII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи советских исследователей, опубликованные в 60-70 – х годах XX века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковикову, А.Е.Иванову, Ф.Ф.Ильясову и А.Н.Крылову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Шварцман К.А.	«Психоанализ» и вопросы морали (Фрагмент)	4
Шорохова Е.В.	Фрейдизм (Фрагмент)	17
Наполова Т.Т.	Сознательное и «бессознательное» в художественном творчестве (на материале художественной литературы)	24
Соболь К.И.	Фрейдизм как проявление общего кризиса буржуазной идеологии	36
Курцин И.Т.	Критика фрейдизма в медицине и физиологии (Фрагменты)	44
Лукомский И.И.	О психоанализе как психотерапевтическом методе	55
Урнов Д.М.	Фрейд против фрейдизма	60
Петровский А.В.	История советской психологии (Фрагмент)	62
Бассин Ф.В.	Проблема «бессознательного» (Фрагменты)	73
Кузьмина Т.А.	Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра (Фрагмент)	98
Ляликов Д.Н.	Фрейдизм	104
Токарев С.А.	Начало фрейдистского направления в этнографии и истории религии	108
Бассин Ф., Рожнов В., Рожнова М.	Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений	115
Будилова Е.А.	Фрейдистские концепции	131
Додельцев Р.Ф.	Проблема искусства в мировоззрении Зигмунда Фрейда (Фрагмент)	134
Спиркин А.Г.	Сознательное и бессознательное в творчестве	148
Шингаров Г.Х.	К критике методологических основ фрейдизма, неофрейдизма и психосоматической медицины	163

«Психоанализ» и вопросы морали (фрагмент)

К. А. Шварцман

«ПСИХОАНАЛИЗ» З. ФРЕЙДА И ИЗВРАЩЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МОРАЛИ

Мы отмечали, что Фрейд предложил «психоанализ» в качестве общечеловеческой теории для объединения всех общечеловеческой теории для объяснения всех общественных явлений, в том числе и морали. «Не насилуя его сущности, — писал он, — психоанализ можно применять с таким же успехом к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах»¹. В этой части особенно наглядно выступают *антинаучный характер и реакционная суть фрейдизма*.

Фрейд отверг давно доказанный наукой факт, что труд явился решающим условием выделения человека из царства животных, основой развития общественной природы человека, всей культуры. Решающим фактором выделения человека из царства животных, по его мнению, явилось *очень развитое «либидо»*, то есть половое влечение, обладающее особой силой. Оно, это пресловутое «либидо», заставило человека обратиться к труду, искусству и другим видам общественной деятельности. «Слишком сильное развитие либидо и ставшее, по-видимому, благодаря этому возможным развитие богато развернувшейся душевной жизни — вот что создает первоначальное отличие человека от животного»².

По Фрейду, человек искал в труде и других видах общественной деятельности способ перенесения сексуальной энергии на более высокие влечения. Он назвал этот способ *сублимацией и отвел ей решающую роль в жизни общества*. Люди, говорит Фрейд, обращаются к общественной деятельности только потому, что они не могут полностью удовлетворить свои инстинкты, и прежде всего половое влечение. К этому выводу Фрейд приходит без каких-либо ссылок на факты, ибо нет таких фактов. По словам английского антрополога-психоаналитика К. Томпсон, Фрейд «в итоге отверг исследования антропологии, которые могли бы противоречить его теории»³. Столь же бездоказательными являются положения Фрейда, касающиеся вопросов происхождения морали и ее роли в жизни человека и общества.

В буржуазной литературе довольно часто можно встретить мнение, что «психоанализ» открыл широкие возможности для правильного решения очень важных проблем морали.

Но эта оценка значения «психоанализа» для этики явно ошибочна. Сам по себе биологический подход к вопросам морали, независимо от личных

---

¹ З. Фрейд, Лекции по введению в психоанализ, 1922, т. 2, с. 177.

² Там же, с. 202.

³ Thompson C., Psychoanalysis evolution and development. L., 1952, p. 135.

намерений Фрейда, ни в какой мере не может укрепить веру людей в моральные ценности.

Объясняя поведение человека заложенными в нем «неизменными комплексами», Фрейд тем самым фактически снимает проблему морального выбора и моральной ответственности личности за свои поступки, то есть снимает те проблемы, без которых не может быть морали.

Обратимся к тому, как Фрейд представлял себе основные вопросы морали.

ВОПРОСЫ СОВЕСТИ

Главное содержание нравственности Фрейд сводит к чувству совести, которое он непосредственной выводит из *психики доисторического человека, из борьбы инстинктов, извечно заложенных в ней*. В первобытной орде, утверждает он, где люди-полуживотные жили без всяких норм и оценок, безраздельно царил жестокий отец-патриарх, приберегавший для себя всех самок и изгонявший подраставших сыновей. Изгнанные братья однажды соединились, убили и съели отца и тем самым положили конец патриархальной орде. Боясь соперничества между собой, сыновья договорились об отказе от кровосмесительных связей, и это табу явилось основой семьи.

С другой стороны, в силу амбивалентности, то есть противоречивости, двойственности психики доисторического человека, у сыновей появилось чувство вины, раскаяния за убийство отца, которого они одновременно любили и ненавидели. Отсюда возникает табу на убийство внутри рода. Появление чувства вины привело к расколу племенной психики: в ней появляется Сверх-Я, или совесть, то есть та часть Я, которая становится хранилищем табу и силой, вытесняющей постыдные, запретные желания.

Все эти явления племенной психики Фрейд переносит на психику цивилизованного человека. «Человек доисторических веков, — говорит он, — не изменившись, продолжает жить в нашем бессознательном»¹.

Проводя аналогию между детством ребенка и детством всего человечества, Фрейд наделяет каждого ребенка, и прежде всего мальчиков, так называемым *комплексом Эдипа*. Суть его в том, что мальчик якобы унаследовал от племенной психики сильное половое влечение к матери и ненависть, ревность к отцу, желание его смерти. Он унаследовал также раскол психики, связанный с амбивалентностью его чувств. Поэтому в психике цивилизованного человека возникает Сверх-Я, или идиал-Я, который служит хранилищем запретов родителей (в детстве), а затем религиозных правил, обычаев и моральных норм, которые предъявляет общество.

«... К образованию идеала-Я... послужило влияние критики родителей... К родителям со временем примкнули воспитатели, учителя и весь

---

¹ S. Freud, Collected Papers, N. Y., 1950, vol. V, p. 287.

необозримый и неопределенный сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение)»¹. Идеал-Я становится моральным стражем личности.

Совість, таким образом, по Фрейд, является психическим наследием доисторических времен, причем основанием для ее появления послужило сексуальное начало, или комплекс Эдипа.

Но комплекс Эдипа — чистая фантазия Фрейда, поэтому в настоящее время даже сторонники «психоанализа» отказались от него. Как ни старается Фрейд с помощью комплекса Эдипа объяснить происхождение нравственности, он постоянно *впадает в неразрешимые для себя противоречия*. С одной стороны, комплекс Эдипа, как мы видели, послужил основой появления Сверх-Я, или совести. С другой стороны, Фрейд говорит о том, что идеал-Я, или Сверх-Я, появилось в связи с появлением норм, запретов, общественных требований. Превращая их во внутренние требования личности, идеал-Я, или совесть, оказывает давление на личность. Но откуда появились эти нормы в обществе, что является их источником?

У Фрейда нет даже намека на общественный характер морали, на то, что она возникла из экономических отношений людей. Фрейд рассматривает лишь психическое состояние личности, которое он делает основой появления как общественных явлений, так и нравственного сознания личности, и в первую очередь совести.

На самом деле появление совести связано с длительным процессом формирования нравов, обычаев, с развитием сознания человека на основе развития общественных отношений. На ранних ступенях истории совесть выражала боязнь человека перед обществом за нарушение установленных обычаев и нравов. Она выступает в виде чувства стыда человека за совершенные проступки. Это чувство говорит о том, что человек сам сознает и одновременно переживает свои поступки. Оно говорит об отношении человека к совершенному им поступку. Когда человек сознает, что он поступил правильно, что он действовал в соответствии с требованиями усвоенной им морали, он испытывает внутреннее удовлетворение за свое поведение, совесть его спокойна. Если человек сознает, что он поступил неправильно, что он нарушил требования морали или что его намерения дурны, он испытывает угрызения совести. Совесть, таким образом, служит *средством оценки своего поведения, средством выбора своих поступков*. Она является *важнейшим показателем уровня нравственного сознания личности*.

Совесть выражает не только отношение человека к себе, к своим поступкам, но и к другим людям, к общественным интересам, у Человека, тесно связанного с интересами народа, родины, глубоко развито чувство долга перед обществом, чувство моральной ответственности за его выполнение, то есть чувство совести. Фрейд же, подчеркивая сексуальное начало в появлении совести, несомненно, *принижает ее значение в поведении человека, придает ей иррациональный характер*... Большая часть

---

¹ З. Фрейд, Очерки по психологии сексуальности. Госиздат, 1920, с. 138.

чувства вины, — говорит он, — бывает бессознательной, потому что возникновение совести внутренне связано с комплексом Эдипа, относящимся к сфере бессознательного»¹. В таком случае трудно провести четкую грань между поведением человека и животного, ибо в обоих случаях поведение является инстинктивным.

В рассуждениях Фрейда нет также анализа развития чувства совести, как и других нравственных чувств личности. Поскольку совесть, по Фрейду, унаследована человеком из племенной психики, то она выступает раз и навсегда данной, в одинаковой мере присущей людям всех эпох. Между тем, как мы уже говорили, совесть, как и все нравственное сознание личности, формируется в определенных общественных условиях и зависит от классового положения людей, от той роли, которую класс играет в общественном развитии. «У республиканца, — говорил Маркс, — иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная чем у того, кто неспособен мыслить»². История общества показывает, что подлинным чувством совести всегда обладали народные массы, люди, тесно связанные с народом, борющиеся за его свободу и счастье.

Совесть оказывает очищающее действие на человека. Фрейд этого не отрицает. Он говорит о том, что она укрощает в человеке зверя, служит показателем наличия у человека высоких стремлений.

Но Фрейд, как и целый ряд других представителей буржуазной, особенно религиозной этики, фиксирует внимание прежде всего на том, что совесть мучает, истязает личность за аморальность ее желаний, поднимающихся из области бессознательного. Совесть только судит за поступки, но не способствует их выбору. Она обращена к прошлому, но не к будущему. Она больше приносит человеку страданий, чем моральное удовлетворение. Вот почему Фрейд приходит к весьма *пессимистическому выводу* о том, что нравственность мешает чувству удовлетворенности личности, что она является тяжелым грузом для человека, помехой его счастью.

Этот вывод Фрейда, несомненно, отражает настроения целого ряда людей в условиях буржуазного общества. Честные люди в буржуазных странах действительно страдают, видя мерзости этого общества. Вместе с тем многие люди, следуя зову совести, чувствуя моральную ответственность перед народом, вступают на путь борьбы с этим строем. Участвуя в борьбе за свободу и счастье трудящихся масс, человек испытывает *моральное удовлетворение, ему не стыдно за прожитую жизнь*. Но этой стороны переживаний человека, чувства совести Фрейд даже не замечал.

Согласно Фрейду, инстинкты, и прежде всего сексуальное начало, являются единственным основанием для появления не только совести, но и *всех других моральных чувств и качеств*. «Мы приходим к взгляду, — пишет

---

¹ З. Фрейд, Я и Оно. Л., 1924, с. 53.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 140.

Фрейд, — что все чувства и отношения, оцениваемые в жизни, как симпатия, дружба, доверие и т.п. генетически связаны с сексуальностью и развились из чисто сексуальных вожделений, благодаря ослаблению сексуальной цели, хотя и представляются нашему внутреннему сознательному восприятию абсолютно чистыми и лишенными чувственности»¹.

Такие, например, моральные чувства, как чувство справедливости и солидарности, Фрейд отнюдь не связывает с определенными общественными условиями жизни людей, с их совместной производственной деятельностью, с их стремлением к более совершенному общественному строю, с борьбой за этот строй. Вот как он, например, «обосновывает» чувство *солидарности*: ребенок в семье обязательно испытывает чувство зависти к той любви, которую родители проявляют к другим детям; желание преодолеть это чувство служит основанием для появления солидарности и равенства. «Социальные чувства, — пишет Фрейд, — еще поныне возникают у отдельного лица, как надстройка над завистливостью и соперничеством по отношению к братьям и сестрам. Так как враждебность не может быть умиротворена, то происходит отождествление с прежним соперником»².

Ну, а как быть, если в семье есть только один ребенок? К кому он тогда испытывает зависть? Далее, если в основе солидарности и равенства лежат только психологические мотивы, то почему же столь различны в различных типах общества представления о равенстве, — настолько различны, что между буржуазным равенством (прикрывающим глубокое социальное неравенство) и социалистическим равенством лежит пропасть? *Подлинное чувство солидарности — это прежде всего социальное чувство, порожденное определенными общественными условиями.* Борьба народных масс, особенно борьба рабочего класса против эксплуататоров вызвала очень яркие проявления солидарности, выходящей за рамки отдельных предприятий, отраслей промышленности, стран. Солидарность и равенство в отношениях между людьми восторжествовали только с победой общественной формы собственности, с победой социализма и привели к тому, что взамен старой формулы эксплуататорского общества «человек человеку — волк» в жизни общества утвердилась новая формула: «человек человеку — друг, товарищ и брат».

Уже из рассуждений Фрейда о содержании совести (которую он отождествляет с моралью) становится ясно, что *он бесконечно далек от правильного понимания вопросов морали.* Мораль возникла из общественных потребностей, из необходимости приспособить поведение людей к общественным интересам, к условиям человеческого общежития. Человек может лучше или хуже считаться с этими условиями, выбирать тот или иной тип поведения. Выбор этот в современном обществе во многом зависит от уровня сознания личности, от степени понимания им общественного значения своих действий, от понимания цели, задач, стоящих перед обществом. Но у Фрейда *все поведение личности определяется лишь*

---

¹ З. Фрейд, Методика и техника психоанализа. М.—П., Госиздат, 1923, с. 99.

² З. Фрейд, Я и Оно, с. 36.

действием бессознательных инстинктов. Люди у него — создания своих собственных страстей, которым они ничего противопоставить не могут. А в таких условиях возможность выбора того или другого образа действия отпадает.

Мы уже говорили, что появление морали Фрейд связывает главным образом с областью половых отношений. Между тем вопросы регулирования половых отношений сами всегда зависели от общественного развития. Энгельс в работе «О происхождении семьи, частной собственности и государства» на основании громадного этнографического материала показал зависимость развития семейно-брачных отношений от социально-экономических условий жизни общества. Семья является клеточкой общества, ее структура изменяется не произвольно, не в силу психических процессов, а в зависимости от развития экономического строя общества.

Вслед за изменением форм семьи изменяются моральные нормы, регулирующие ее жизнь. При этом «семейная мораль» всегда носит на себе печать тех моральных отношений, которые характерны для данного общества или определенного класса.

Поэтому положение Фрейда о том, что источник морали надо искать в отношениях между членами семьи (комплекс Эдипа), лишено всякого основания.

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И ОБ ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ К ОБЩЕСТВУ

В своих рассуждениях о морали Фрейд много места отводит вопросу о движущих мотивах человеческого поведения, о смысле жизни человека. Фрейд утверждает, что высшей целью человека, смыслом его жизни является стремление к счастью. Оно состоит в том, чтобы получить удовольствие и избежать страдания. Люди «стремятся к счастью, они хотят стать счастливыми и остаться такими. Эта цель имеет две стороны: позитивную и негативную. С одной стороны, оно (то есть счастье. — К. Ш.) имеет в виду избежание боли, неудовольствия; с другой стороны — испытание сильного чувства удовольствия»¹. Фрейд не отрицает «принципа реальности», которому часто вынужден подчиняться человек вопреки принципу удовольствия. Но это временное состояние. Господствующим принципом остается принцип удовольствия, который «берет верх над принципом реальности даже во вред всему организму»².

Принцип удовольствия Фрейд связывает главным образом с областью «трудно воспитываемых» сексуальных влечений. Вот почему *он понимает счастье человека как возможность полного удовлетворения человеком своих инстинктов, особенно либидозного», то есть сексуального влечения.* «Чувство счастья, — говорит он, — вытекающее из удовлетворения дикого

---

¹ S. Freud, Civilization und Its Discontents. In: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. L., 1961, vol. XXI, p. 76.

² З.Фрейд, По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925, с. 39.

инстинктивного импульса, неукротимо нашим Я, несравненно более сильно, чем чувство, вытекающее из удовлетворения инстинкта укрощенного»¹. Если бы были ликвидированы все запреты в области половых отношений, если бы человек мог свободно убивать любого, кто стоит на пути его «свободной любви», «какой вереницей удовольствия была бы жизнь?» — пишет Фрейд.

Выдвигая на первый план сексуальные влечения, возможность их удовлетворения, Фрейд, желая того или нет, принижает тем самым человека. На самом деле люди действительно счастливы тогда, когда они занимаются полезной деятельностью, когда они что-то создают во имя человека, когда они могут наиболее полно проявить свои способности и таланты ради общества, ради блага человека.

Критик В.Стасов в письме к композитору Балакиреву писал: «Мы все рождены только на то, чтобы рожать из себя новые создания, новые мысли, новую жизнь — как женщина — на то, чтобы рожать новых людей. Я твердо убежден, что от самого маленького человечка и до самого большого — от какого-нибудь мостовщика и трубочиста и до наших великих богов — Байрона, Шекспира или Бетховена все только счастливы и спокойны, когда могут сказать себе: «Я сделал то, что мог».

Но даже тогда, когда Фрейд не исключает возможности такого человеческого понимания счастья, он все же в конечном итоге видит его истоки во влечениях, инстинктах, Творческая деятельность людей, говорит он, приносит людям счастье лишь потому, что она является сублимацией инстинктов, преобразованием их в область фантазии. Так, например, Фрейд объяснял творчество Леонардо да Винчи. Об условиях, необходимых для того, чтобы человек мог себя проявить, как творческая сила, Фрейд ничего не говорит. Следовательно, отпадает надобность в борьбе человека за те общественные отношения, при которых можно добиться подлинно человеческого счастья.

Низменное, животное представление о счастье Фрейд сделал ключом для понимания взаимоотношений между личностью и обществом, основой проповедуемого им крайнего индивидуализма.

Красной нитью через работы Фрейда, в которых он решает эту проблему, проходит мысль о *неизбежном конфликте между личностью и обществом*. Любое общество Фрейд рассматривает лишь в качестве механизма, который контролирует и подавляет инстинкты, внутренние влечения личности. Никакой созидательной функции общество, по его мнению, не имеет. Поэтому прогресс в общественном развитии Фрейд усматривает в совершенствовании механизма подавления. Личность же он представляет всегда изолированной, обладающей неизменными биологическими потребностями, которые она может удовлетворить в большей или меньшей мере. Усиливающееся давление на личность со стороны общества по Фрейду, ведет к развитию культурной, общественной

---

¹ S. Freud, Civilization und Its Discontents. In: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. vol. XXI, p. 74.

деятельности человека. Но этому развитию ставит предел та же биологическая природа человека. Если общественное давление окажется больше, чем способность человека к сублимации, то у него развивается невроз.

Поскольку каждый человек в любом обществе, по Фрейд, стремится к полному удовлетворению своих инстинктов, а всякое общество призвано их подавлять, то между обществом и личностью возникает конфликт. *Фрейд говорит, что счастьем человека мешают три причины:* это, во-первых, страдания, которые ему доставляет его тело; во-вторых, страдания, доставляемые человеку самой природой, и, наконец, страдания, доставляемые человеку социальной жизнью — отношениями между людьми и общественными институтами. Из этих трех источников несчастья основным он считает социальную жизнь. «То, что мы называем нашей цивилизацией, в значительной степени ответственно за наше несчастье, и мы могли бы быть намного счастливее, если бы отказались от цивилизации и возвратились бы к примитивным условиям жизни»¹. Фрейд обвиняет буржуазное общество в том, что оно лишает человека любви (своими запретами в области половых отношений), а также свободы, поскольку заставляет его подчиняться своим требованиям и нормам.

Нельзя думать, что Фрейд выступал против всякого контроля и ограничения инстинктов человека. Он стоит за определенные ограничения и «сублимацию» инстинктов, иначе, говорит он, человек предстал бы перед нами в образе дикого зверя. Но его рассуждения о том, что счастье человека связано с возможностью полного удовлетворения инстинктов, дают возможность призывать (во имя такого «счастья») к «абсолютной свободе» в поведении, то есть к разгулу страстей, к игнорированию общественных норм и правил, к отказу от какой-либо дисциплины. *К такого рода «свободе» и приспособливают фрейдизм современные реакционные буржуазные идеологи.*

Имея в виду буржуазное общество, в котором он жил, Фрейд правильно отмечал, что большинство людей в нем лишено счастья, что важнейшими элементами человеческой жизни являются страх, тревога. Но эти чувства и настроения, по его мнению, обусловлены тем, что человек, постоянно стремясь дать волю своим инстинктам, вместе с тем боится это сделать, ибо сталкивается с многочисленными запретами общества. Причем человек, говорит Фрейд, не может никогда изжить эти стремления, ибо это был бы отказ от своей природы, отказ от желания найти полный простор для проявления своих инстинктов. Трагедия человека состоит именно в том, что он неизменно стоит перед альтернативой: или быть счастливым, свободно проявляя свои животные инстинкты, или пользоваться достижениями цивилизации, культуры и, следовательно, отказаться от счастья. Все, что есть в человеке созидательного, творческого, объединяющего людей, то есть

---

¹ Там же, с. 86.

подлинно человеческого, куплено, по мнению Фрейда, якобы ценой потери им счастья.

Это говорит о том, что *Фрейд не понимает подлинных причин тяжелого положения человека в буржуазном обществе*. Не цивилизация сама по себе служит источником бедствий многих людей, а те *общественные отношения, при которых массы служат средством эксплуатации со стороны немногих*. У Фрейда мы не найдем даже намека на то, какие общественные отношения делают человека, массу людей необеспеченными, вызывают у человека тревогу за жизнь, за будущее. По типу буржуазного общества он мысли себе любое общество.

Показав (на примере буржуазного общества), что «цивилизация» мешает счастью человека, Фрейд приходит к выводу, что человек, который умеет замкнуться в себе, удалиться от общественных связей, институтов, тем самым может избежать страданий. Иначе говоря, одиночество, по Фрейду. Есть один из путей достижения счастья, или, как он говорит, «счастья спокойствия». Исходя из этого, *Фрейд поднимает на щит одинокую личности, не связанную с коллективом*. Он утверждает, что человеку любого общества неизбежно присущи враждебные антисоциальные тенденции по отношению к коллективу, к обществу. «Во всех людях, — говори он, — имеются антисоциальные, антикультурные тенденции, и у большого количества людей они достаточно сильны, чтобы определить их поведение в человеческом обществе»¹. Здесь, как и в вопросе об обществе, Фрейд *исходит из человека вообще, независимо от эпохи и тех конкретных условий, в которых он живет*.

Конечно, в том обществе, в котором жил Фрейд, конфликт между личностью и обществом доходит до крайних пределов. Мы уже говорили, что капитализм не может дать человеку счастья, не может удовлетворить материальные и духовные запросы громадного большинства трудящихся, то есть создать те условия, вне которых вопрос о счастье остается пустой фразой. За фразами буржуазных идеологов о свободе личности, о человеке, как цели, скрывается порабощение человека, превращение его в средство для достижения корыстных интересов господствующего класса. При капитализме действительно существуют антиобщественные, антисоциальные отношения между людьми, между личностью и обществом. *Но основа этого конфликта отнюдь не биологическая, не врожденная, а социальная. Она коренится в частной собственности на средства производства, в капиталистических отношениях*.

Поскольку же отношения между людьми, порожденные строем частной собственности, Фрейд объяснял биологической природой человека, *он не мог видеть возможности преодоления конфликта между человеком и обществом*. Не зная законов общественного развития, увлекшись мифотворчеством, Фрейд прошел мимо того важного исторического факта,

---

¹ S. Freud, Future of an Illusion. In: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. vol. XXI, p. 7.

что в СССР после победы Октябрьской революции рабочие и крестьяне приступили к строительству нового строя, основанного на общественной собственности на средства производства. Он не представлял себе, что общественная собственность на средства производства послужит основой ликвидации конфликта между обществом и личностью, создания между людьми отношений, принципиально отличных от тех, которые он наблюдал при капитализме.

Только переход к социализму создает необходимые предпосылки для развития личности, для полного удовлетворения ее материальных и духовных потребностей. Социализм осуществляет громадный подъем материального благосостояния масс, их культуры, трудовой и политической активности народа. Социализм дает каждой личности реальное право на труд, на отдых, на образование, открывает пути невиданного широкого применения сил женщины, общественного воспитания детей. Все это свидетельствует о созидательной функции социалистического общества, имеющего своей целью формирование гармонически развитой личности.

Итак, надо сказать, что *рассуждения Фрейда о взаимодействии между личностью и обществом явно противоречивы. С одной стороны, он как будто бы ставит личность в зависимость от общества, утверждая, что цивилизация, подавляя животные инстинкты, определяет психическое состояние личности, ее неврозы. При этом он говорит о неизменном обществе и неизменной личности. Но, с другой стороны, сама цивилизация, как мы помним, у него порождена психическими бессознательными силами, сублимацией инстинктов.*

Таким образом, и личность и общество, по Фрейду, в одинаковой мере выступают продуктом действия бессознательных психических сил.

ОПРАВДАНИЕ ЭГОИЗМА КАК ПРИНЦИПА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Один из центральных тезисов Фрейда состоит в *признании эгоизма сущностью человеческой природы и главным принципом человеческих отношений. Эгоистический характер личности проявляется, по Фрейду, прежде всего в ее стремлении к удовольствию. Что же касается «принципа реальности», который побуждает человека отказываться от целого ряда своих желаний, считаться с требованиями, интересами других людей, заниматься общественной деятельностью, то Фрейд не видит в этом отрицания эгоизма, поскольку эти общественные побуждения вызваны, по его мнению, стремлением к самосохранению, то есть тем же эгоистическим интересом. «...Сами социальные влечения развились в особые комплексы благодаря слиянию эгоистических и эротических компонентов»¹. Для каждой личности все остальные люди выступают лишь средством для достижения одной цели*

---

¹ З. Фрейд, Тотем и табу. М. — П., Госиздат, 1924, с. 84.

— удовлетворения желаний, заложенных в индивидууме еще до того, как он вошел в общение с другими людьми.

Следовательно, *основная мысль Фрейда* сводится к тому, что какие бы общественные побуждения ни появлялись у человека, какой бы общественной деятельностью он ни занимался, *человек всегда при всех условиях остается эгоистом. Фрейд совершенно игнорирует совместную производственную деятельность людей*, которая при определенных условиях ведет к сотрудничеству между людьми. Он считает, что и в том случае, когда люди проявляют самоотверженность, сотрудничество, — это не что иное, как та же сублимация эгоистических интересов, и прежде всего инстинкта наслаждения.

Поскольку Фрейд *связывает эгоизм с «природой человека»*, то эгоизм является, по мнению Фрейда, даже стремлением человека удовлетворить свои обычные, нормальные потребности в пище, одежде, крове, половой любви. Но можем ли мы в этом видеть эгоизм? Ведь эти потребности необходимы для сохранения каждого индивидуума и человеческого рода. Поэтому они присущи каждому человеку в любую эпоху. Эгоизм же выражается не в самих этих потребностях, а в *способе их удовлетворения, а именно в стремлении удовлетворить их за счет других людей*. Но такое стремление характерно *только для общества, основанного на эксплуатации человека человеком*.

Фрейд, конечно, говорит также о тех крайне эгоистических отношениях, которые действительно имеют место в буржуазном обществе. Он говорит о них как о рыночных отношениях, где один хочет выиграть за счет другого. Но он не *понимает социальной основы этих отношений*. Поэтому для него эгоизм интересов, воспитанный определенным строем, и естественное стремление человека к удовлетворению своих необходимых потребностей — явление одного и того же порядка, выражение эгоизма, которого никогда изжить нельзя.

В любом обществе, в любых условиях суть отношений между людьми, согласно Фрейду, составляют вражда, отчужденность. Несправедливость. «...Жестокость, властолюбие, несправедливость и все другое... составляет подоплеку самых нежных отношений между людьми... Мы не можем отказаться от бессознательной враждебности, как от постоянно действующего и двигающего мотива»¹. Поэтому вера в доброту человеческой природы, в возможность изжить антагонизм человеческих отношений — одна из многих иллюзий, которая может принести человечеству только вред. Он отвергает поэтому те этические системы, которые говорят о возможности создания подлинно человеческих отношений между людьми и призывают к любви и дружбе между ними.

Фрейд попытался формулировать общие принципы поведения людей, игнорируя экономическую основу общества, его классовую структуру. Поэтому он не сумел заметить, что уже в недрах того строя, в котором он

---

¹ Там же, с. 75.

жил, между рабочими, борющимися против капитала, складываются иные, человеческие отношения, отношения, основанные на взаимной помощи, на солидарности.

Не видя социальной основы эгоизма как главного принципа человеческих отношений в буржуазном мире, *Фрейд не понимает того, что с изменением социально-экономической структуры общества должны измениться и все отношения между людьми*. Он не может себе представить, что не эгоизм, а солидарность должна стать господствующим принципом отношений между людьми в обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, и что эта солидарность не только не «ущемляет» личность, но является настоящей ареной развития подлинно человеческих чувств, свойственных каждой личности.

Фрейд неправильно объясняет также неравенство женщины в буржуазном обществе. Основу этого неравенства он опять искал в биологической структуре женского организма. Тем самым он «теоретически» оправдывал это неравенство. При этом, как и во многих других случаях, Фрейд проходит мимо конкретных фактов, обнаруживающих явную абсурдность его «теории». Его, например, не смущает несовместимость выдвигаемых им посылок с историческими фактами, в частности с тем периодом в истории, когда женщина занимала господствующее положение в обществе.

Неравенство женщины в буржуазном обществе Фрейд пытался объяснить также с помощью ее «особых» нравственных черт, связанных как с анатомией женского организма, так и со слабо развитым комплексом Эдипа, из которого, как мы видели, он выводит нравственность. Но такое «объяснение» только унижает нравственное достоинство женщины и, несомненно, освобождает классовое общество от ответственности за неравное, приниженное положение женщины.

Расовую и национальную рознь Фрейд опять-таки пытался объяснить «амбивалентностью» человеческой психики. Потребность в ненависти, говорит он, заложенная в человеческой психике, обнаруживается не только в войнах, но также в расовой ненависти. «Непреодолимая расовая ненависть является одним из важнейших подтверждений всеобщей распространенности амбивалентности чувств»¹. Отсюда логически следует, что незачем возмущаться этим позорным явлением, незачем бороться против него.

Фрейд лично на себе и на своих близких испытал последствия чудовищной расовой политики немецкого фашизма. Но теоретическая слепота помешала ему дать правильную оценку этой политики и встать в ряды борцов против фашизма. Он принял эти злодеяния как печальное, но неизбежное явление. А психоаналитик Юнг довел мысль Фрейда до логического конца, «обосновал» с помощью «расового бессознательного» деление людей на высшие и низшие народы.

---

¹ З. Фрейд, Психология масс и анализ человеческого Я, 1925, с. 43.

Во всех рассуждениях Фрейда по вопросу о существовании человеческих отношений сквозит пессимизм. Зло, существующее в буржуазном обществе, он считает неизбежным, он не видит возможности изменения антигуманных отношений между людьми, поскольку, как мы убедились, он не рассматривает действительных причин, лежащих в основе этих отношений. *Пессимизм Фрейда означает примирение с печальной действительностью.* Желая того или нет, Фрейд обесценивает все то, что дорого человеку — культуру, науку, искусство, мораль. *В самом человеке — в его «неизменной природе» он видит источник всех социальных пороков.* И из теории о «неизменности человеческой природы» следуют определенные политические выводы, независимо от субъективных намерений Фрейда. *Эта теория всегда служила и служит защите существующего общественного устройства, имеет своей целью убедить людей в том, что новый общественный строй немислим.*

В этом состоит источник привлекательности Фрейда для современной реакции, ведущей наступление на человека, на его разум, на его способность установить лучший социальный порядок.

Вскрывая мифический характер теории о «неизменной человеческой природе», Б. Данэм пишет: «Эта древняя банальная идея давным-давно была бы сдана в архив из-за ветхости своего содержания, если бы не было постоянной в ней потребности»¹.

***Шварцман К. А. «Психоанализ» и вопросы морали.
М., 1963, с. 7–20***

---

¹ Б. Данэм, Человек против мифов. М., изд-во иностранной литературы, 1961, с. 42.

Фрейдизм (фрагмент)

Е. В. Шорохова

ЭКСПАНСИЯ ФРЕЙДИЗМА В ОБЛАСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Фрейд сам считал, что основные положения его психоаналитической теории могут быть применены для понимания всех сторон не только индивидуальной, но и общественной жизни. Прикладному психоанализу Фрейд посвятил специальные работы «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого Я», «Леонардо да Винчи, этюд по психосексуальности», «Моисей и единобожие».

Этими и другими работами фрейдизм начал экспансию в область общественных наук. Последователи Фрейда подхватили и расширили это начинание до колоссальных размеров.

Фрейдизм пытается поставить и решить важные социальные проблемы — происхождение общества, наций и народов, искусства и литературы, религии, причины и характер войн и т.д. Какова точка зрения фрейдизма на эти коренные вопросы?

Фрейд начал с анализа индивидуального поведения и затем применил свои выводы к характеристике социальных явлений. В основу понимания индивидуального развития он положил умозрительную идею эдипова комплекса¹. Развитие индивидуума, по его мнению, заключается в постоянном подавлении эдипова комплекса, в сублимации вытесненных в бессознательное желаний смерти отца. Сыновья, побуждаемые врожденным желанием избавиться от отца, убивают его. Вместе с тем они осознают, что в будущем их ждет та же участь — быть убитыми их сыновьями. Они начинают бороться с отцеубийством, заключая по этому поводу договор, запрещая убийство и брак внутри рода. Таким образом, возникают моральные правила поведения. Так Фрейд объясняет причину возникновения морали. В эдиповом комплексе заключается, по его мнению, источник возникновения и религии. Она возникла как массовое чувство вины за отцеубийство, совершенное сыновьями первобытной орды. Отец первобытной орды становится прототипом бога, а вина за отцеубийство объявляется первородным грехом.

В результате своих изысканий в области происхождения общества, религии, нравственности Фрейд приходит к выводу: «В эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности, общества и искусства»². Он

---

¹ Концепцию об эдиповом комплексе Фрейд формулирует, ссылаясь на древний миф о царе Эдипе. Согласно этому мифу царь Эдип убивает отца и женится на матери. По мнению Фрейда, детям свойственно влечение к родителям противоположного пола — мальчик любит мать и ненавидит отца за то, что тот стоит на пути к удовлетворению его чисто сексуального влечения к матери. Вместе с тем мальчик и восхищается отцом, подражает ему, хочет быть таким же, как он. В основе этого чувства опять-таки лежит желание ребенка быть на месте отца в отношениях к матери.

² Freud S. Totem und Tabu, Gesammelte Werke, Bd. IX, S. 188.

утверждает, что «общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия — на сознании вины и раскаяния, нравственность — отчасти на потребности этого общества, отчасти на раскаянии, требуемого сознанием вины»¹.

Фрейд считает, что люди в обществе разделяются на толпу и на великих людей. Свою психологию масс он строит, опираясь на реакционную концепцию французского социолога Ле Бона о психологии толпы². Ле Бон утверждает, что массам свойственна импульсивность, нетерпимость, внушаемость, консерватизм. В психологии масс разумное, логичное уступает место инстинктивному, иррациональному, алогичному. Сущностью души масс является бессознательное. Наделив такими чертами массу, Ле Бон, а вслед за ним и Фрейд, приходят к выводу, что толпа, масса легко поддается влиянию великих личностей. Эти великие личности становятся вершителями исторических судеб. Ницшеанские черты фрейдизма здесь выступают в отчетливой форме.

Само появление великого человека и выполнение им исторической роли объясняется Фрейдом с позиции теории существования врожденного эдипова комплекса. «Почему великий человек вообще может получить какое-то значение, — спрашивает Фрейд и в соответствии со своей концепцией отвечает: — Мы не имеем ни малейшего сомнения в том, как нужно отвечать на этот вопрос. Мы знаем, что громадное большинство людей нуждаются во власти, которой они могут восхищаться, которой они могут подчиняться, которая господствует над ними, а иногда даже плохо с ними обращаются. Из психологии индивидуума мы узнали, откуда исходит эта потребность масс. Это — тоска по отцу, живущая в каждом из нас с детских дней, по тому самому отцу, которого будто бы победил герой легенды, как он хвастается. И теперь нам начинает становиться ясным, что все черты, которые мы придаем великому человеку, являются чертами отца, что в этом подобии лежит сущность великого человека, которая до сих пор от нас ускользала... Им следует восхищаться, ему можно доверять, но вместе с тем его нельзя не бояться»³.

Идеи Фрейда о врожденной способности одних подчиняться, а других властвовать были использованы в качестве психологического обоснования фашизма.

Наиболее подходящей ситуацией, в которой одни подчиняются, а другие господствуют, является, по мнению Фрейда, война. Фрейдисты дополняют психологизацию социологии ее биологизацией. Врожденные инстинкты, согласно Фрейду, являются основой индивидуального и исторического развития. Среди этих инстинктов ведущее место принадлежит инстинкту смерти, разрушения. В связи с этим фрейдисты считают, что война является естественным состоянием людей и лучшим способом реализации их инстинктивных потенций. Война, по мнению фрейдистов,

---

¹ Там же, с. 176.

² См.: *Freud S. Massen Psychologie und Ich-Analyse*, Bd. XIII, 1947.

³ *Freud S. Moses and Monotheism*. 1939, p. 172–173.

представляет исключительный простор проявлению влечения к господству. Во время войны каждый солдат будто бы осознает свое отличие от прежнего состояния: у него возникает ранее отсутствовавшая сила. Эта сила реализуется в наиболее жестокой и инфантильной форме господства — разрушении. Во время войны, считают фрейдисты, ни с чем не сравнимы возможности для сексуальных подвигов. Фрейдистские писания по этому поводу имеют своим источником разработанную самим Фрейдом теорию. В открытом письме А. Эйнштейну, обратившемуся специально к Фрейду с просьбой способствовать сохранению мира, Фрейд обосновывает идею биологической детерминации неизбежности войн.

Из теоретических доктрин психоанализ выводит принципы политики. Свою концепцию врожденной предопределенности войн Фрейд аргументирует следующим образом: «Согласно нашей гипотезе, имеются только два вида человеческих инстинктов: одни стремятся сохранять и объединять... А другие стремятся разрушать и убивать; эти последние мы классифицируем вместе как агрессивный или разрушительный инстинкт... В результате некоторых умозрительных построений мы пришли к предположению, что этот последний инстинкт действует в каждом живом существе и старается разрушить его и свести жизнь к ее первоначальному состоянию неодушевленной материи. Этот инстинкт совершенно серьезно заслуживает названия инстинкта смерти»¹.

Логичным кажется Фрейду вывод из его инстинктивной теории о том, что «война, по-видимому, вполне естественная вещь, у нее, без сомнения, имеется прочная биологическая основа и практически ее едва ли можно избежать»². Политика подкрепляется аргументами, взятыми из психологии, биологии. Этот способ оправдания неизбежности войн вполне устраивает империалистические круги. Изобретая новую терминологию, фрейдисты создают видимость научного объяснения общественных явлений. Но за этой наукообразностью обнаруживается реакционное назначение фрейдистской социологии. Психоаналитики пытаются оправдать пороки и язвы современного общества тем, что они будто бы соответствуют человеческой природе. Причины возникновения частной собственности, рабства, подавления, расовой дискриминации и бесчеловечной эксплуатации они пытаются найти в недрах животных инстинктов. Фрейдисты отрицают объективные законы общественного развития. Причинное объяснение общественных явлений они заменяют проповедью случайности, произвола и субъективизма.

Создавая культ бессознательного, врожденных агрессивных инстинктов человека, утверждая идентичность общественных институтов стадным взаимоотношениям животных, проповедуя ничтожество масс, превосходство великих личностей, фрейдисты пытаются умалить значение сознательной борьбы рабочего класса за свое будущее, идеологически

---

¹ Freud S. Collected Papers. New York, 1909, vol. V, p. 280–282

² Там же, с. 285.

обезоружить рабочее движение. Иногда фрейдисты пытаются достигнуть этого путем использования некоторых марксистских положений. Эти положения преподносятся в искаженном виде.

В качестве примера можно указать на трактовку употребляемого Марксом понятия самоотчуждения пролетариата. Тот факт, что в капиталистическом обществе производитель не является хозяином того, что он производит, Маркс объяснял действием объективных экономических законов капитализма. Уничтожить это самоотчуждение можно в результате изменения отношения рабочего к средствам производства, его места в системе производства. Фрейдисты же пытаются эту проблему решить, внедряя в умы людей идеи о том, что путем рациональной организации производства, его управления можно учесть интересы представителей различных классов¹.

Заигрывание фрейдистов с марксизмом, маскировка биологизаторских, субъективно-идеалистических взглядов диалектико-материалистической фразой служит для того, чтобы привлечь на свою сторону людей неискушенных в тонкостях идеологической борьбы, но тянущихся к научному мировоззрению. В таких случаях взгляды марксистов преподносятся в искаженной, удобной для обоснования фрейдистских концепций, форме.

Подобно проблеме «Фрейд и Павлов» в естествознании, в социологии модной является проблема «Фрейд и Маркс»².

Примечательна в этом отношении позиция Фредерика Хакера³. Сопоставляя взгляды Фрейда и Маркса, Хакер пытается синтезировать их. Этот синтез может быть осуществлен будто бы путем дополнения «ограниченного марксизма» — фрейдизмом. Эта ограниченность, по мнению Хакера, состоит в том, что марксизм придает решающее значение материальным факторам. Дополнить его будто бы необходимо характеристикой динамической стороны личности. Хакер говорит, что в некоторых отношениях позиции Маркса и Фрейда совпадают, дополняют друг друга, в других они противоположны. Противоположными-то они оказываются по коренным вопросам — объяснению важнейших социальных явлений (войн, кризисов и т.д.)! В психоаналитической литературе довольно часто встречаются высказывания об ограниченностях марксизма. Так, по мнению Фромма, ошибка Маркса состояла в том, что он считал человека разумным существом, поведение которого направляется сознанием. Он будто бы представляет человека чересчур оптимистически и рационалистически. «Маркс, — писал Фромм, — недооценил сложности мира человеческих страстей... Он не видел отчетливо всех тех страстей и стремлений, которые коренятся в природе человека и в условиях его существования и которые сами по себе являются самой могущественной движущей силой человеческого развития... Он не

---

¹ См.: *Fromm E.* The Sane Society. New York, Toronto, 1955.

² См.: *Marcuse L.* Sigmund Freud. Hamburg, 1956; *Fromm E.* Escape from Freedom. New York, 1941.

³ См.: «Freud and the Twentieth century», London, 1958.

замечал иррациональных сил в человеке, заставляющих его бояться, свободы и рождающих в нем жажду властвовать и разрушать»¹.

Социальные преобразования, предлагаемые Марксом, по мнению Фромма, не являются выходом из положения. Более правильный выход будто бы предложен психоаналитиками, которые главную свою задачу видят в том, чтобы, анализируя иррациональную сущность индивида, пытаться вылечить больное общество путем лечения индивидов, составляющих его.

Попытка фрейдистов использовать некоторые искаженные марксистские положения представляет большую опасность в идеологической борьбе с социальным фрейдизмом, чем открытые антимарксистские их выступления.

Фрейдизм пытается также объяснить некоторые явления литературы и искусства. Начало вторжения фрейдизма в эту область положено было самим Фрейдом. Особое место здесь занимает его характеристика творчества Леонардо да Винчи². Этой работой Фрейд начинает серию «патографических» исследований. Исходным для исследований этой серии является положение о том, что произведения искусства возникают в результате вытеснения врожденных инстинктивных побуждений, сублимация половой энергии. С этих позиций проведен «анализ» вопроса, почему Леонардо да Винчи был одновременно и художником и ученым. Первое обуславливается будто бы существованием у него особого вида эдипова комплекса. Будучи сиротой, Леонардо да Винчи был влюблен в свою мать. Вытесненная в бессознательное либидинозная энергия любви Леонардо к матери сублимировалась в художественной деятельности. Пробужденная с раннего детства матерью половая деятельность направлялась у будущего мыслителя на «исследование» половых вопросов. Эта «исследовательская» деятельность сублимировалась впоследствии в страстное исследование природы.

«Патографическая» разработка биографии Леонардо да Винчи была принята за своеобразный эталон подобного рода «исследований». В них не принимаются во внимание ни общественные условия возникновения художественных произведений, ни идейная их сущность, ни эстетическая ценность. Анализ направляется основной психоаналитической идеей — господства бессознательного, подавления и вытеснения инстинктов, сублимации в художественной деятельности половой энергии. Широко применяются понятия комплексов, либидо, сублимации, эроса, эго, супер-эго, оно и т.д. и т.п. Особой популярностью пользуется эдипов комплекс. Его как основу творческого процесса Фрейд находит в «Гамлете» Шекспира, «Братьях Карамазовых» Достоевского³, «Царе Эдипе» Софокла. «На том же самом базисе, как и «Царь Эдип» покоится и другая величайшая трагедия — «Гамлет» Шекспира. Но в измененной обработке одного и того же материала обнаруживается все различие в психической жизни обоих столь отдаленных

¹ Fromm E. The Sane Society, p. 263–264

² См.: Freud S. Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci. Leipzig—Wien, 1919.

³ См.: Freud S. Dostojewski und die Vaterzeugung, Bd. XIV, 1948

друг от друга культурных периодов и, главным образом, в отношении развития процесса отеснения в душевной жизни человечества»¹.

Общим для фрейдистских концепций искусства является отрицание объективного содержания его произведений. Независимо от разновидностей и оттенков фрейдистских толкований искусства психоаналитики исповедуют мысль о том, что в художественных произведениях реализуется внутренняя сущность художника, писателя. Отрыв от реальной действительности, крайняя индивидуализация и субъективизация представляют характерные черты психоанализа в искусстве.

В искусстве, по мнению психоаналитиков, действуют механизмы, описанные Фрейдом. Последний, например, считал, что детям присуща страсть к подглядыванию за половым поведением родителей; по мнению Ройрейна, эта страсть находит свое воплощение в живописи и вообще изобразительном искусстве. «Любовь к созерцанию» составляет суть изобразительного искусства. В искусстве реализуются подавленные детские желания, мания величия (Берглер), желание вернуться к материнской груди (Броллер) и т.д.

Одной из особенностей психоаналитических теорий искусства является патологизация авторов и героев художественных произведений. Художник, по мнению фрейдистов, подобно большинству людей, является невротиком, но в отличие от этого большинства он способен объективировать свои болезненные идеи и мечтания в художественных формах. Искусство не имеет реального смысла — таков общетеоретический вывод, который следует из применения психоанализа в области литературы и искусства. Писатель, по их мнению, — это не объективный наблюдатель своей эпохи, а всего лишь невротик, реализующий свою внутреннюю энергию, не осознавая этого.

Эта общая психоаналитическая идея конкретизируется в подходе к отдельным произведениям, при анализе художественных стилей и жанров. Так, по мнению Химена, трагедия является выражением бессознательного, которое не может противостоять слепой воле полового инстинкта (либидо). Комедия и фарс являются будто бы замаскированным выражением угнетенных желаний, возникающих в результате сопротивления сознания².

По мнению психоаналитиков, образы творчества не выражают требований времени, не отражают типичные характеры эпохи, в них воплощаются внутренние взаимоотношения сознательного и бессознательного. Часто эти взаимоотношения имеют патологический характер. Патология индивидуума отражается в искусстве. Б. Фелдман считает, например, что, создавая *Отелло*, Шекспир был одержим ненавистью к женщинам, ревностью и скрытым гомосексуализмом параноидального характера³. Невротические черты Шекспира отразились будто бы в образах

---

¹ Freud S. Die Traumdeutung, Bd. II–III, S. 271.

² См.: Hymen S. E. Psychoanalysis and the Climate of Tragedy. «Freud and the Twentieth Century», London, 1958.

³ См.: «The Annual Survey of Psychoanalysis», vol. III, New York, 1956, p. 529.

Отелло, Гамлета, поведение которых характеризуется как поведение одержимого, невротика.

Безумие и творчество, безумие и гениальность — излюбленные темы психоаналитических писаний, посвященных искусству и литературе. Упадничество, индивидуализм, патологизация творческого процесса, отрыв от реальности, мистицизм, иррационализм — вот что характерно для психоаналитических теорий искусства и художественного творчества.

Прикладной психоанализ несет на себе весь груз идеализма и метафизики, биологизаторства и субъективизма общетеоретических психоаналитических работ. Практически психоаналитики поддерживают в искусстве декадентские течения, модернизм, абстракционизм. Социальное назначение психоаналитических упражнений в литературе и искусстве заключается в их служении империализму. Об этом хорошо говорит прогрессивный американский философ Сидней Финкельштейн. Он считает, что реакционные психоаналитические теории искусства являются выражением общей идеологической реакции страны. «Психоаналитические теории культуры, — пишет он, — предлагают свои услуги империализму, стремящемуся к войне, пытаюсь заменить свет мраком, знания — верой. Они провозглашают непознаваемость реальности, бессмысленность существования. Там, где эти теории оказывают действие на искусство, последнее становится кошмаром. Выдвигаемые как «критическое направление», эти теории на деле являются диаметральной противоположностью истинной критики, которая оценивает идеи, взгляды и описание жизни в зависимости от их соответствия действительности, их реализма, их способности просвещать людей. Выдавая себя за представителей «современного взгляда» на искусство, они доводят его до уровня примитивных родовых обрядов. Они открыто выступают против того, что на протяжении истории и в настоящее время составляло величие искусства, — против реализма, просвещения и самой функции искусства быть орудием человеческого прогресса»¹.

Шорохова Е. В. Фрейдизм. Современная психология в капиталистических странах М., 1963, с. 171–178

---

¹ Finkelstein S. Psychoanalysis and Arts. «Masses and Mainstream», August, vol. 4, № 8, 1951, p. 79.

Сознательное и «бессознательное» в художественном творчестве¹ (на материале художественной литературы)

Т. Т. Наполова

Проблема «бессознательного» получила широкое распространение на Западе особенно после того, как Зигмундом Фрейдом был «открыт» темный мир подсознания². Научная несостоятельность фрейдизма не вызывает никаких сомнений не только у нас, но и среди передовых ученых Запада³. Однако доктрина Фрейда легла в основание целого ряда буржуазных эстетических теорий. Согласно утверждению известного эстетика и теоретика искусства Герберта Рида, теория психоанализа Фрейда объясняет природу искусства, которая якобы сводится к тому, что сознание художника устанавливает контакт с его фантазией и из этого «бурлящего котла» берет какой-то прототип формы, какую-то инстинктивную связь слов, образов, звуков (см. *Рид Г. Искусство и бессознательное. — «Современная книга по эстетике. Антология». М., ИЛ., 1957, с. 208*). Культ бессознательного творчества приводит Г. Рида к отрицанию роли мировоззрения в искусстве, к утверждению иррационального начала как основы основ творческого процесса. В своей работе «*The forms of things unknown*» он прямо утверждает, что художник «творит без помощи ума», посредством таинственного чувственного общения с миром и может нести ответственность лишь за то, что он «приходит в действие механизм выражения». Уже сама терминология говорит о том, что к творческому процессу, как его понимает Г. Рид, неприменимы обычные законы человеческого мышления: это нечто свыше вдохновенное. Поэтому совсем неважно, что художник создал: «Сикстинскую мадонну» или «Свадьбу Фигаро». Важна сама по себе природа гениальности, ее сокровенные качества. «Не сам факт искусства, а гениальность требует объяснения» (см. *Read H. The forms of things unknown. N. Y., 1960, p. 49–51* и др.). Таким образом, «бессознательное» получает у Г. Рида мистическую трактовку как выражение мистически понимаемой им гениальности художника.

Ясно, что подобного рода «теории», навеянные Фрейдом, не имеют ничего общего с подлинной наукой о творчестве. Однако, разоблачая их псевдонаучность, наши ученые и критики долгое время высказывались и против правомерности самой постановки проблемы «бессознательного» в искусстве⁴. Обстановка, сложившаяся в годы культа личности Сталина,

---

¹ В порядке обсуждения.

² Термины «подсознание», «бессознательное» широко бытовали в науке задолго до того, как Фрейд дал им «психоаналитическое обоснование».

³ См. *Уэллс Г. Павлов и Фрейд. М., ИЛ, 1959; Бассин Ф. В. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий («Вопросы психологии», 1958, № 6); Бассин Ф. В. Сознание и «бессознательное». — «Философские вопросы высшей нервной деятельности и психологии». М., АН СССР, 1963 и др.*

⁴ *Полонский В. Сознание и творчество. Л., 1934; Медведев П. Н. В лаборатории писателя. Л., «Сов. писатель», 1960; Цейтлин А. Г. Труд писателя. М., «Сов. писатель». 1962 и др. Понятие «бессознательный»*

ярлык «фрейдизма», который наклеивали на каждого, кто пытался признать значение бессознательной творческой деятельности психики, — все это не могло способствовать изучению данной проблемы.

В настоящее время появляются работы, отмеченные стремлением к положительному решению проблемы «бессознательного». Но, к сожалению, в некоторых из них проявляется склонность к отождествлению сознания и психики. Так, в книге Ф. Т. Михайлова и Г. И. Царегородцева «За порогом сознания» бессознательная творческая психика рассматривается как сознательное «бессознательное». Относя, по существу, к сфере сознания весь мир человеческих чувств и ощущений, авторы книги утверждают: «Только тот факт может вызвать в нас чувство удовольствия, чувство прекрасного и другие оценочные чувства, который пусть не до конца понят, но все же «схвачен» нашей мыслью и поэтому стал фактом сознания» (Михайлов Ф., Царегородцев Г. За порогом сознания. М., Госполитиздат, 1961, с. 50). Существования неосознанных мыслей авторы не допускают. Рождение мысли, по их мнению, непременно связано с работой сознания. В «доказательство» этого положения они приводят следующий пример: «...мы вышли из леса. «Как красиво» —невольно восклицаете вы, любуясь открывшимися далями. Но ландшафт красив для вас только потому, что глаз зафиксировал, а тени слов, как хорошо однажды сказал Горький, мгновенно успели довести до вашего сознания, что перед вами «деревня», «поле», «рожь» и т.п. Без этого у вас не только не возникло бы чувство восхищения, но и вообще кроме недоумения и вопроса (что это?) пейзаж бы ничего не вызвал» (там же, с. 50–51).

Странное рассуждение! Выходит, прекрасные, но незнакомые предметы не способны вызвать восхищение человека, и первооткрыватели-путешественники не испытывали эстетического чувства при виде неизвестных им явлений. И, значит, наши космонавты, попади они на Марс или Венеру, не смогут эстетически переживать открывшуюся перед их взором красоту мироздания только потому, что они будут не в силах «перевести» ее на язык привычных понятий! С этим решительно нельзя согласиться. Эстетическое переживание само есть одна из форм познания мира и его закономерностей. Его может разрушить только чувство физического страдания или непосредственной опасности, а главное — оно не только сопутствует мышлению, но может и предшествовать ему. Убеждение, что психическое — это только сознательное, приводит к ошибочному выводу о том, что психические акты высшего порядка, то есть мышление, начинаются и кончаются в сознании, — выводу, который считал сомнительным еще И. М. Сеченов.

у этих авторов подменяется понятием «безотчетный». В «бессознательном» они видят не акт самостоятельного мышления, а низшую ступень сознания. Так, А. Г. Цейтлин пишет о том, что подавляющее большинство умственных актов совершается за порогом сознания, но он называет эти акты безотчетными, а не бессознательными, относя их к сфере сознания (см. указ. соч., с. 141). В основе этой точки зрения на «бессознательное» лежит ошибочное отождествление сознания и психики («бессознательное» будто бы является сознательным, так как хотя оно еще не оформлено мыслью, но в опыте уже есть).

Что же такое «бессознательное»? Существует определение этого понятия как неосознаваемых форм психической деятельности, активность которых функционально действует в том же направлении, что и активность сознания (см. *Бассин Ф. В.* К проблеме «бессознательного». «Вопросы философии», 1962, № 7, с. 123). Это определение характеризует «бессознательное» как самостоятельный психический акт, что находится в полном согласии с учением физиологов. И. П. Павлов указывал, что «такой важный корковый акт, как синтезирование, может совершаться и в частях полушарий, находящихся в известной степени торможения под влиянием преобладающего в коре в данный момент сильного раздражения. Пусть этот акт тогда не сознается, но он произошел и при благоприятных условиях может обнаружиться в сознании готовым и представляться как возникший неизвестно как» (*Павлов И. П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. – Полн. собр. соч., т. IV. М.-Л., АН СССР, 1951, с. 433)¹.

В приведенном высказывании И. П. Павлова подчеркивается то обстоятельство, что бессознательное мышление является вполне самостоятельным процессом (акт неосознаваемого синтезирования обнаруживается в сознании уже готовым). Какова же специфика этого бессознательного мышления, которое является вполне самостоятельным мышлением, и в чем выражается его самостоятельность²? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на краткой психологической характеристике механизма бессознательных процессов.

Анализируя положения о пространственных представлениях, обоснованные еще Г.Гельмгольцем, И.М.Сеченов подчеркивал, что эти представления «развиваются как бы путем бессознательных умозаключений» (*Сеченов И. М.* Кому и как разрабатывать психологию? — Избр. произв., т. 1. М., АН СССР, 1952, с. 221). Что это значит? В процессе восприятия одних и тех же предметов при изменяющихся условиях восприятия наши ощущения неизбежно расчлняются, на основе чего происходит превращение этих ощущений в представления. Они репродуцируются, воспроизводятся по закону сходства, и в результате человек получает возможность сопоставлять сходственные образования. На основе повторения реальных впечатлений образуется некий «шаблон, на котором изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы» (там же, с. 230). Естественно, что этот процесс сравнений (простейший пример работы «зрительной мысли»)

---

¹ Это высказывание Павлова о бессознательном акте синтезирования некоторые ученые ошибочно истолковывают как констатацию факта скрытой мозговой работы, которую «нет основания понимать как «бессознательность» психики в сложном процессе художественного творчества, то есть как процесс, лишенный волевого регулирования» (*Страхов И. В.* Психология творческого вдохновения. — Саратовский пед. институт. Ученые записки. Вып. 36. Кафедра психологии. Саратов, 1962, с. 61). И. В. Страхов, таким образом, не решается признать существование бессознательной психики. С отрицанием самого факта существования бессознательной психики мы встречаемся и в работах других психологов (см. *Бочоршвили А. Т.* Проблема бессознательного в психологии. Тбилиси. АН Груз. ССР, 1961).

² В данной статье мы касаемся только одной стороны бессознательных процессов, а именно — связанной с мышлением. Изучение многообразного мира бессознательной психики (бессознательных ощущений, представлений и т.д.) не входит в нашу задачу. Это тема специального исследования.

протекает бессознательно: акт сравнения носит на себе характер бессознательных умозаключений.

Далее Сеченов касается простейших видов интуиции, связанных с открытием истин, имеющих «чувственное происхождение», «чувственные корни». Одним из видов деятельности «бессознательного», по Сеченову, является также различение отдельных признаков в предмете. Это различение Сеченов рассматривал как психический процесс, в котором нет «ничего умственного»: «оно происходит в бессознательных тайниках памяти». Более того, Сеченов считает, что выделение в предмете даже характерных признаков, обособление их в примету «не есть плод намеренного умственного анализа, а результат бессознательно действующего механизма памяти» (Сеченов И. М. Предметная мысль и действительность. — Там же, с. 480).

Итак, по Сеченову, интуитивное познание истин, имеющих чувственные корни; бессознательно действующий механизм памяти и др. — это особая сфера психической деятельности, психический процесс, в котором нет ничего умственного (в смысле «сознательного»), никакого «намеренного умственного анализа». Таким образом, деятельность «бессознательного» покоится на богатом жизненном опыте человека, многократном повторении ощущений, восприятий, на высокоразвитом механизме памяти. Эта деятельность находит свое выражение прежде всего в конкретно-чувственном восприятии мира. Разумеется, И. М. Сеченов касается здесь довольно простых форм бессознательных процессов. В художественном творчестве мы имеем дело с более сложными формами. Однако механизм этих процессов один и тот же и в обыкновенном чувственном восприятии, и в художественном созерцании.

Было бы ошибкой отождествлять «бессознательное» с чувственным познанием мира. «Бессознательному» так же доступно абстрагирование, как и сознанию. Однако бессознательная сфера более непосредственно, нежели сознание, связана с чувственным познанием мира и с такими проявлениями человеческой психики, как эмоции и чувства. Можно сказать, что бессознательное мышление более, нежели сознание, имеет дело с первичной обработкой ощущений и восприятий, с первичным их обобщением. Бессознательное мышление — это интеллект, но более непосредственно реагирующий на впечатления бытия, чем сознание.

О «бессознательном» как «элементе непосредственности» (Чернышевский), свойственном всякому истинному творчеству, много писали в свое время революционеры-демократы, подчеркивая его значение как активной творческой силы. В действительности, отмечает В. И. Ленин, все «опосредствовано, связано в единое, связано переходами» (Ленин В. И. Соч., т. 38, с. 91). Творческое сознание художника, отражая эти реальные связи, известным образом трансформирует их на основе руководящих идей и жизненного опыта художника. При этом «бессознательное» как бы извлекает наружу пережитый опыт человека, хранимый до этого в «тайниках» памяти. «Откуда-то» вдруг возникают яркий образ, жизненный мотив, и они ведут за

собой художника, хотя ему сперва и трудно бывает объяснить себе, почему именно этот образ и этот мотив стали ведущими. Здесь «бессознательное» выступает в форме неосознаваемой тенденции, порожденной пережитыми ранее раздумьями и чувствами. Этим и объясняется, почему образы-ассоциации возникают в сознании художника нередко помимо его воли. Именно благодаря им в произведении появляются идеи и чувства, которые художник не собирался выразить. Добролюбов называл это явление «художнической ощупью». Он писал, например, что Гоголь «...в лучших своих созданиях очень близко подошел к народной точке зрения, но подошел бессознательно, просто художнической ощупью» (*Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 1. ГИХЛ, 1934, с. 244*).

Связывая понятие «бессознательного» с сокровищницей впечатлений, мыслей, наблюдений человека, необходимо подчеркнуть исключительное значение для творчества писателя чувства кровного единства с народом. Гёте говорил: «Ах, народ, народ! Все та же языческая первобытность, плодоносные глубины подсознательного, источник омоложения. Быть с народом, среди народа... В сознательном человек долго пребывать не может. Время от времени он должен спуститься в подсознательное, ибо там — его корни. Максима» (цит. по роману Т.Манна «Лотта в Веймаре». — Т.Манн. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1959, с. 597). Непосредственный, бессознательный контакт художника с землей, с природой, с народом — вот та почва, на которой развивается деятельность творческой психики.

«Бессознательное» вовсе не означает «бестенденциозное». В деятельности бессознательной творческой психики находит свое выражение тенденция художника, его идеологическая активность. Работая над повестью «Казачья», Л.Н.Толстой записал в дневнике: «М(арьяна) должна быть бедная, также как и К(ирка). Отчего это так, Бог знает» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 48. М., ГИХЛ, 1952, с. 14*). Эта неясность была связана у Толстого с не осознававшейся им в начале работы идеей произведения. И все-таки писатель твердо знал, что его героиня должна быть бедной. «Бессознательное» знание возникло здесь на основе предшествовавших замыслу повести раздумий художника, переживавшихся им в ту пору идейных и нравственных исканий. Дневники Толстого этого периода дают представление о том, что писателя тяготило сознание отрыва от народа и он испытывал непреодолимое стремление сблизиться с ним, а зло социального неравенства осознавал как проклятие времени. Чувство разобщенности с народом, желание разобраться в этом чувстве и явилось одним из стимулов к написанию повести «Казачья».

Давно замечено, что художественное содержание произведения обычно бывает идейно богаче той задачи, которую ставил перед собой художник. В значительной мере это обусловлено тем, что в художественном произведении имеется множество аспектов, не осмысленных автором до конца. Характерен в этом отношении ответ Л.Н.Толстого на замечание В.В.Вересаева по поводу эпиграфа к «Анне Карениной». Вересаев был убежден в том, что Толстой руководствовался следующей идеей: «Мстит природа, основной закон

которой так глубоко был нарушен Анной Карениной дважды. В первый раз в ее брачной жизни с Карениным, когда она отдавалась одной стороне брачной жизни — материнству... и в другой раз, когда во время своей связи с Вронским она была исключительно любовница». Толстой заметил на эти соображения: «Остроумно, очень остроумно, но я хотел сказать просто, что за преступление следует наказание свыше» (см. «Литературное наследство», т. 69, кн. 2. Лев Толстой. М., АН СССР, 1961, с. 193). Нельзя не признать тонкости наблюдения Вересаева, верно отметившего, что содержание произведения гораздо богаче того, что намеревался выразить в нем автор. Позже сам Толстой заметил по поводу рассказа А. П. Чехова «Душечка», что Чехов хотел посмеяться над своей героиней, «свалить» ее, но на самом деле он вознес ее. Сам Толстой тоже хотел сделать свою героиню только «жалкой и невиноватой», а между тем поднял ее образ до возвышенного трагизма. Во всем этом находит свое выражение бессознательная тенденция, подчинение творческой мысли художника неотразимому влиянию естественного хода общественной жизни.

Эта бессознательная тенденция является следствием повышенной эмоционально-эстетической восприимчивости художника к конкретно-чувственным сторонам жизни. Флобер, например, утверждал, что, приступая к работе над «Госпожой Бовари», он думал вначале только о том, чтобы передать определенный цвет, цвет плесени, которым «окрашено бытие мокриц». Само же повествование интересовало его гораздо меньше. Эти странные, на первый взгляд, искания Флобера можно объяснить тем, что презираемое им мещанство бессознательно ассоциировалось у него с наиболее неприятными зрительными впечатлениями, которые предвосхитили сознательное отражение и оценку буржуазной действительности. Таким образом, бессознательное связано не только с индивидуальным миром художника, но и со всей социальной жизнью эпохи. Выражаясь языком Белинского, истинный поэт, говоря о себе, говорит об общем и, говоря об общем, говорит о себе.

Как уже отмечалось, бессознательное не представляет собой некоей механически обособленной области мышления. Исходя из того, что психическая жизнь складывается из «сознательного» и «бессознательного», И. П. Павлов подчеркивал, что участок больших полушарий, обладающий оптимальной возбудимостью, постоянно перемещается по всему пространству больших полушарий, в связи с этим постоянно изменяется территория с пониженной возбудимостью. Указанные изменения регулируются подвижной связью корковых и подкорковых образований. Эти положения дают научное обоснование такому явлению, как исключительное богатство и разнообразие функций бессознательных актов, которые по своему содержанию мало чем отличаются от актов сознательных. Одни и те же мыслительные операции могут совершаться осознанно и неосознанно, как бы автоматически. Для процессов мышления характерно отсутствие изолированной работы отдельных мозговых центров, на что справедливо указывал и В.М.Бехтерев.

Более того, одной из характерных специфических особенностей бессознательных процессов, наряду с уже отмеченными, является диалектика «бессознательного» и «сознательного»¹. Она основана на единстве задач, которые ставит перед собой художник, и тенденции, заключенной в материале творчества. Т.Манн рассказывает, что ровно за четыре года до написания романа «Доктор Фаустус» им были сделаны заметки, заключающие в себе идею замысла. Обнаруженные почти полвека спустя, эти записи вызвали у писателя большое волнение, потому что в расплывчатом тематическом ядре этих записей был тот заряд жизненной энергии, который задолго до решения писателя предопределил перерастание задуманной им новеллы в роман, и, таким образом, характер творческого решения художника во многом был обусловлен характером самого материала. Пережитая Т.Манном взволнованность заставила его углубиться в свое прошлое: идея романа своими корнями уходила вглубь жизни художника. Свое новое произведение он строил на старом фундаменте. Погружаясь в воспоминания, накапливая материал, художник ищет опоры в прежнем своем опыте. Магнетизм интереса к избранной теме, по словам писателя, «могуч и таинственен». Художник сознательно ищет пути реальной конкретизации своего замысла. И в то же время интерес к теме непроизвольно, бессознательно вовлекает в свою сферу все, что имеет хоть какое-то отношение к избранной теме².

---

¹ Диалектика сознательных и бессознательных процессов, их единство находят свое естественнонаучное обоснование также в учении А. А. Ухтомского о доминанте, то есть возникающем в мозгу очаге возбуждения. У художника такая доминанта возникает в процессе творчества, когда он охвачен идеей единого художественного замысла. Ухтомский отмечает, что «доминантное возбуждение протекает по типу «цепных рефлексов», то есть таких, которые, однажды начавшись, влекут за собой цепь других последовательных возбуждений...» В числе характерных черт доминанты Ухтомский выделяет инерцию, то есть «способность удерживать и продолжать в себе раз начавшееся возбуждение и тогда, когда первоначальный стимул к возбуждению миновал» (Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Избр. труды. Вып. III, кн. 1. Медгиз, 1952, с. 269). При этом Ухтомский подчеркивает, что доминанту характеризует не столько «сильное» возбуждение (которое может вредить ее образованию), а именно «способность усиливать (копить) свое возбуждение по поводу случайного импульса» (там же, с. 270). Такое качество доминанты, как стойкость возбуждения и способность усиливать это возбуждение по поводу случайных импульсов, является основой деятельности бессознательного начала. Доминанта — это непрерывающийся процесс освоения действительности. А между тем клетки головного мозга, отличающиеся повышенной чувствительностью, легко выходят из строя вследствие чрезмерного напряжения. Защита их обеспечивается процессом торможения. Доминанта продолжает свою работу благодаря тому, что часть мыслительных операций регулируется участком больших полушарий с пониженной возбудимостью, а, возможно, также и подкоркой. Можно сказать, что работу сознания продолжает подсознание.

² Учение о доминанте дает научную основу для правильного понимания мыслительных операций, совершающихся в мозгу художника в процессе творчества. Возникая в связи с образованием доминанты, бессознательное начало поддерживает и питает деятельность этого творческого центра. Бессознательное начало в творчестве связано с длительным характером вынашивания творческих замыслов, когда думание над какими-нибудь вопросами становится настолько привычным, что совершается как бы само собой, бессознательно. Физиологическое обоснование бессознательных процессов исключает толкование «бессознательного» как «наития» или «озарения». Деятельность бессознательного начала является следствием длительного вынашивания творческих замыслов. Еще Т. Рибо указывал, что «бессознательное» возникает на основе «подпольной работы» сознания: «Теоретически можно сказать, что в бессознательном состоянии все происходит так же, как при сознании, но только наше Я об этом не знает...» (Рибо Т. Творческое воображение. СПб. 1901. с. 46).

Этот диалектический процесс единства деятельности «сознательного» и «бессознательного» хорошо передает Шиллер. Полемизируя с Шеллингом, который утверждал, что «в природе все идет от бессознательного, чтобы прийти к сознательному, в искусстве же, наоборот, идут от сознательного к бессознательному», Шиллер в письме к Гёте замечал: «...писатель тоже всегда начинает с бессознательного, более того, он может почесть себя счастливым, если при самом ясном сознании своих действий снова обретет в законченном произведении не ослабленной свою первую смутную еще общую идею. Без такой смутной, но могучей общей идеи, которая предшествует всему техническому процессу, не может быть создано поэтическое произведение, и, мне сдается, поэзия в том именно и заключается, что выражает в словах и передает другим это бессознательное, то есть переносит его в объект. Непоэт может не хуже поэта взволноваться поэтической мыслью, но он не может вложить ее в объект, он не может выразить ее с убедительной необходимостью. Точно так же непоэт может не хуже поэта создать произведение сознательно и с убедительной необходимостью, но такое произведение не возникает из бессознательного и не кончается в нем. Оно остается произведением рассудка. Бессознательное в соединении с рассудком и делает поэта-художника» (*Шиллер Ф. Собр. соч. М., ГИХЛ, 1957, т. 7, с. 560*).

Утверждение, что поэт начинает с «бессознательного», не означает отрицание того обстоятельства, что произведение может быть сознательно задумано. Но, как бы ни был сознателен замысел, его осуществление никогда не сводится лишь к воплощению той или иной идеи в материале искусства. В противном случае творчество не было бы процессом, и готовое произведение рождалось бы в голове художника, как Минерва из головы Юпитера.

Смысл диалектики «сознательного» и «бессознательного» в том, что акты мышления художника представляют собой единый творческий процесс. Известно, что, работая над образом Ольги Ильинской, И.А.Гончаров отказался от первоначального замысла «страстной» Ольги в пользу Ольги «гордой», передовой женщины своего времени. «И, право, многое явилось бессознательно, — писал Гончаров И.И.Льховскому; — подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне, что писать. Например, в программе у меня женщина намечена была страстная, а карандаш сделал первую черту совсем другую и пошел дорисовывать остальное уже согласно этой черте, и вышла иная фигура» (*Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8. М., Изд-во «Правда», 1952, с. 299*).

Как видим, утверждать, что решающую роль в этом случае играло сознательное стремление писателя возвеличить в образе своей героини передовой демократический идеал, у нас нет никаких оснований. Позже писатель назовет свой идеал «неудачным» и «поправит» ошибку, создав образ Веры в «Обрыве». Но характерно, что Гончаров до конца дней своих сохранил нежную привязанность к Е.П.Майковой, послужившей прототипом его героини. Е.П.Майкова была известной общественной деятельницей и передовой женщиной своего времени. Она покинула мужа, не разделявшего

ее убеждений, и ушла из семьи навстречу нищенскому существованию. Из насиженного гнезда ее вырвали веяния 60-х годов, которым Гончаров не мог сочувствовать. Но такова была сила обаяния Е.П.Майковой, ее мужественного поступка, что писатель бессознательно возвеличил в образе своей героини те черты, которые были чужды ему. Подчиняясь неотразимому влиянию развития русской общественной жизни, бессознательно сочувствуя передовым ее тенденциям, он опозитизировал в образе Ольги Ильинской страстную тоску по идеалу, душевное беспокойство. Будущее ее ясно и определено: она никогда не примирится с обломовщиной. (Хотя совсем иным было отношение писателя к разрыву Е.П.Майковой с обломовщиной, который он непосредственно наблюдал, будучи другом Майковых: он умолял ее вернуться к мужу и детям.) Разумеется, все это не значит, что в процессе творчества сознание писателя молчало, отдаваясь на волю «бессознательному». Создание образа Ольги Ильинской стоило Гончарову преодоления весьма существенных противоречий в его мышлении; в конечном счете писателя убеждала в неодолимости передового демократического идеала логики самих событий.

Мы видим, таким образом, что «бессознательное» играет весьма активную роль в процессе творчества, однако отнюдь не доминирующую, ибо оно в конечном итоге подконтрольно сознанию. Правда, «бессознательное» часто действует вслепую, стихийно, не дожидаясь согласия разума. В своем проявлении оно отличается исключительным динамизмом и непосредственностью. Без опоры на «бессознательное» невозможно вообще никакое творчество. Но, руководствуясь лишь одним «бессознательным», писатель уподобится путнику без компаса. Таким компасом для писателя является его мировоззрение. Чернышевский замечал: «...как ни важно участие бессознательной творческой силы в создании поэтических произведений, как ни достоверна всеми ныне признаваемая истина, что без этого элемента непосредственности, составляющей существеннейшее качество таланта, невозможно быть не только великим, но и порядочным поэтом, — но раз но достоверно и то, что, при самом сильном даре бессознательного творчества, поэт не создаст ничего великого, если не одарен также замечательным умом, сильным здравым смыслом и тонким вкусом» (*Чернышевский И. Г.* Полн. собр. соч., т. III. М., ГИХЛ. 1947, с. 133). Недостаток Гоголя он видел в том, что идеи народности не получили полного и удовлетворительного развития в его творчестве, так как писатель не сознавал вполне их сцепления, их причин и следствий.

Вопрос о роли мировоззрения в художественном творчестве приобретает исключительное значение для современных художников. Рассказывая о работе А.С.Голубкиной над портретом Л. Толстого, скульптор С.Коненков отмечает исключительную роль в этой работе характеристики Льва Толстого, сделанной Лениным (см. *Коненков С. Т.* Святое в душе художника.— «Огонек», 1963, № 18, с. 16). Ленинские слова о Толстом были восприняты Голубкиной одновременно и разумом, и сердцем. потому что она была единомышленником Ленина в самом высоком смысле этого слова.

Мировоззрение писателя определяет его идеологическую активность, а это значит, что оно оказывает влияние и на направление бессознательной тенденции в его творчестве.

Сознательное начало в творчестве связано с определенной идейной задачей, которую ставит перед собой художник, с направленностью его эстетического и нравственного идеала. Вспоминая о работе над «Мертвыми душами», Н.В.Гоголь рассказывал: «Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект. исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными. Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? Спрашивается: что нужно делать, когда приходят такие вопросы? Прогонять их? Я пробовал, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности в том и другом герое, я не мог почувствовать и любви к делу изобразить его. Напротив, я чувствовал что-то в роде отвращения: все у меня выходило натянуто, насильно, и даже то, над чем я смеялся, становилось печально» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. АН СССР, 1952, с. 440–441).

Приведенное высказывание Гоголя свидетельствует о том, что бесцельное творчество совершенно невозможно. Отдаваясь бессознательной потребности смеяться, следуя за вольным парением фантазии. Гоголь должен был, однако, отвечать на вопросы, которые он сознательно себе ставил, руководствуясь своей идейной задачей, а также своими нравственными и эстетическими требованиями к действительности.

Единство деятельности «сознательного» и «бессознательного» находит свое непосредственное выражение в ассоциативном мышлении художника. С.А.Толстая рассказывает о том, как строчка на рукаве халата дала Л.Толстому целую главу романа «Анна Каренина»: «Сейчас Л.Н. мне рассказывал, как ему приходят мысли к роману: «Сижу я внизу, в кабинете, и разглядываю на рукаве халата белую шелковую строчку, которая очень красива. И думаю о том, как приходит в голову людям выдумывать все узоры, отделки, вышиванья, и что существует целый мир женских работ, мод, соображений, которыми живут женщины. Что это должно быть очень весело, и я понимаю, что женщины могут это любить и этим заниматься. И конечно, сейчас же *мои мысли* (то есть мысли к роману) Анна... И вдруг мне эта строчка дала целую главу. Анна лишена этих радостей заниматься этой женской стороной жизни, потому что она одна, все женщины от нее отвернулись, и ей не с кем поговорить обо всем том, что составляет обыденный, чисто женский круг занятий» («Дневники С.А.Толстой (1860–1891)». Л., 1928, с. 36).

Дневниковая запись С.А.Толстой свидетельствует не только о роли случайных ассоциаций в мышлении художника, она также проливает свет на

характер интуиции в художественном творчестве. То, что мысли, далекие от романа и возникшие под непосредственным впечатлением от узора на халате, привели художника к размышлениям о судьбе героини, говорит о том, что эти мысли бессознательно роились в голове художника и нужен был только повод, чтобы они вылились в нечто органически целое. Повод мог быть и другим. Творческая же мысль художника упорно развивалась бы в нужном направлении, как того требовал замысел.

Здесь мы отмечаем то явление, о котором писал И.П.Павлов. Синтезирование может совершаться неосознанно, и в определенных условиях акт синтезирования может обнаружиться в сознании уже готовым. В данном случае таким условием явился чисто внешний импульс — незначительное наблюдение над строчкой халата; однако этот импульс дал писателю целую главу благодаря исключительному динамизму ассоциативного мышления, согласованной работе «сознательного» и «бессознательного». Поэтический синтез в данном случае был достигнут благодаря интуитивному постижению органической взаимосвязи частей, составляющих целое.

Итак, функции бессознательных актов творчества представляют собой сложное и многогранное явление. «Бессознательное» сопутствует художнику на каждом шагу, начиная с момента «зачатия» художественных мыслей. Однако понятие «бессознательного» имеет далеко не однозначный смысл. Материалистическое понимание бессознательных творческих актов не имеет ничего общего с идеалистическим представлением о механистическом разъединении процесса познания на чувственное созерцание и рассудочное мышление. Одни и те же творческие акты могут совершаться и сознательно, и бессознательно. Это зависит от целого ряда факторов: от длительности вынашивания замысла, когда думание совершается как бы само собой; от силы переживаемых эмоций, когда художник интуитивно улавливает воображаемую ситуацию, еще не уясняя себе все значение возникающих перед его мысленным взором картин. Положение о единстве сознательных и бессознательных актов находится в полном согласии с учением физиологии о том, что «бессознательное» не представляет собой некоей механически обособленной области мышления.

Необходимым условием диалектического единства «сознательного» и «бессознательного» в процессе художественного познания действительности являются такие моменты, как исключительная восприимчивость художника к конкретно-чувственной стороне жизненных явлений; его сосредоточенность на определенной сфере жизненных наблюдений, что в свою очередь обусловлено связью интуиции с пережитым опытом; народные истоки его идейных и нравственных исканий; идеологическая активность его отношения к жизни. «Бессознательное» начало в творчестве связано в конечном счете с тенденцией художника, с сознательностью его замыслом, со всеми его идеями и убеждениями.

Все это дает основание высказать решительное утверждение о том, что заявления теоретиков буржуазного искусства о «бессознательности» творчества формалистов и абстракционистов лишены оснований. «Бес-

сознательное» невозможно вычленить как самостоятельную единицу художественного мышления, хотя бессознательные творческие акты и совершаются самостоятельно. Активность «бессознательного» начала питается всей предшествующей работой мысли, всем пережитым опытом художника.

Так называемое «бессознательное» в творчестве абстракционистов чаще всего прикрывает самую сознательную спекуляцию. В истинном же искусстве «бессознательное» начало, будучи связано с постановкой и разрешением жизненно важных проблем, подчиняется основной функции искусства — сознательному исследованию общественных закономерностей действительности.

Эффективная работа художественного мышления возможна лишь в том случае, если писатель в своем творчестве руководствуется правильными, научными представлениям о жизни. Только при этом условии он может свободно предаваться «бессознательным» внушениям своей художнической натуры.

Философские науки, 1964, №1, с. 77–86

Фрейдизм как проявление общего кризиса буржуазной идеологии

К. И. Соболев

1893-й год может быть назван годом рождения модного на Западе реакционного течения, получившего название «фрейдизм», или «школа психоанализа». В тот год на страницах специального психиатрического журнала появилась статья Й. Брейера и З. Фрейда под названием «О психическом механизме истерических явлений», посвященная новому методу лечения истерии с применением гипноза. Названная статья легла в основу опубликованной этими же авторами в 1895 г. совместной работы «Об истерии».

Психоанализ возник первоначально как специфический психотерапевтический метод, однако впоследствии он начинает последовательно переноситься на общую психологию, психиатрию, медицину, а затем и на объяснение различных сторон общественной жизни (социально-политической, этической, эстетической, религиозной и т.п.). Причина шумного успеха Фрейда и его школы коренится, конечно, не в специальных психотерапевтических принципах психоанализа, а в тех идеологических, философских сторонах его учения, которые как нельзя больше соответствуют социальным и политическим условиям современного западного буржуазного мира.

Социально-политические особенности эпохи объясняют общность мировоззрения Фрейда с мировоззрением других идеологов реакционной буржуазии конца XIX—начала XX вв.: Ф. Ницше, Э. Гартмана, А. Бергсона и др. Эта общность состоит не только в откровенно пессимистических тенденциях мировоззрения этих философов, но и в том, что все они пытаются в центре философского исследования поставить биологическую жизнь человека и из нее, как производные, вывести все социальные проблемы. Социально-экономические отношения подменяются биологическими и психологическими: человек рассматривается прежде всего как биологическое существо. Другой особенностью буржуазной философии этого периода является недоверие к сознанию, подмена сознания «бессознательным», «интуицией» и т.п.

Однако одними только социально-политическими причинами нельзя объяснить до конца специфику мировоззрения Фрейда. Психоанализ начал формироваться в качестве специальной психотерапевтической теории, и это обстоятельство определяет ряд специфических моментов фрейдизма как особой школы в общей линии идеалистических буржуазных направлений конца XIX — начала XX вв.

В.И. Ленин подчеркивал, что идеалистическая философия всегда имеет определенные гносеологические корни, заключающиеся в метафизической абсолютизации какой-либо одной из сторон сложного процесса познания. Идеализм всегда паразитировал на тех трудностях, которые неизбежно

возникают при развитии научных исследований. Наименее разрешенным и наиболее трудным в развитии науки был и остается вопрос о сущности специфического свойства материи — психики. «Можно с правом сказать, что неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И, казалось, что это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания» (Павлов И. П. Естествознание и мозг. — Полн. собр. соч., т. III, кн. 1. М.—Л., АН СССР, 1951, с. 113).

Поэтому не случайно на протяжении всего существования философии проблема сущности психики была одним из важнейших вопросов, вокруг которого шла постоянная борьба между материализмом и идеализмом. В ходе этой борьбы, в ходе развития науки возникали все новые и новые аспекты решения вопроса о сущности психических процессов. Особенно остро этот вопрос встал в конце XIX — начале XX вв. в связи с быстрым ростом науки вообще, психотерапии в частности. Вторая половина XIX в. ознаменовалась бурным развитием естественных наук. Успехи физики, химии, биологии наложили свой отпечаток на все развитие научной мысли этой эпохи. Опираясь на данные биологии, начала быстро развиваться медицина. Интенсивно развивались патологическая анатомия, гистология, бактериология. Серьезных успехов достигают невропатология и психиатрия. Особенно широко начинает распространяться и получает признание психотерапевтический метод лечения.

В условиях империализма развитие науки сопровождается ее серьезным методологическим кризисом. Кризис этот выразился, наряду с прочим, в том, что часть буржуазных ученых на рубеже XIX—XX вв. перешла в лагерь идеализма и повела активную борьбу против материализма внутри самого естествознания. «Что ряд крупных физиологов *гнул* в те времена к идеализму и кантианству, это так же бесспорно, как бесспорно и то, что ряд крупных физиков *гнет* в наше время к философскому идеализму... Уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся и в том и в другом случае у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий» (Ленин В. И. Соч., т. 14, с. 291). «Физиологический» идеализм и «физический» идеализм явились своеобразными формами идеалистической философии, «связанными» с определенными областями естествознания. К этим разновидностям идеализма можно прибавить и своеобразный «психиатрический» идеализм, ярким проявлением которого оказался фрейдизм.

Успехи анатомических и физиологических исследований в области медицины сыграли огромную роль в развитии невропатологии и психиатрии. Анатомо-физиологическое направление стало здесь господствующим.

Описание отдельных клинических ферм только тогда считалось более или менее законченным, когда различные симптомы были сведены к видимым анатомическим изменениям, к определенным инфекциям или интоксикациям. Другие особенности в развитии терапии состояли в том, что в связи с усовершенствованием частных методов исследования (перкуссия, аускультация, химические анализы) врачебное мышление было сосредоточено почти исключительно на патологии органов. Соответственно и терапия приобрела характер локалистической органоидной терапии. Старинный принцип «лечить не болезни, а больного» приобрел формальное значение и не играл определяющей роли в клинической практике. Хотя в связи с развитием учения о темпераментах и конституциях укреплялась идея «целостного организма», тем не менее еще не уделялось достаточно внимания нервно-психическому фактору и его важной регуляторной роли. Однако все более накапливались наблюдения, подчеркивавшие существенное значение «психогенного фактора» в этиологии и патопластике болезней внутренних органов (А.Штрюмпель и др.).

Наряду с этим быстро развивалось учение о неврозах и психоневрозах. Нервные болезни были разбиты на две группы: на органические заболевания (определенные формы, с определенными изменениями, порой и с определенной этиологией) и так называемые неврозы. Последние казались загадочными заболеваниями, ибо ни микроскопы, ни химические реакции не могли помочь понять их происхождение. Но и здесь мало-помалу наука начинала раскрывать этиологию и природу ряда заболеваний. Так, хорею объяснили как послеинфекционное заболевание; тетанию, базедову болезнь, климактерические явления стали связывать с нарушениями деятельности желез внутренней секреции; эпилепсию отнесли к числу заболеваний, вызываемых мозговыми изменениями, правда, не во всех случаях доступными для микроскопа. От многочисленной вначале группы неврозов остались истерия, неврастения и близко стоящие к ним обсессивные состояния, тики и тому подобные явления, объединенные под названием психастения. В этой-то области психиатрии и обнаружился в конце XIX — начале XX вв. с особой силой методологический кризис, который переживали в той или иной форме различные области, естествознания.

Следует отметить, что в этот период все более увеличивалось число хорошо проверенных фактов исцелений посредством гипноза. Целый ряд наблюдений над патогенным действием психических ситуаций, с одной стороны, и избавлением от болезненных расстройств, с другой, все настойчивее обращали на себя внимание клиницистов. Явления этой группы также стали объектом лабораторных исследований. Началось изучение влияния эмоций на кровообращение, дыхание, потоотделение и т.д. (наблюдения Гейера над психической секрецией желудочного сока, Глазера — над содержанием кальция в крови и его колебаниями в зависимости от психических причин и многочисленные другие исследования).

Все эти сложные явления требовали серьезного теоретического обобщения. Метафизический материализм оказался бессильным их объяснить.

Ограниченность его попыток дать истолкование данных явлений состояла в механистическом отрицании относительной самостоятельности психической деятельности, что наиболее отчетливо проявилось, в частности, в длительном нигилистическом отрицании психотерапевтических методов лечения.

Спекулируя на этой ограниченности материалистического понимания сущности психики, идеализм в лице Зигмунда Фрейда и его последователей абсолютизировал относительную самостоятельность психического и с этих позиций дал идеалистическую трактовку сущности психических процессов как в норме, так и в патологии. Материалистическая же линия в психиатрии не смогла сразу и решительно противопоставить фрейдизму научную, диалектическую трактовку проблемы. Этим и следует объяснить необычно широкое распространение, которое получил фрейдизм среди буржуазных психиатров. В докладе на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, состоявшемся в мае 1962 г. в Москве, Ф. В. Бассин отмечал, что «определенной области теории сознания — учению о бессознательном, или, как гораздо правильнее говорить, учению о формах высшей нервной деятельности, не сопровождаемых сознанием вызываемого ими поведения, долгое время не уделялось внимание, соответствующее той важной роли, которую играют эти своеобразные проявления мозговой активности. Эта недооценка теории неосознаваемых психических процессов явилась утрированной и потому неадекватной реакцией на псевдонаучный характер, приданный теории «бессознательного» идеалистической философией и фрейдизмом. В результате этого правильное развитие важной проблематики было на многие годы задержано» (Бассин Ф. В. Сознание и «бессознательное». — «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» М., АН СССР 1963, с. 425).

Весь механизм психической деятельности Фрейд характеризует как нечто абсолютно спонтанное, как некую самостоятельную сущность, существующую независимо от материального субстрата, действующую изолированно от внешнего мира. Фрейд отрицает и детерминированность психического физиологическими, мозговыми процессами, и обусловленность психики внешним воздействием. Для него психика — это самостоятельный аппарат в организме, испытывающий со стороны организма лишь некоторые известные воздействия, своего рода толчки, напоминания. Внешние же воздействия — это только повод, стимулирующий проявление скрытых, дремлющих в человеке влечений. Под влиянием этого внешнего толчка психическая деятельность разворачивает заложенные в ней стремления. Органы чувств, по Фрейду, являются как бы щупальцами, с помощью которых психика ориентируется во внешнем мире для осуществления внутренних влечений. Поэтому из внешнего мира воспринимаются не все впечатления, а только те, которые соответствуют внутренним влечениям. Получается, таким образом, что психическое не есть результат взаимодействия организма с внешним миром, а, напротив, само это взаимодействие подчинено внутренним психическим силам, внутренним

стимулам, которые выступают как первичное по отношению к внешним воздействиям. «Внутреннее восприятие дает ощущения процессов, происходящих в различнейших, несомненно также глубочайших слоях душевного аппарата. Они мало известны и лучшим их образцом может служить ряд: удовольствие — неудовольствие. Они первичнее, элементарнее, чем ощущения, возникающие извне, и могут появляться в состоянии смутного сознания» (Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924, с. 18). Внутренние воздействия, следовательно, во всех отношениях главенствуют и играют решающую роль в формировании психической деятельности человека. Поэтому совершенно неизбежным является асоциальный, внеисторический анализ психического, даваемый Фрейдом. Человек у него приобретает характер биологического существа, причем биологическим основам психического дается мистико-идеалистическая трактовка. Основой сознательного поведения объявляются темные психические силы — влечения. Именно от этих влечений проистекают все внутренние стимулы, и само нервное возбуждение как физиологический акт имеет первопричиной сугубо идеальный фактор — влечения.

Касаясь проблемы соотношения психического и физиологического, Фрейд пытался физиологическим явлениям дать психологическое объяснение; для него не психическое производно от физиологического, а, напротив, физиологическое определяется психическим. Так, подходя к объяснению сущности человеческой жизни, он физиологические процессы организма выводит из психологических влечений жизни и смерти. Вся человеческая жизнь, по Фрейду, — это борьба и компромисс между двумя указанными влечениями. В каждой клетке организма смешаны два влечения — эрос и смерть. «Каждый из этих двух родов влечений сопровождается особым физиологическим процессом (созидание и распад), в каждом кусочке живой субстанции действуют оба рода влечений...» (Фрейд З. Я и Оно, с. 39–40). Все физиологическое развитие организма в онто- и филогенезе, в норме и патологии подчинено психическим либидинозным влечениям: «...именно жизненные или сексуальные влечения в каждой клетке берут другие клетки в качестве своих объектов, и их влечения к смерти, вернее, вызываемые этими влечениями процессы, частично нейтрализуются и, таким образом, сохраняют им жизнь, в то время, как другие клетки, в свою очередь, действуют также по отношению к первым, а еще новые жертвуют собой для выполнения этой либидинозной функции» (Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925, с. 92). В названной работе Фрейд рассматривает эволюцию живой природы как результат развития противоположных влечений: жизни и смерти.

Влечения как психические явления, по Фрейду, — это не результат закономерного развития материи, а такие феномены, которые либо возникают одновременно с жизнью и ей сопутствуют, либо даже предшествуют ей. Фрейд, таким образом, все физиологические процессы в живом организме подчиняет психическому, духовному началу — влечениям, которые служат проявлением особой духовной энергии — либидо. Трактовка Фрейдом

психики как особой нематериальной «либидинозной» энергии является образцом идеалистической характеристики психического как некоего субстанциального начала. Оторванная от всякой материальной основы, не обусловленная никакими материальными процессами, либидинозная энергия, по Фрейду, является основой всей человеческой деятельности и культуры, всех социальных взаимоотношений, порождая всечеловеческие чувства и страсти, всю культуру, да и само общество.

Учение Фрейда о либидинозной энергии представляет собой одну из «психологических» разновидностей того «энергетического идеализма», который был подвергнут всесторонней и острой критике в работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Не случайно поэтому современные неопрейдистские школы подняли на щит мистическую сторону фрейдовского учения. Опираясь на неоднократные высказывания Фрейда о либидо как особой психической энергии, современные последователи его учения пытаются придать этому тезису «научнообразный» характер, апеллируя к новейшим открытиям современной физики. Показательными в этом отношении являются попытки таких американских психоаналитиков, как Беллак и Пумпиан-Миндлин, дать физико-энергетическое обоснование фрейдовскому «либидо» (см. «Conceptual and methodological problems in psychoanalysis». N. Y., 1959).

В своих статьях, посвященных анализу ряда основополагающих принципов психоаналитической теории, названные авторы развивают идею Фрейда о «либидо» как своеобразной форме психической энергии. Отличие своей концепции либидинозной энергии от концепции Фрейда они видят в том, что Фрейд понимает психическую энергию в классическом, ньютоновском смысле, тогда как в наши дни, по их мнению, сущность психической энергии может быть понята только с позиций квантовой физики (там же, с. 1051).

«Модернизируя» фрейдизм с точки зрения современной науки, Леопольд Беллак утверждает необходимость замены традиционного детерминизма классической физики в вопросе о взаимодействии сознательных и бессознательных процессов теорией вероятности, позволяющей, по его мнению, лучше понять сущность взаимоотношений основных элементов фрейдовского психического аппарата (сознания и бессознательного) (там же, с. 1080). Беллак, таким образом, не пытается доказать несостоятельность фрейдовской теории, отрицающей объективную детерминированность психических процессов и объясняющей психическое (сознание) психическим же (бессознательным), а стремится найти обоснование фактическому индетерминизму психоанализа с помощью ссылки на теорию вероятности.

Подобные неопрейдистские теории не претендуют на то, чтобы открыть какую-то новую форму движения материи, какие-либо новые ее закономерности. Психоаналитическая теория «психической энергии» является образцом идеалистического отрыва движения от материи, сознания от его материальной основы. «Использование философским идеализмом новой физики или идеалистические выводы из нее вызываются не тем, что

открываются новые виды вещества и силы, материи и движения, а тем, что делается попытка мыслить движение без материи» (*Ленин В. И. Соч.*, т. 14, с. 253).

Фрейд приступал к изучению психики, оторвав ее от материальной основы и обособив как самостоятельную сущность. «Наша психическая топика пока не имеет ничего общего с анатомией. Она относится к областям душевного аппарата, независимо от их местоположения в теле, а не к анатомическим локализациям. Наша работа в этом отношении свободна и может вестись дальше согласно собственным требованиям» (*Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.-Пг., Госиздат, 1923, с. 133*). Следовательно, проблему взаимоотношения мозга и сознания Фрейд решал, отрывая психическое от материального, сознание — от мозга, превращая идеальное в самостоятельную сущность. Именно за этот отрыв мысли от мозга, присущий идеализму, В.И.Ленин назвал идеализм «безмозглой философией» (см. *Ленин В. И. Соч.*, т. 14, с. 37).

Согласно учению И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, психика представляет собой особую форму отражения, возникающую на основе физиологических рефлекторных процессов, происходящих в центральной нервной системе. В основе психических процессов лежит сложная физиологическая деятельность центральной нервной системы — иррадиация и концентрация возбуждения и торможения, их взаимная индукция, обеспечивающие точность и тонкость аналитико-синтетической деятельности, а следовательно процесса отражения объективно существующих отношений. Учение И.П.Павлова указывает на тот физиологический механизм, который лежит в основе психической деятельности, и со всей убедительностью опровергает антинаучные попытки объяснить сущность психических явлений в отрыве от глубокого и всестороннего изучения физиологических процессов, происходящих в центральной нервной системе.

В свете современного учения о высшей нервной деятельности видна несостоятельность «классического» психоанализа, отрывавшего психику от ее физиологической, материальной основы. Не случайными поэтому являются попытки неотрейдизма «подправить», «модернизировать» учение Фрейда при помощи идеалистических выводов из современных открытий в области физиологии центральной нервной системы. Именно это направление неотрейдистской школы подверглось специальной критике на состоявшейся в Москве в октябре 1958 г. научном совещании по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом (см. *Бассин Ф. В. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий. — «Вопросы психологии», 1958, №№ 5, 6*). Сущность этого направления заключается в стремлении «локализовать» фрейдовский «психический аппарат». Неотрейдисты отнюдь не стремятся вскрыть физиологические основы психической деятельности. Психика рассматривается ими как особая субстанция, особый «аппарат», особая «энергия», испытывающая лишь определенное воздействие, своего рода толчки от физиологических процессов и лишь определенным образом

локализованная в тех или иных анатомических центрах. При этом так же, как и у Фрейда, игнорируется социальная природа психики человека.

Наиболее распространенной формой «физиологического обоснования» фрейдизма является так называемая теория центрэнцефалической системы Пенфилда и Джаспера. Согласно этой теории, различные сферы психического аппарата расположены в различных отделах головного мозга. Высшие психические процессы (мышление, речь и т.п.), то есть, по Фрейду, «сознательное», расположены в коре головного мозга. Область же «бессознательного», или инстинктов, находится в низлежащих отделах: в подкорковых узлах и даже в верхнем отделе мозгового ствола, в так называемой «центрэнцефалической системе», которая, согласно Пенфилду и Джасперу, подчиняет себе деятельность коры головного мозга. Специальному рассмотрению эта теория подверглась на состоявшемся в 1953г. международном симпозиуме, посвященном изучению мозговых механизмов сознания (см. «Brain mechanisms and consciousness. Simposium». Oxford, 1954). Идеалистическому извращению в этом плане подвергается павловское учение о коре и подкорке как центрах различных форм рефлекторной деятельности (условных и безусловных рефлексов). Так, в статье американского психиатра Мортимера Остоу «Структурная модель: Я, Оно и Сверх-Я» (см. «Conceptual and methodological problems in psychoanalysis». N. Y., 1959) автор «локализует» бессознательные аффекты, инстинктивную деятельность в подкорковых узлах и, исходя из теории «центрэнцефалической системы» о якобы подчиненности коры низлежащим отделам головного мозга, пытается доказать определяющую роль фрейдовского бессознательного «Оно» в психической деятельности человека. Учение И.П.Павлова о двух инстанциях (коре как центре условных рефлексов и подкорке — центре инстинктивной, безусловно-рефлекторной деятельности) является прямым опровержением фрейдовского учения о взаимоотношении сознательной и инстинктивной деятельности. Учение И.П.Павлова говорит о ведущей, определяющей роли коры в деятельности центральной нервной системы и лишь о «тонизирующем» влиянии подкорковых центров на деятельность коры (что подтверждается современными данными физиологии), в то время как Фрейд пытается обосновать тезис о ведущей роли бессознательной, инстинктивной деятельности и лишь о «сдерживающей» роли сознания в доведения человека. Это мистическое фрейдистское представление об источнике психической деятельности не имеет ничего общего с подлинно научным пониманием психических явлений.

Подлинно материалистическое обоснование сущности психики было дано школой И. П. Павлова, и лишь с позиций его учения о высшей нервной деятельности стало возможным последовательно вскрыть ненаучность психоаналитических построений, их схоластичность и субъективизм. Павловское учение явилось глубоким обоснованием и развитием материалистического учения о сознании как особой форме отражения Объективной действительности. При этом оно диалектически подчеркивает

не только объективную детерминированность сознания, но и его относительную самостоятельность, его активность, его идеальность. Учение И.П.Павлова дает диалектико-материалистической философии неотразимое оружие в борьбе с идеализмом. Прошедшее Всесоюзное совещание, по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии особенно остро подчеркнуло необходимость тесного союза подлинной науки о психических процессах с диалектико-материалистической философией.

Развитие научного понимания сущности психических процессов лишь раз подтверждает ленинское положение о том, что современное естествознание в муках рождает диалектический материализм. «Роды, — пишет В.И.Ленин, — болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот» (*Ленин В. И. Соч.*, т. 14, с. 299).

*Философские науки, 1964,
№ 1, 64–70*

Критика фрейдизма в медицине и физиологии (фрагменты)

И. Т. Курцин

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы естествознание сделало гигантский шаг вперед по пути изучения физиологии и патологии головного мозга. С помощью новейших электронных приборов и разнообразных методов исследования, особенно павловского метода условных рефлексов и электрофизиологического метода регистрации биотоков, стали познаваемы сложнейшие процессы, протекающие в различных его образованиях вплоть до одиночной нервной клетки, с одной стороны, и до психических процессов, с другой.

Человеческий мозг, создавший уникальную научную аппаратуру и определивший пути и приемы научного исследования, сам стал предметом изучения, сам стал раскрывать собственные тайны, самые глубочайшие, самые сокровенные из всех тайн природы. Но чем глубже мы проникаем в эти тайны, тем все больше и больше ощущается необходимость философского осмысливания предмета и открываемых явлений, наука в конечном итоге должна создавать теории на базе правильных

методологических принципов. Это касается всех наук, в том числе медико-биологического профиля. Не случайно же на протяжении всей истории человеческого общества медицина всегда являлась ареной борьбы двух диаметрально противоположных по своему содержанию и направлению идеологий — материализма и идеализма. В медицине капиталистических стран находят себе благоприятную почву различные идеалистические течения. Одним из таких широко распространенных идеалистических течений в современной медицине капиталистических стран является фрейдизм, в основе которого лежит учение австрийского психиатра, невропатолога и психолога Зигмунда Фрейда о ведущей роли бессознательного и сложнейших инстинктов (полового, агрессивного и др.) в психической деятельности и в поведенческих актах человека, в его творческой и общественной жизни, а также в происхождении ряда нервных, психических и многих соматических болезней. В истоках формирования этого учения (последняя четверть XIX в.) идеи фрейдизма имели локальный, национальный характер, и только начиная с XX в. они стали выходить на международную арену, постепенно проникая в другие страны. На первых порах они встретили серьезный отпор со стороны некоторых психиатров. Но уже вскоре в Вене, Цюрихе и Берлине были созданы первые психоаналитические общества, целью которых была пропаганда фрейдовской теории, а в Зальцбурге в 1908 г. организован Первый международный психоаналитический конгресс. К этому периоду относятся и первые издания психоаналитических журналов. В 1909 г. Фрейд пересекает Атлантический океан и в Соединенных Штатах Америки читает курс лекций по психоанализу. Так идеи фрейдизма получили «путевку» в заокеанские страны. А после окончания первой и особенно второй мировых войн они широко распространились во всех частях света. Идеи фрейдизма глубоко проникают не только в психиатрию и невропатологию, с которыми связано их возникновение и распространение, но и в клинику внутренних болезней.

На принципах фрейдизма в ряде стран создается так называемая психосоматическая медицина, которая получает развитие в Федеративной Республике Германии (Deutsch, 1954; Mitscherlich, 1954, 1964; Jores, 1963; Uexküll, 1963), Англии (Halliday, 1948; Sperling, 1954; Hamilton, 1955), Франции (Delay, 1953, 1961; Brisset, 1960), Швейцарии (Boss, 1959; Winter, 1963), Голландии (Stokvis, 1952, 1961) и в других европейских странах (Австрия, Испания, Португалия, Норвегия, Швеция). Особенно широкое развитие психосоматическая медицина получает в США (Jelliffe, 1930, 1939a; Alexander, 1936, 1948, 1953a, 1961; Dunbar, 1943, 1947, 1954) и Канаде (Wittkower a. Cleghorn, 1954; Виттковер и Солиом, 1964).

Идеи фрейдизма проникают в различные отрасли профилактической и лечебной медицины Индии (Гангули, 1957), а за последние годы и Японии (Ясуо Окада, 1956).

Одиночные «вспышки» фрейдизма имеют место и в социалистических странах, хотя научные исследования и медицина в этих странах за последние годы находятся под сильным влиянием материалистического учения И. И.

Павлова о высшей нервной деятельности. Так, например, в Польской Народной Республике психоаналитические теории Фрейда не имели распространения среди психиатров (Юс, 1962), но на психиатрическом съезде в г. Познани были открыты, ничем не завуалированные выступления в пользу концепций Фрейда. То же отмечается и в Чехословацкой Социалистической Республике. Хотя в ней, как говорит И. Прокупек (1962), психоаналитические концепции Фрейда никогда сколько-нибудь всерьез не принимались во внимание, однако в недавно вышедшем руководстве по психиатрии для врачей глава о неврозах и психоневрозах написана на основе фрейдизма. В Болгарской Народной Республике теория и практика психоанализа имели сравнительно слабое распространение; приверженцы психоаналитических концепций Фрейда в 30-х годах были объединены в психоаналитический кружок, который не оказал существенного влияния на развитие современных болгарских психиатрических и психологических наук (Дмитров, 1965).

В нашей стране не было почвы для развития идей фрейдизма. Учение о нервизме, о целостности организма и об единстве организма и внешней среды, сформировавшееся в результате научных трудов И.М.Сеченова, С.П.Боткина, И.П.Павлова и Н.Е.Введенского, стало прочной преградой проникновению фрейдизма. Однако и сквозь такую преграду идеи фрейдизма все же просочились из Германии, Австрии и других европейских стран. Были переведены на русский язык и изданы основные труды Фрейда. Некоторые из них переиздавались затем по нескольку раз. Особенно заполнили книжный рынок переводные издания фрейдовских трудов в 1923—1927 гг. Нашлись отдельные поклонники и последователи Фрейда, которые популяризировали его учение, давая в общем положительную оценку фрейдизма (Фельцман, 1909а, 1909б; Вырубов, 1909; Осипов, 1911; Лясс, 1913). Попытки пропагандировать фрейдовское учение среди советских клиницистов и врачей со стороны Т.П.Вейсберга (1924), И.Д.Ермакова (1925, 1926), Л.С.Выготского и А.Р.Лурия (1925), Б.Э.Быховского (1926), Ю.В.Каннабиха (1929) и других не дали ощутимых результатов, хотя авторы убеждали в том, что в фрейдовском психоанализе имеется здоровое и ценное научное зерно, что психоанализ является единственным опытом, создающим истинно объективную натуральную психологию, опирающуюся на изыскания марксизма. Бесплодной оказалась и их попытка на примере невроза увязать фрейдовское учение с учением И.П.Павлова.

Основную борьбу с фрейдизмом в нашей стране вели психиатры. Их критике, как отмечает Н.В.Иванов (1953), были подвергнуты главные положения психоаналитической теории Фрейда, а именно: концепция о бессознательном как главной движущей силе в жизни и деятельности организма, концепции вытеснения, очищения, энергии влечений, структуры подсознательного, механизм возникновения неврозов, а также сам субъективный метод изучения высших форм мозговой деятельности (психоанализ). Отсюда и догматическая предвзятость толкования высказываний больного человека, фантастическая произвольность оценки

сновидений, концепция пансексуализма, объясняющая половым инстинктом все биологические и даже социальные явления (Осипов, 1909; Сербский, 1911).

С.Лифшиц применил метод психоанализа и гипноз на клиническом материале и на основании полученных данных пришел к выводу о том, что концепция вытеснения Фрейда и закладки патогенного начала в детском возрасте едва ли имеет место в действительности, так как сознание у ребенка еще незрело, оно неспособно глубоко воспринять конфликтные ситуации. Концепции Фрейда об эдиповом, кастрационном и нарцисстичном комплексах не доказаны фактами; его язык архаичен. В работе психолога В.И.Волошинова (1930) отмечалось, что фрейдовский метод психоанализа — чисто субъективно-психологический метод, что психоанализ низводит человеческое сознание и социальные отношения до биологического уровня.

Отрицательную оценку фрейдовской психоаналитической концепции дал В.М.Бехтерев (1904). В работе «О личном и общем сознаний» он писал, что по мере углубления в анализ явлений гипноза и внушения мы встречаем затруднения в объяснении этих явлений с позиции фрейдовской концепции о бессознательном. Эта гипотеза, таким образом, не выдерживает научной критики и должна быть отвергнута, как не имеющая под собой твердой почвы. В таком же духе позднее высказался и П.Б.Ганнушкин (1933). Он отмечал, что метод Фрейда, которым пытаются осветить генез и клинику психопатий, кажется слишком и загадочным, и произвольным, и неопределенным для того, чтобы сколько-нибудь серьезно применять его к такой ответственной и широкой проблеме.

Особенно резкой критике идеи фрейдизма подверглись И.П.Павловым при обсуждении им ряда фрейдовских положений на «клинических средах».

В разгроме идей фрейдизма в Советском Союзе большое значение имели такие события, как 100-летие со дня рождения И.П.Павлова и ряд совещаний по философским проблемам высшей нервной деятельности, из которых наиболее важное значение имело совещание на тему: «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». На нем критика фрейдизма прозвучала в докладах и выступлениях Ф.В.Бассина (1963), С.А.Саркисова (1963а, 1963б), Е.В.Шороховой и В.М.Каганова (1963), А.О.Долина (1963), Э.Ш.Айрапетьянца (1963а), И.И.Короткина (1963), А.М.Свядоца (1963), А.А.Меграбяна (1963), А.А.Зубкова (1963), А.Т.Пшоника (1963).

Немаловажное значение имело и то, что в периодической прессе за последние годы все чаще и чаще можно было встретить статьи, посвященные значению философского наследия В.И.Ленина в борьбе с идеализмом в физиологии и медицине (Курцин, Петленко, 1961; Царегородцев, 1962а, 1962б), разоблачению буржуазных теорий в различных областях естествознания (Брагин, 1951; Морозов, Шумский, 1954; Морозов, 1957б; Смулевич, 1959; Царегородцев, 1962а, 1962б, 1962в; Кербиков, 1963; Царегородцев, Петров, 1963). Все чаще и чаще можно было встретить специальные статьи по философским вопросам медицины вообще (Данилов и

Ломонос, 1962; Кербиков, 1962), и по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности в частности (Бассин, 1956; Васильев, 1956; Морозов, 1957а, 1961, 1962; Саркисов, 1957а, 1957б, 1960, 1963а, 1963б, 1964; Свядош, 1959, 1963).

Фрейдизм подвергся особенно резкой критике. В статьях были показаны гносеологические корни фрейдизма (Михайлов, 1962), связи его с идеалистическими представлениями и концепциями (Банщиков, Портнов, 1952; Ефимов, 1957; Бассин, 1958а, 1958б, 1959; Бондаренко, Рабинович, 1959а, 1959б; Банщиков, Эфендиев, 1965), несостоятельность фрейдовской психоаналитической теории (Иванов, 1953; Морозов, 1958, 1959; Бассин, 1960б, 1962б; Перов, 1960), ошибочность понимания Фрейдом и его последователями сознательного и бессознательного (Кербиков, 1955; Данилов, 1958; Меграбян, 1959; Герцберг, 1961; Михайлов, Царегородцев, 1961; Косицкий, 1962; Бассин, 1963), социального и биологического (Гальперин, 1960; Зейгарник, 1962; Новак, Стригачева, 1963), физиологического и психического (Гальперин, 1958, 1960).

Идейному разгрому фрейдизма и других идеалистических течений в современной медицине способствовала публикация в Советском Союзе и ряда трудов зарубежных ученых (Уэллс, 1956, 1959а, 1959б; Фурст, 1957; Вельгъеши, 1957; Вельдьеши, 1964; Метте, 1958; Михалова, 1958, 1961). Все это, конечно, создавало определенный фон и определенное настроение среди естествоиспытателей и давало повод к утверждению того, что идеологическая борьба с фрейдизмом в условиях советской действительности потеряла всякую актуальность (Бассин, 1962а) и является уже пройденным этапом (Бондаренко, Рабинович, 1959а, 1959б). Однако, несмотря на такие утверждения и на такое изобилие критических статей, идейно сокрушающих не только устои, но и отдельные проявления идеализма в трудах ученых, идеи фрейдизма все же имеют отражение в некоторых работах ученых Советского Союза.

Совсем недавно в докладах крупных советских физиологов на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии высказывались мысли сродни фрейдовским представлениям. На это обратили внимание участники совещания Э. А. Асратян (1963а, 1963б), Л. Г. Воронин (1963), А. О. Долин (1963), А. А. Зубков (1963), П. Н. Федосеев (1963) и Ю. П. Фролов (1963), а И. А. Булыгин (1964а) вскоре после совещания даже посвятил этому событию специальную критическую статью, в которой подробно разобрал ошибки критиков рефлекторной теории Сеченова—Павлова.

При этом не нужно забывать и о той большой пропаганде, которая ведется на Западе в пользу фрейдизма (Waelder, 1963; Fromm, 1963; Robert, 1964). В капиталистических странах образованы и весьма активно функционируют психоаналитические и психосоматические общества, часто созываются локальные, национальные и международные конгрессы по проблемам психоанализа и психосоматики; за последние годы вышло в свет большое количество книг, посвященных этим проблемам. Особенно сильно

возросло количество публикуемых трудов в наши дни в связи с двумя юбилейными датами: 100-летием со дня рождения и 25-летием со дня кончины Зигмунда Фрейда (1856–1939). «Фрейд и Павлов», «Фрейд или Павлов» — вот основные темы ряда последних дискуссий зарубежных ученых.

Этому огромному потоку фрейдистской литературы в Советском Союзе до сих пор не была противопоставлена ни одна монографическая работа по критике фрейдизма в медицине и физиологии.

Настоящей работой автор и стремился в какой-то мере восполнить указанный пробел в нашей, советской литературе. Конечно, он отдает себе отчет в том, что его труд не может быть полным и исчерпывающим. Идеи фрейдизма проникли не только в медицину и физиологию. Они вышли далеко за пределы медико-биологических дисциплин, затронув буржуазную философию, социологию, обществоведение, а также литературу, живопись, эстетику, кино, театр и другие виды искусства. Таким образом, борьба с фрейдизмом как с универсальной философской доктриной, как с одним из мощных субъективно-идеалистических течений в жизни современного общества требует участия многих специалистов различных областей науки.

В нашем труде внимание сосредоточено только на критике фрейдизма во внутренней медицине и отчасти в физиологии, именно в тех ее областях, которые используются представителями психосоматической медицины для теоретического обоснования фрейдовских концепций. В нем не затрагиваются проблемы фрейдизма в психиатрии и невропатологии, из которых собственно и вырос сам фрейдизм, за исключением некоторых вопросов, освещение которых диктуется необходимостью. Автор полагает, что обстоятельная критика фрейдистских идей в психиатрии и невропатологии должна быть дана советскими психиатрами, невропатологами и психологами. Вот почему, полемизируя с фрейдистами и представителями психосоматической медицины, опирающейся на фрейдизм, автор оперировал главным образом фактическими данными, полученными по преимуществу советскими учеными при разработке проблем кортико-висцеральной физиологии и патологии.

В нашем труде серьезно не затрагиваются другие идеалистические течения в медицине, поскольку каждое из них требует специального критического рассмотрения.

Книга озаглавлена «Критика фрейдизма в медицине и физиологии». Как всякая научная критика, она предусматривает прежде всего борьбу мнений, взглядов, теорий. Отсюда и неизбежный полемический тон, когда обсуждаются принципиальные вопросы психоанализа и психосоматики, проблемы материалистического учения И.П.Павлова о высшей нервной деятельности и одного из его современных направлений — кортико-висцеральной физиологии и патологии <...>.

ФРЕЙДОВСКИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Фрейд выдвинул следующий основной тезис: не каждый поступок человека обусловлен сознанием; часто он определяется какими-то подсознательными силами, которые находятся в глубинных сферах психики. Он считал, что возникновение и развитие у человека, например, истерии обусловлены вытеснением из сферы сознания в подсознательную сферу неотрагированных в детстве эмоций, влечений или реакций. Это происходит в результате противоречия или конфликта двух принципов: принципа удовольствия и принципа реальности, которые якобы координируют соотношение бессознательного и сознания. Сам процесс такого конфликта представляется следующим образом. Ребенок стремится от окружающей его среды, прежде всего матери, няни, кормилицы, получить максимум удовольствий, наслаждений. В этот период времени происходит как бы накопление запаса энергии полового голода — либидо. Это либидо ребенок с момента рождения получает от всего тела, но особенно полное удовлетворение эротических стремлений он получает во время сосания груди матери или собственного пальца, а иногда и любого предмета, например игрушки. Фрейд считает, что ребенок рождается уже с зачатками половой деятельности и половое удовлетворение он испытывает не только при сосании груди матери или кормилицы, но и при приеме» пищи, и при опорожнении кишечника или мочевого пузыря. Сексуальное влечение формируется фазно (Джонс, 1923). Вначале оно проходит оральную фазу, заключающуюся в эротизации процесса приема пищи, акта еды; в последующем наступают анальная и уретральная фазы, характеризующиеся эротизацией актов дефекации и мочеиспускания, и наконец генитальная фаза, при которой главным импульсом является так называемый эдипов комплекс¹. В первые дни и недели после рождения принцип удовольствия властвует во всем поведении ребенка. Но вскоре этот принцип начинает сталкиваться с принципом реальности. Ребенку запрещают сосать палец, игрушки и все то, что попадает ему под руку; все его стремления ограничивают или гигиеническими и физиологическими рамками, или правилами приличия и морали; каждый поступок ребенка подвергается критической оценке и регламентации. Одним словом, в процессе формирования склада личности ребенка происходит постоянный конфликт между стремлением к удовлетворению своих влечений, желаний и запрещением их удовлетворения в связи с семейным укладом, общественными порядками и существующими в обществе законами.

Согласно фрейдовскому учению, наиболее острым такой конфликт бывает в первые 5 лет жизни ребенка, когда почти все влечения носят на себе отпечаток сексуальности. В зависимости от характера и условий

---

¹ По древнегреческой легенде, Эдип убил своего отца — царя Фив, не зная, что он его отец, и женился на его жене, то есть на своей матери.

эмоциональных переживаний формируются и личность человека, его поведение, склонности, привычки, психические реакции и т.п. В результате стремления к удовольствию инфантильные переживания, или комплексы, как фрейдисты обозначают такого рода импульсы, не исчезают, а вытесняются из сознания в подсознательную сферу, сохраняя при этом ту огромную энергетическую силу, которую ребенок приобретает при возникновении влечения, желания, стремления.

Так, по Фрейду, у человека формируется бессознательное, которое в течение всей жизни определяет весь комплекс психической деятельности, все наиболее важное и существенное в характере человека. Каждый подавленный аффект, каждое подавленное влечение, каждая подавленная реакция сохраняют потенцированный в бессознательной сфере «катексис», «энергетический заряд», который удерживается в бессознательной сфере «антикатектическими силами», «антикатексисом». О наличии таких подавленных влечений и аффектов в сфере бессознательного и постоянной борьбы «катексиса» с «антикатексисом» свидетельствуют определенные картины сновидений, «символы-воспоминания», описки, обмолвки, забывание имен, названий, происшествий и некоторые неосознанные поступки, что и учитывается при психоанализе. Эмоции, влечения или реакции, таким образом, не уничтожаются, а в виде «психической энергии» сохраняются у человека в течение многих лет с тем, чтобы во взрослом состоянии под влиянием каких-либо причин проявиться в том или другом симптоме или синдроме болезни. Эти неотреагированные или подавленные, вытесненные в бессознательную сферу эмоции, влечения или реакции могут быть выявлены во время психоанализа, и врач даже может заставить больного, например в гипнотическом состоянии, вновь пережить то, что было с ним в детстве, воспроизвести соответствующий эффект, разрядить конфликтную ситуацию, вывести наружу определенное количество «психической энергии». Этот метод, получивший название «катарсис» (очищение)¹, применяется в лечебной практике психоаналитиков терапевтов, психиатров, невропатологов и других специалистов медицины (Meares, 1963; Boor u. Kynzler, 1963; Male, 1964).

Из подавленных в детстве влечений наиболее существенное значение в этиологии болезни имеют влечения эротической окраски. Либидо, обогатившись «зарядом психической энергии», становится основным и главным двигателем поведения человека во все периоды его жизни и деятельности. Половой инстинкт (либидо), с его огромным запасом энергии, определяет всевозможные виды творческой деятельности человека, его эмоциональные переживания, чувства, влечения. Так выдающиеся открытия ученого, бесценные полотна художника, религиозный фанатизм, шахматная горячка, спортивный угар и даже классовая борьба с ее забастовками, стачками, демонстрациями — все это оказывается не чем иным, как результатом превращения энергии сексуального влечения в труд, быт и

---

¹ Термин «катарсис» впервые был применен в медицинской системе Аристотеля (384—322 гг. до н. э.).

творческую деятельность человека. Вместе с тем эти сексуальные моменты составляют тот фон и ту основу, которые определяют развитие болезни.

Кстати сказать, этот процесс, названный сублимацией, открывает, по мнению Фрейда, секрет величия Леонардо да Винчи. Все его произведения есть результат выхода энергии сексуального влечения из-под власти «цензуры» и превращения ее в процесс творчества. Все крупные произведения литературы, например «Вертер» Гёте, «Анна Каренина» Толстого, «Красное и черное» Стендаля, базируются, как утверждают фрейдисты, на эдиповом комплексе.

В таком же плане Фрейдом были сформулированы концепции возникновения искусства, расовых различий, религии и т.п. Половое влечение и стремление к смерти, к агрессии и разрушению являются, по его мнению, основой и всех общественных связей и взаимоотношений между членами общества. Например, современное общество переживает вину за убийство вождя племени — преступление, совершенное на основе эдипова комплекса, а религия и нравственность отражают чувство этой вины и раскаяния. Эротические моменты звучат и в его концепции о так называемом кастрационном комплексе. Суть концепции сводится к тому, что в первые годы жизни у мальчиков возникает страх перед кастрацией, а у девочек — чувство зависти к мужскому строению тела, особенно наружным половым органам. Этот страх у мальчиков якобы наследственно закреплен в бессознательном, передается из поколения в поколение, имея своим началом ревность вождя племени к юношам. На сексуальной основе зиждется и фрейдовское понятие «нарциссического либидо», когда человек влюблен в свое тело. Оно было выдвинуто Фрейдом в период первой мировой войны для объяснения массовых случаев невротизации в действующей армии. Причиной их возникновения является конфликт между указанной влюбленностью в свое тело и теми отрицательными эмоциями, которые возникают у воина на фронте в связи с опасностью для жизни.

Вот как фрейдовская психоаналитическая теория представляет структуру и функцию психического аппарата человека. Человеческая психика осуществляет совместную функцию трех основных психических систем: бессознательное (*Unbewusstes, Unbewusst-sein*), подсознательное (*Vorbewusstes, Vorbewusstsein*) и сознание (*Bewusstes, Bewusstsein*). Гипотетически допускается существование как бы трех этажей психики.

Первый, самый нижний этаж, или подвал сознания, как обозначил бессознательное Анри Бергсон, предназначается для бессознательного; в нем хранятся врожденные еще с доисторических времен инстинкты и часто еще с детства ущемленные и вытесненные из сознания комплексы влечений, стремлений, импульсов и идей; здесь же содержатся все конфликтные ситуации, главным образом эмоционального характера, и различные «энергетические заряды». Все они стремятся обойти «цензурные» запреты, вырваться на свободу, трансформировавшись в какой-либо болезненный комплекс или симптом. Основным побудительным мотивом для бессознательного является принцип удовольствия. Благодаря ему происходит

удовлетворение желаний, стремлений и, главное, инстинктивных побуждений. «Жильцы» подвального помещения бывают самые разные, и врач-психоаналитик может узнать о них лишь в том случае, если они дадут о себе знать, например, когда человек делает какие-либо описки, оговорки, говорит какие-либо шутки, остроты, видит определенного содержания сны. В остальных случаях глубокая тайна окутывает «обитателей» подвального помещения, скрывшихся под вычурным названием «Оно». Виной этому «жильцы» второго этажа.

Это они, как черберы, стоят у дверей подвала, бережно охраняя доступы к нему и выходы из него; это они, как фильтр, впускают в подвал то, что требует запрета с позиций этикета, нравственности и морали, и выпускают на порог сознания то, что разрешается по тем же самым мотивам. В этом этаже расположено то, что ранее Фрейд обозначал подсознательным, или совестью. Позднее оно получило наименование «Сверх-Я» («Идеал-Я», «Супер-Эго»). Его функции определяются существующими в обществе юридическими, политическими, экономическими, моральными, религиозными, патриотическими, половыми и другими запретами и ограничениями. Именно ему, этому «Сверх-Я», и принадлежит основная роль в «подсказке» жильцам третьего, самого верхнего этажа, что следует подавить, загнать подальше в подвал, а что следует выпустить «в свет» как приемлемое и необходимое для организма. Такая сложная контролирующая функция подсознательного выполняется посредством двух цензурных начал: первого, расположенного между бессознательным и подсознательным, и второго — между подсознательным и сознанием. В функции первого входит цензура того, что стремится из подвала сознания (бессознательное) проникнуть в сознание; в функции второго входит пропускать все то, что находится уже в подсознательном и пытается выйти в сферу сознания. Это самый ответственный участок психического аппарата, и поэтому он наделяется большими функциями. Ему принадлежит хранение всех воспоминаний, событий, поступивших через чувственное восприятие внешней среды; в нем сохраняются сведения о нормах поведения, о морали, о нравственности, о необходимых условиях общественной жизни, политических и экономических стандартах, одним словом, все то, что требуется человеку для сознательной благонамеренной жизни.

Таким образом, по Фрейду получается, что сознание составляет как бы сердцевину цензуры подсознательного. Здесь же властвует и принцип реальности, который определяет необходимый уровень удовлетворения инстинктивных потребностей и сопоставляет требования принципа удовольствия с реальной обстановкой. Ему же принадлежит важная роль в процессе сублимации бессознательных импульсов и в переключении этих импульсов по другим каналам сознания.

Третий этаж отведен сознанию; оно обозначается символом «Я» («Эго») и представляет собой разум. По сути дела, главная роль человеческого сознания должна сводиться к познанию внешнего мира, а, по Фрейду, она сводится к непрерывной борьбе сознания с врожденными

инстинктами и основанными на них вытеснениями. Это совершается у каждого человека. Поэтому на свете нет лиц, у которых не было бы симптома невроза как результата этой бесконечной и неизбежной борьбы. О «жилльцах» верхнего этажа Фрейд вообще говорит очень мало. Это объясняется тем, что основной стержневой проблемой его психоаналитической теории является бессознательное; именно оно имеет главенствующее значение в психической деятельности и поведенческих реакциях человека.

Весьма примечательно дальнейшее развитие этих фрейдовских понятий в наши дни американскими адептами фрейдизма. На симпозиуме, созванном Академией наук США для обсуждения методологических проблем психоанализа, выступил крупный теоретик фрейдизма Беллак (Bellak, 1959) с докладом о бессознательном и его значении для психоаналитической теории. Он охарактеризовал три аспекта понимания бессознательного: физиологический, структурный и динамический. Первый аспект — неосознаваемость многих вегетативных функций организма — и второй аспект — неосознаваемость автоматизированных актов, например движения, — никакого отношения к психоаналитической теории, по его мнению, не имеют. Третий же аспект — неосознаваемость вытесненных влечений, идей и импульсов, способных проникнуть при определенных условиях в сферу сознания, составляет, по автору, предмет психоаналитической теории. Вся структура психического аппарата не может быть представлена, по Беллаку, в каких-то пространственных размерах; она ничего общего не имеет с анатомической топографией нервных структур, так как построена на чисто психологической основе; она абстрактна и мифологична.

Таковы вкратце структура психического аппарата по Фрейду и тесно с нею связанные принципы фрейдовских психоаналитических концепций. Именно эти фрейдовские представления и составляют, по утверждению психосоматиков, всеобъемлющее и всемогущее учение, которое легло в основу психосоматической медицины. И поскольку, как говорит английский психосоматик Бенет (Bennett, 1940), «гений Фрейда» открыл лишь общие пути изучения больного человека, перед современными учеными и врачами стоит основная задача: переработать фрейдовский метод психоанализа применительно к различным дисциплинам практической медицины, и прежде всего к клинике соматических болезней.

Довольно широко применяя в своих рассуждениях термины «синтез», «единство организма», «целостность», «детерминированность», «взаимосвязь организма и внешней среды», представители современной психосоматической медицины указывают, что механизм возникновения и развития многих внутренних болезней совершенно неизвестен и поэтому выяснение этой кардинальной проблемы медицины является первостепенной задачей патологии. Однако, обосновывая таким образом задачи психосоматической медицины, они не в состоянии разрешить проблему взаимоотношений психики и соматики с позиций учения Фрейда о психопатологии, так как это учение не может открыть и использовать в

практической деятельности объективные закономерности психических явлений и всех жизненных процессов <...>.

Курицин И. Т. Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.-Л., 1965, с. 3–8, 16–21

О психоанализе как психотерапевтическом методе¹

И. И. Лукомский

В идейной борьбе вокруг концепции фрейдизма за последние годы наметилась тенденция отделить мировоззрение фрейдизма от психоанализа как психотерапевтического метода. Сознвая уязвимость положений фрейдизма как теории, выражающей определенное мировоззрение и претендующей на разрешение сложнейших проблем современной социологии, некоторые из защитников психоанализа напоминают, что последний возник первоначально в качестве психотерапевтического метода, круг задач которого был ограничен рамками лечения неврозов. Все же позднейшие «наслоения» не имеют якобы отношения к этой основе и не должны приниматься во внимание при определении ценности психоанализа для практики психотерапии. При этом ссылаются на самого Фрейда, который в выступлении на V Психоаналитическом конгрессе в Будапеште в 1918 г. возражал против требования, «чтобы психоанализ отдал себя в распоряжение философского мирозерцания» [1, с. 130].

Верным в этих утверждениях защитников фрейдизма является лишь то, что основные положения психоаналитической доктрины были сформулированы раньше, чем Фрейд, находившийся под прямым влиянием метафизических и идеалистических концепций (концепция Шопенгауэра и Гартмана о слепой, неразумной воле, господствующей над миром, и философия Ницше), официально провозгласил свое философское кредо. Он сделал это тогда, когда фрейдизм превратился уже в модное течение, привлекшее много сторонников.

Однако Фрейд еще раньше указывал, что его концепции близки к идеям Шопенгауэра и Ницше, хотя с трудами упомянутых философов он познакомился уже после создания своей теории. Так, в опубликованной незадолго до начала первой мировой войны работе «Очерк истории психоанализа» Фрейд говорит, что свою концепцию о вытеснении он считал оригинальной до тех пор, пока один из его учеников не показал ему место из книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», где автор пишет о

---

¹ Доложено на выездном заседании правления Всероссийского общества невропатологов и психиатров в Ярославле 10/VI 1965 г.

сопротивлении какому-либо мучительному явлению действительности в качестве источника безумия [2, с. 24]. В той же работе Фрейд упоминает о «громадном наслаждении», которое ему давало чтение произведений Ницше [2, с. 25].

Перейдем к рассмотрению вопроса о психотерапевтической ценности метода психоанализа.

Главным признаком психоаналитического метода, отличающим его от всех других методов психотерапии, Фрейд считал то, что терапевтическое воздействие зависит не от суггестивного запрета врача. Наоборот, предполагалось, что симптомы сами исчезнут, если с помощью психоаналитического воздействия удастся дать другое направление течению психических процессов, до того приводивших к формированию симптома. Развивая эту концепцию, Фрейд, в прошлом ученик виднейших гипнологов Шарко, Льебо и Бернгейма, пришел к отказу от гипнотической техники, отстаивавшейся Брейером, и выдвинул положение, что между гипнотическим и психоаналитическим методом лечения существует «самая большая противоположность». По мнению Фрейда, гипноз «закрывает от нас понимание игры психических сил, например не показывает нам сопротивления, при помощи которого больные сохраняют свою болезнь, то есть противятся выздоровлению, и которое одно только дает возможность понять поведение их в жизни» [1, с. 21].

Однако не только разногласия в вопросе о методике и технике лечения привели к разрыву Фрейда с Брейером. Последний был склонен к физиологическому толкованию механизма лечебного воздействия и в противовес фрейдовской теории вытеснения выдвинул физиологическую концепцию гипноидных состояний, неприемлемую для Фрейда.

Метод этот получил значительное распространение. В недавно опубликованном 13-м отчете Комитета экспертов ВОЗ по психогигиене среди методов психотерапии упоминается и психоанализ, при этом указываются широкие рамки его применения; согласно рекомендации Комитета экспертов, отбирать отдельных больных для данного вида психотерапии может и не специалист-психиатр, хотя само проведение психоанализа и должно осуществляться психиатром [3, с. 20].

Как известно, применявшаяся Фрейдом психоаналитическая методика и рамки ее использования не оставались неизменными. На первом этапе Фрейд, проводя психотерапевтическую работу совместно с Брейером, прибегал к психоанализу лишь в случаях истерии, при этом он исходил из положения Брейера, что возникновение истерических симптомов зависит от потрясающих, но забытых больными сцен из их жизни. Основанное на этом положении лечение имело целью вызвать у больных в состоянии гипноза воспоминание о переживаниях и воспроизвести их. Воспоминания, мысли и импульсы, до того выпавшие из сознания больного, в состоянии гипноза вновь возникали, больной при проявлениях интенсивного аффекта сообщал врачу о своих переживаниях, и это, по мысли Брейера и Фрейда, должно было обусловить преодоление симптомов болезни и невозможность их

возвращения. Брейер и Фрейд в период их совместной работы видели механизм лечебного воздействия психоанализа в изживании «ущемленного» до того аффекта, связанного с подавленными психическими актами («отреагирование»). Однако вскоре между обоими авторами выявилось расхождение. Брейеру был чужд столь характерный для Фрейда пансексуализм, проявившийся уже в самой трактовке некоторых основных терминов и понятий психоаналитической доктрины. Сюда относится прежде всего понятие катарсиса, которое Брейер и Фрейд применяли для обозначения предполагаемого механизма воздействия ранней методики психоаналитической терапии.

Слово «катарсис», означающее в буквальном переводе «очищение», было взято Брейером и Фрейдом из древнегреческого эпоса: судьба управляет действиями человека, нередко вопреки его воле, и он «не несет ответственности за свои поступки. Но если им совершено преступление, хотя бы невольное, он должен «очиститься», чтобы искупить свою вину. Так, Геракл, совершив в приступе безумия убийство, должен был чистить авгиевы конюшни. Эдип по воле судьбы совершает преступление, которого он старался избежать, но тем не менее должен искупить. Близкое по содержанию понятие «катарсис» нашло отражение в эстетических воззрениях Аристотеля, который указывал, что одной из особенностей трагедии является очищение через сострадание и страх [4, с. 56]. Хотя истолкование примененного Аристотелем понятия трагического очищения (катарсиса) и вызвало в литературе разногласия, все же не подлежит сомнению, что в этом понятии заложена гуманистическая идея. Последняя была извращена Фрейдом, который придал термину «катарсис» сексуальную окраску, равно как и ряду других основных понятий своей теории («вытеснение», «конверсия» и др.). Сексуальный оттенок придал Фрейд и термину «перенесение», обозначающему контакт между врачом и пациентом во время психоанализа (подобно рапорту во время сеанса гипноза). Фрейд утверждал, что при всяком лечении невроза возникает «факт грубо сексуально окрашенного, нежного или враждебного перенесения» [2, с. 22].

Возражая против упрека в пансексуализме, Фрейд фактически подтвердил справедливость его: он утверждал, что в механизме невроза играет роль наряду с сексуальной потребностью и лишением также сексуальное отвращение больных неврозами, их неспособность любить — психическая черта, которую он назвал вытеснением.

Психоанализ по модифицированной в сравнении с первоначальной методике и технике начинался с того, что Фрейд заставлял больных лечь в удобной позе на спине, а сам садился позади так, чтобы больные его не видели. Он не требовал от больных, чтобы они закрывали глаза, избегал прикосновения и всяких других движений, напоминающих гипноз. Сеанс протекал в виде беседы между двумя бодрствующими лицами, из которых одно избегало какого-либо мышечного напряжения и отвлекающего впечатления, способных помешать концентрации внимания. Так как способность поддаваться гипнозу зависит, как известно, не только от

искусства врача, но и от доброй воли пациента и большое число больных неврозом вообще не удается загипнотизировать, отказ от включения элементов гипноза в психоаналитическую методику позволял применять последнюю на неограниченном числе больных. Но, с другой стороны, отпадал такой важный фактор, как измененное состояние сознания, дававшее именно тот материал воспоминаний и представлений, при помощи которых совершалось «освобождение» симптомов. Для восполнения этого пробела Фрейд пытался использовать приходящие в голову больного мысли, то есть произвольные, воспринимаемые большей частью как мешающие, а потому при обычных условиях устраняемые мысли, врывающиеся в связную речь. Фрейд требовал от больных, чтобы они давали себе полную свободу в том, что говорят, и рассказывали все, что приходит в голову и в том случае, если это им представляется неважным, не относящимся к делу или даже бессмысленным. С особенной настойчивостью он требовал от больных, чтобы они не исключали из своего рассказа ни одной возникшей у них мысли, которую им стыдно или неприятно выразить. Обнаруживаемые при этом изъяны памяти Фрейд рассматривал как результат вытеснения всего, что связано с неприятными чувствами. Психические силы, вызвавшие это вытеснение, дают себя чувствовать, по мнению Фрейда, в сопротивлении, проявляющемся против лечения. Момент сопротивления стал одним из фундаментов психоаналитической теории.

Задачей лечения, по Фрейду, является устранение амнезии, вытеснения. Когда восполнены все изъяны воспоминаний, выяснены все загадочные эффекты психической жизни, продолжение болезни становится невозможным.

Таким образом, задача психоаналитического лечения заключается в том, чтобы сделать бессознательное доступным сознанию, что достигается путем преодоления сопротивлений. Однако нельзя забывать, что такого идеального состояния не бывает и у здорового человека.

Для разрешения этой задачи Фрейд выработал искусство толкования, позволяющее как бы извлекать из руды случайных мыслей чистый металл вытесненных мыслей. Объектом толкования являются не только случайные мысли больного но и его сновидения, непреднамеренные действия, совершаемые без всякого плана, и ошибочные поступки в повседневной жизни.

Насколько произвольными и тенденциозными являются попытки толкования, можно видеть, например, из задачи, которую Фрейд ставил перед психоаналитиками: подтвердить, что у пациентов-мужчин наиболее значительное сопротивление лечению происходит от отцовского комплекса и проявляется как страх перед отцом, упрямство и недоверие по отношению к нему в плане пресловутого эдипова комплекса. Столь же дедуктивно выводимыми пансексуалистскими толкованиями пестрят и другие элементы концепции Фрейда.

О том, что речь идет именно о предвзятых мыслях, на которые психоаналитик наталкивает больного, недвусмысленно сказал сам Фрейд в

своем докладе на 2-м Конгрессе психоаналитиков в Нюрнберге в 1910 г. [1, с. 36]: «Механизм оказываемой нами помощи нетрудно понять: мы сообщаем больному ожидаемое сознательное представление, а он находит у себя сходное с ним вытесненное бессознательное». Таким образом, отказ от внушения больному, который провозгласил Фрейд, отвергая гипнотерапию, оказывается число декларативным, ибо психоаналитическая методика включает навязывание больному представлений, основанных на домыслах врача и произвольных толкованиях им различных проявлений бессознательной деятельности больного.

Не случайно столь велика опасность ятрогений, от которой предостерегал еще в начале 20-х годов П.Б.Ганнушкин в своем выступлении, впервые опубликованном в 1964г. в его «Избранных трудах» под заглавием: «О психотерапии и психоанализе» [5, с. 284]. Ганнушкин писал о больных, «одержимых болезнью Фрейда, не в том смысле, что это новая форма болезни, описанная Фрейдом, а в том смысле, что они заболели от неумеренного, неумелого, почти преступного применения фрейдовской методики».

Со своей стороны мы считаем необходимым подчеркнуть, что психоаналитическая методика неприемлема не только из-за неправильности ее исходных теоретических положений, но и вследствие того, что она вступает в противоречие с основной задачей психотерапевта, заключающейся в стимулировании не слабых, а сильных сторон личности больного.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрейд З.* Методика и техника психоанализа. М., 1923. — 2. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.—Пг., 1923. — 3. Psychosomatic Disorders (Thirteen Report of the WHO Expert Committee on Mental Health). Geneva. 1964. — 4. *Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1957, с. 56. — 5. *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды. М., 1964, с. 284.

***Журнал невропатологии и психиатрии
им. С. С. Корсакова, 1966, т. 66, вып. 3,
с. 469–471***

Фрейд против фрейдизма

Д. М. Урнов

Универсальное значение, далеко выходящее за пределы врачебного кабинета, которое стараются придать фрейдизму его ревностные последователи, вызывает за рубежом все большие сомнения. Один из недавних примеров этого — статья «Эстетика Фрейда», помещенная английским журналом «Энкаунтер»¹. Автор статьи профессор Э.Г.Гомбрих является директором Варбургского института в Лондоне; им опубликованы книги «Рассказ об искусстве», «Искусство и реальность» (1960), а также сборник очерков «Размышления об увлечениях» (1964). Э. Г. Гомбрих соединяет в своих работах, как видно, интересы психолога и теоретика искусства.

Фрейд, говорится в статье, принадлежал по своему воспитанию и культурному складу к классической немецкой школе: «До конца своих дней он смотрел на искусство глазами Гёте и Шопенгауэра». «Ирония судьбы заключается в том, — продолжает Э.Г.Гомбрих, — что именно учение Фрейда послужило средством для пересмотра и разрушения этого взгляда». Теперь, решает автор, через шестьдесят лет после фрейдистской «революции», попробуем заново взглянуть на собственные пристрастия и вкусы Фрейда в искусстве, для того чтобы установить, насколько в самом деле его психоаналитические теории этим вкусам противоречат.

Автор приводит письма молодого Фрейда, в которых он рассказывает о своих впечатлениях после осмотра Дрезденской галереи. Глядя на мадонн Гольбейна и Рафаэля, а после на «Динарий кесаря» Тициана, Фрейд обращает внимание на выразительность лиц. «В некотором замешательстве читатель обнаруживает, — фиксирует автор статьи, — как сам Фрейд не разделял стремления тотчас искать символический смысл в произведениях искусства, в различных ренессансных аллегориях, что так затем процветало в традициях его школы. Символами Фрейд занимался во врачебном кабинете. В картинах Тициана он искал прекрасное».

Правда, Фрейд искал физиологическую символику в произведениях Леонардо да Винчи, о котором он написал свой очерк 1910 года. Но, напоминает Гомбрих, эта работа, которая особенно, может быть, повлияла на фрейдистское толкование искусства, самим Фрейдом рассматривалась как «наполовину беллетристика». «Я не хотел бы, — писал Фрейд немецкому художнику Герману Штраку, — чтобы вы судили о надежности наших выводов на этом примере».

На что следует, по мнению автора статьи, обратить внимание в очерке Фрейда о Леонардо — так это опять на пристальный интерес к лицам. Фрейд всегда считал, что в произведениях искусства изображенные фигуры заключают сами по себе максимум психологического содержания. Это

---

¹ Gombrich E. H. Freud's Aesthetics, «Encounter», 1966, January, pp. 30–40.

отчетливо выразилось во второй его работе по искусству — в этюде о Микеланджело: «Здесь мы снова попадаем на почву XIX столетия в подходе к искусству». В предисловии Фрейд прямо говорит, что его «интересует содержание искусства больше, чем различные его формальные и технические качества, которым художники придают столь большое значение». Иначе говоря, он рассматривал фигуру Моисея так же, как Винкельман и Лессинг толковали Лаокоона или Гёте — «Тайную вечерю» Леонардо.

Особенно, пишет Гомбрих, вполне традиционное, «консервативное» отношение Фрейда к искусству сказывается в его письмах после первой мировой войны. Получив присланную ему Оскаром Пфистером книгу «Психологические и биологические основы экспрессионистской живописи» (1920), где утверждался психоаналитический подход. Фрейд отвечал, что его заинтересовали наблюдения и выводы Пфистера (особенно суждение об экспрессионизме и снах), но «я сам, — писал Фрейд, — отношусь нетерпимо к лунатикам. Я вижу лишь тот вред, который они могут принести. А что касается этих художников, то я принадлежу к тем самым консерваторам и донельзя приземленным личностям, которых вы поносите в предисловии».

Этот взгляд с годами укреплялся у Фрейда. Он относился к модернистскому искусству все более отрицательно. Стефану Цвейгу стоило больших трудов уговорить его посмотреть работы Сальвадора Дали. После этого, в 1938 году, Фрейд писал Цвейгу: «Я искренне благодарен Вам за те работы, которые мне показал вчерашний посетитель. Ибо до сих пор я был склонен рассматривать, сюрреалистов, которые выбрали меня, кажется, своим святым угодником, чистой воды помешанными или процентов на девяносто пять «чистой воды» алкоголиками. Ваш же молодой испанец с его неподдельно искренним и фанатическим взором и его безусловным техническим мастерством внушил мне иное отношение. Было бы, конечно, очень интересно исследовать начала подобной живописи средствами психоанализа. И все же, с точки зрения критика, можно сказать, что искусству, по сути своей, противопоказано нарушение той грани, где количественная пропорция между бессознательным и сознательной обработкой мастера уже нарушает определенную норму. Во всяком случае, это все серьезные психологические проблемы».

Э.Г.Гомбрих выделяет проблему отношения «бессознательного и сознательной обработки» и прослеживает взгляды различных ученых, критиков и писателей по этому вопросу. Он вспоминает книгу Эрнста Криса «Психоаналитические исследования в искусстве» (1952), где также внимание было сконцентрировано вокруг этой мысли Фрейда, его теории творчества. Беда экспрессионистов, по мнению автора книги, состояла в том, что проблему «выражения» они понимали буквально, забывая об указанной Фрейдом пропорции.

«Только мастерство. — заключает Э.Г.Гомбрих, — способно возбудить и выразить заглушенные переживания, которые оживают в произведении искусства». Ясно, конечно, что противопоставление Фрейда его прозелитам в значительной мере условно. Родоначальником фрейдизма в искусствознании

и после статьи профессора Э.Г.Гомбриха останется в наших глазах именно Фрейд, а не кто-либо иной. Но попытка проследить движение фрейдистских взглядов от начала, демонстрация психологического парадокса — своеобразных «ножниц» между объективным содержанием учения и личными художественными пристрастиями его основателя — представляют интерес, ибо лишний раз подчеркивают, в какой тупик эти взгляды привели теорию искусства.

*Вопросы литературы,
1966, № 9, с. 201–202*

История советской психологии (фрагмент)

А. В. Петровский

Предыстория фрейдистских веяний в советской психологии и психиатрии невелика. Несмотря на то что произведения Фрейда переводились в России с 1910 г., он не вызвал сколько-нибудь заметного интереса в научных кругах. Об известной настороженности русских психологов и психиатров в отношении Фрейда говорит статья Н.Самсонова, посвященная психоанализу, где, в частности, отмечалось: «Теория Фрейда спорна, растяжима и неустойчива в применении уже к сновидениям. В приложении же к этнической психологии она рискует выродиться в забаву, в игру»¹. Самсонов далее приводит утверждение одного из фрейдистов: «Субъективный идеализм Канта навязывает реальности законы собственного мышления, насильственно подчиняет природу рассудку. Это не что иное, как инфантильный инстинкт жестокости, порабощения, связанный с либидо. Кант — латентный садист. Садизм его в силу «сублимации» порождает философский спор ...с изнасилованием природы». Самсонов заключает: «Не удивительно, что писания фрейдианцев встречают резкую оппозицию»². П.Эфрусси в своей брошюре «Успехи психологии в России»³ говорит об опасных перспективах развития психоанализа и его растлевающим слиянии и выражает пожелание, чтобы метод психоанализа не получил популярности в России.

Возможной причиной неуспеха Фрейда послужило то обстоятельство, что первые переводы его сочинений в России приходятся на время после 1911–1912 гг., то есть на эпоху, когда упадок и декадентские настроения, вызванные к жизни поражением революции 1905 г., сдерживаются волной

---

¹ Журнал «Психологическое обозрение», 1917, кн. 2, стр. 384.

² Там же.

³ П. Эфрусси, Успехи психологии в России. Пг., 1923.

нового революционного подъема. В эпоху декаданса с его обостренным интересом к проблемам пола следовало ожидать благожелательного отношения к пансексуализму Фрейда. Вместе с тем необходимо заметить, что и за рубежом в эти же годы фрейдизм вызывал протест у ряда психологов. Как мы увидим, первоначально отрицательная реакция на фрейдизм имела некоторые общие основания как у нас, так и на Западе, которые было бы неверно игнорировать.

В связи с этим нуждается в уточнении характеристика состояния фрейдизма в дореволюционной России, которая содержится в предисловии А.Снежневского к книге Г.Уэллса «Павлов и Фрейд» (М, 1959). Справедливо констатируя, что «несмотря на большую активность некоторых русских последователей Фрейда, это учение не получило у нас распространения», А.Снежневский считает, что причиной тому послужили особенности социально-экономических условий России и сила материалистических традиции русской науки.

Между тем исторические факты свидетельствуют, что отрицательное отношение к психоанализу было в два первых десятилетия XX в. явлением общим для всего буржуазного общества, в том числе и для русского. В то же время идеалистическая сущность фрейдизма была первоначально скрыта псевдоматериалистической оболочкой (ссылками на биологию, физиологию, эндокринологию и т.д.), что ввело в заблуждение многих естествоиспытателей, врачей и философов, которые готовы были увидеть в нем материалистическое учение.

Во всяком случае мы не знаем ни одного выступления против фрейдизма до 1917 г., которое могло бы быть объяснено влиянием материалистических традиций русской науки.

Поэтому нужно искать иные причины неуспеха фрейдовского учения до империалистической войны. Это к тому же облегчит нам понимание того факта, что на протяжении периода между первой и второй мировыми войнами фрейдизм получил широчайшее распространение в капиталистических странах, вызвал к себе значительный интерес и одно время создавал реальную угрозу проникновения в советскую психологию. Несомненно, где-то на границе между вторым и третьим десятилетием нашего века по отношению к учению Фрейда произошла резкая перемена в общественном мнении.

Учение Фрейда первоначально вступило в противоречие с воззрениями на общество как на содружество разумных индивидов, рационально организующих свое поведение и облакающих его в разумные формы. Эти воззрения сохранялись со времени расцвета капиталистического строя и были выражены во взглядах идеологов буржуазии — просветителей XVII и XVIII столетий. Философские и этические воззрения периода зари капитализма проецировались в XX в. в ходячую мораль, которой пользовались буржуа. Фрейд с его апологией бессознательного, иррационального, аморального, придя в соприкосновение с фальшивой моралью буржуазии, неминуемо должен был вызвать взрыв. Это послужило причиной той травли,

которой подвергся Фрейд в первые годы своей работы. Те, кто подвергал Фрейда гонению, не понимали, что венский психиатр, более чем кто-либо другой, воплотил в своем учении идеологические доктрины буржуазного общества, но общества не в том виде, в каком его стремилась изобразить ходячая мораль, а в его подлинном неприглядном обличий.

Империалистическая война, обнажив классовую сущность буржуазного общества, послужила причиной тому, что Фрейд получил популярность, успех, легальность¹. Научная теория приобрела идеологические формы и послужила фундаментом, на котором начинает быстро вырастать здание нового религиозно-мистического учения, своего рода новой церкви, где библией стали произведения Фрейда.

Двадцатые годы — это время, когда фрейдизм на Западе начинает наступление на многих участках идеологического фронта. В период империалистической войны и революционных потрясений буржуазия охотно дискредитировала сознание и, слагая с себя ответственность за исторические события, приходила к признанию господства бессознательного начала в частной и общественной жизни человека. Мутные волны психоаналитической стихии плещутся вокруг советской психологии и философии.

Первыми пропагандистами фрейдизма в Советской России были деятели Русского психоаналитического общества (М.Вульф, И.Ермаков и др.), являвшегося по существу отделением Интернационального психоаналитического общества (основанного в 1910 г.), во главе которого стоял Фрейд и его ближайшие сотрудники.

Русское психоаналитическое общество поддерживало связь с зарубежными психоаналитиками, объединяло многочисленные психоаналитические кружки (в Москве, Казани и других городах), осуществляло перевод и издание фрейдистской литературы. Костяк Русского психоаналитического общества (председатель И.Д.Ермаков) составляли врачи-психоаналитики, практически применявшие методы фрейдовской психотерапии.

В связи с этим критика по адресу деятельности общества исходила преимущественно из академических медицинских кругов и затрагивала не столько существо фрейдизма, сколько имела своей мишенью отдельные недостатки психоаналитических методов лечения. Таковы, например, критические выступления против психоаналитиков ответственного редактора журнала «Современная психоневрология» проф. В.Гаккебуша в полемике последнего с М.В.Вульфом². Гаккебуш, выражая недоверие Интернациональному психоаналитическому обществу, которое давало право своим членам (в том числе и неврачам) применять психоанализ для лечения больных, говорил о вреде, который могут принести больным, в особенности детям, психоаналитические приемы, призывал отрешиться от «прямого

---

¹ За пять лет (1914–1919 гг.) появилось 1260 названий психоаналитической литературы (из нее 360 названий на английском языке). См.: «Bericht über die Fortschritte der Psychoanalyse in den Jahren 1914–1919», 1921.

² См. «Современная психоневрология», 1925, № 8; 1926, № 3.

желания» видеть в этиологии большинства психоневрозов только лишь сексуальные конфликты.

Из общих положений Фрейда определенный протест вызывал у этой группы критиков главным образом его пансексуализм. Л.Г.Оршанский пишет в предисловии к книге немецкой последовательницы Фрейда Г.Гуг-Гельмут «Новые пути к познанию детского возраста»: «Постепенно сексуальность превратилась у Фрейда в пансексуальность, в единое господствующее начало. Надо было доказать это, и он сам, а еще больше его ученики приложили это мерило к всем явлениям прошлого и настоящего: к истории, к мифологии, к искусству, к литературе — ко всему кругу человека... Из науки фрейдизм обратился в сектантство... Фрейдизм не знает эволюции, он не хочет быть теорией, а догматом, аксиомой»¹. Несмотря на резкость приведенных характеристик, Оршанский, как и другие представители «академической» оппозиции фрейдизму, принимал с оговорками и поправками само идеалистическое иррациональное ядро психоаналитического учения — концепцию примата бессознательного и в ее провозглашении видел величайшую заслугу Фрейда.

Даже в наиболее непримиримой по отношению к пагубным последствиям психоаналитического метода книге М.И.Аствацатурова «Психотерапия и психоанализ» мы не находим критических замечаний, которые бы были направлены против принципиальных основ фрейдовского учения. Все это давало возможность русским психоаналитикам вести фланговые бои, отстаивая «букву» фрейдизма, и не особенно беспокоиться за его авторитет и методологическую, теоретическую платформу².

«Академическая оппозиция» фрейдизму в медицине, критикуя психоанализ — порождение буржуазной идеологии эпохи империализма — с позиций опять-таки буржуазной идеологии, оказалась органически неспособной разоблачить реакционный смысл учения Фрейда. Падение психоаналитических школ в Советской России связано не с усилиями этой «академической оппозиции», а с тем наступлением на фрейдизм, которое развернулось во второй половине 20-х годов в философии и психологии и которое носило характер партийной, марксистской критики.

История «академической оппозиции» Фрейду о России, как и история партийной критики психоаналитической теории, о которой речь пойдет ниже, является еще одним свидетельством того, что разоблачить самую суть реакционного учения Фрейда можно только на основе марксизма-ленинизма.

Влияние Фрейда и фрейдизма на науку в Советской России не ограничивалось деятельностью Русского психоаналитического общества.

В 20-х годах наблюдается значительный интерес к фрейдизму среди психологов и философов. Было бы неверно видеть в этом результат чисто механического воздействия буржуазной идеологии. Одним из источников определенной популярности фрейдизма в эти годы являлась нарастающая

---

¹ Г. Гуг-Гельмут, Новые пути к познанию детского возраста. С предисловием проф. Л. Г. Оршанского, Л., 1926.

² См. И. А. Перепель, Фрейдизм и его академическая оппозиция, Л., 1924

неудовлетворенность общим состоянием психологической науки, плоским «поведенчеством», не оставлявшим места проблеме активности личности и динамике ее развития. Поэтому Фрейд импонировал своей «готовностью» решать трудные вопросы науки и описывать человеческую психику в живой динамике, в движении и взаимодействии ее частей и сторон. Казалось, что им ничего не упущено: ни жизненный путь личности, ни ее внутренние противоречия, ни рождение, ни любовь, ни смерть. Эта кажущаяся полнота знания об интимных процессах человеческой психики и сокровеннейших мотивах человеческих поступков составляла контраст, как потом выяснилось, мнимый, с голыми рефлексологическими и бихевиористскими схемами. Здесь, по всей вероятности, лежат причины интереса к Фрейду, который обнаруживали с эти годы многие психологи и философы, в том числе М.А.Рейснер, А.Р. урия, Б.Д.Фридман, Б.Э.Быховский, А.С.Грибоедов, А.К.Ленц и другие¹.

Начиная с 1923 г. появляется множество статей и книг, популярно излагающих психоаналитическую теорию и рассматривающих возможности объединения учения Фрейда с марксизмом. М.Рейснер в докладе «Проблемы психологии и теория исторического материализма»² призывал реформировать психологию на базе психоанализа и считал, что только таким образом возможно ответить на вопросы, поставленные теорией исторического материализма. Он же в статье «Фрейд и его школа о религии»³ говорил о необходимости сопоставлять социологический метод Маркса с методом Фрейда при изучении социальной психологии. А.Б.Залкинд в статье «Фрейдизм и марксизм»⁴ под видом критики фрейдистской методологии осуществлял ее «соединение» с марксизмом. О том же свидетельствуют другие его статьи.

Б.Э.Быховский считал уместным исследовать «исходные методологические посылки и итоговые выводы психоаналитического учения в свете диалектического материализма»⁵.

Среди философов наибольшую активность в неблагодарной затее «объединения» марксизма с фрейдизмом проявил А.П.Варьяш. В 1926г. в статье «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма»⁶ он как будто критикует фрейдизм и его объединение с марксизмом. Однако здесь же он высказывает мнение, что, если психоанализом будут заниматься врачи-

---

¹ См.: Б. Д. Фридман, Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма. В кн.: «Психология и марксизм», Л., 1925; А. Р. Лурия, Психоанализ в свете основных тенденции современной психологии, Казань, 1925; М. Рейснер, Проблемы социальной психологии, Ростов-на-Дону, 1925; М. Рейснер, Предисловие к книге Л. Джексона «Очерк марксистской психологии», М., 1925; М. Рейснер, Фрейдизм и буржуазная идеология. Предисловие к книге Ф. Виттельса «Фрейд, его личность, учение и школа», Л., 1925; А. П. Варьяш, История новой философии, М., 1926; А. Б. Залкинд, Очерки культуры революционного времени, М., 1924.

² М. А. Рейснер, Проблемы психологии и теория исторического материализма, «Вестник социалистической академии», 1923, № 3.

³ М. А. Рейснер, Фрейд и его школа о религии, «Печать и революция», 1924, № 2

⁴ А. Б. Залкинд, Очерки культуры революционного времени, 1924, № 2.

⁵ Б. Э. Быховский, О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда, «Под знаменем марксизма», 1923, № 12

⁶ А. П. Варьяш, Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма, «Диалектика в природе». 1925, № 1.

специалисты и в то же время марксисты, то они могут дать много положительного.

Каковы же были основные тезисы «фрейдомарксистов»?

Как известно, марксизм подчеркивает, что истинный характер побудительных сил, приводящих в движение человеческое сознание, остается для человека неизвестным. «Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии»¹.

Пропагандисты психоанализа пытались эти марксистские положения неправомерно отождествить с фрейдистским учением о бессознательном. Психоанализ, как они утверждали, якобы методологически продолжает в психологическом направлении исторический материализм в изучении «человеческой деятельности».

Как считали фрейдисты, психоаналитическим методом, то есть погрузившись в бессознательное, можно выяснить, каким образом обуславливается образование данных психических феноменов. «Психоанализ в основе своей есть учение, проникнутое монизмом, материализмом (не злостный энергетизм всегда есть не доведенный до логического конца материализм) и диалектикой, то есть методологическими принципами диалектического материализма»², — резюмирует Б. Э. Быховский в одной из двух статей о фрейдизме, принадлежащих его перу (о второй статье будет сказано ниже). И хотя фрейдизм в отдельных своих проявлениях и подвергался критическому разбору с позиций марксизма, однако развернутое наступление на психоанализ начинается лишь с 1925 г. Именно с этого времени критика Фрейда и фрейдизма становится одной из задач марксистской философии.

В брошюре «О Ленине», впервые опубликованной в 1925 г., К.Цеткин рассказывает об оценке, которую дал В.И. Ленин так называемому «половому вопросу» вообще и фрейдизму в частности: «Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым о статьях, отчетах, брошюрах и т.п., — короче, к той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами (выше Ленин называет теории Фрейда «гипотезами». — *А. П.*), притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне также противно, как и любовное копанье в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 313.

² Б. Э. Быховский, О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда, «Под знаменем марксизма», 1923, № 11–12, стр. 189.

занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места»¹.

Характеристика, которую дал В.И. Ленин фрейдистскому теоретизированию, срывала с него покров научности и обнажала его классовую буржуазно-ханжескую псевдореволюционность. В немногих словах В. И. Ленин проанализировал сущность фрейдизма, как и других теорий пола (Фрейд был не одинок, и не он был первым в своем гипертрофированном интересе к вопросам пола, достаточно вспомнить Шопенгауэра, Ницше, Вейнингера и многих других), и показал его связь с буржуазной моралью и личными потребностями буржуа, которые маскируются общепринятой моралью. В этом высказывании В.И. Ленина психоанализ впервые получил краткую, но исчерпывающую оценку с позиций марксизма.

Приведенные высказывания Ленина относятся к 1920 г. (время беседы о женском вопросе с К.Цеткин), и они, конечно, хорошо были известны ближайшему окружению Ленина. Во всяком случае, Н.К.Крупская в 1923 г., высказываясь по поводу фрейдизма, придерживалась сходных взглядов на этот вопрос: «..Фрейд не просто учитывает роль полового чувства в наших поступках, он непомерно раздувает эту роль, объясняя все подсознательные поступки половыми чувствами. Многие объяснения его искусственны, натянуты и сверх того проникнуты буржуазно-мещанскими взглядами на женщину»².

На страницах газеты «Правда» (от 14 июня 1925 г.) мы находим признание большого значения брошюры К.Цеткин. Ленинская оценка фрейдизма набрана курсивом, после нее следует вывод: «Над этими словами следует призадуматься тем, которые хотят соединить фрейдизм с марксизмом и использовать “достижения” Фрейда». Приводя слова Ленина: «Может быть, я когда-нибудь скажу речь или напишу о затронутых вопросах. Позже, не сейчас», газета писала: «Тов. Ленину так и не удалось пополнить свое предложение. Вот почему особенно важно появление разбираемых воспоминаний т. Цеткин».

Г.К.Баммель в статье «Философский метод Ленина и некоторые черты современного ревизионизма»³, полемизируя с Варьяшем, пытавшимся соединить Маркса и Энгельса с Фрейдом, убедительно показывает, что считать фрейдистские законы бессознательного «индивидуалистическими истолкованиями законов общественной жизни Маркса и Энгельса» — значит исказить не только понятие бессознательного у Фрейда, но и материалистическое понимание истории Марксом и Энгельсом. Из того факта, что Маркс и Энгельс часто употребляли слово «бессознательное»,

---

¹ К. Цеткин, Воспоминания о Ленине, М., 1955, стр. 44.

² «На путях к новой школе», 1923, № 5, стр. 160.

³ См.: «Воинствующий материалист», 1925, кн. 2.

«фрейдомарксисты» делали неправомерный вывод о «близости» марксизма и фрейдизма.

Баммель напоминает, что к такому софистическому приему не раз прибегали враги марксизма. Как известно, один из участников сборника «Очерки по философии марксизма» утверждал, что «принцип наименьшей траты сил», положенный в основу теории познания Махом, Авенариусом и многими другими, является, несомненно, «марксистской» тенденцией в гносеологии. Далее Баммель приводит ответ Ленина: «У Маркса есть экономия. У Маха есть “экономия”. Действительно ли несомненно, что между тем и другим есть хоть тень связи?»¹ Опровергая последнее, Ленин, как известно, показал, что Мах и Авенариус применяют «принцип наименьшей траты сил» таким образом, что во имя «экономии мышления» объявляется существующим «только ощущение». Опираясь на труды В.И.Ленина и учась у него применять диалектику к анализу идеологических явлений, советские философы и психологи подвергли серьезной критике ревизионистские попытки увидеть в фрейдизме союзника, а не противника в идеологической борьбе.

В оценках фрейдизма, которые содержатся в ряде выступлений советских философов и психологов в 1926–1927 гг., когда борьба с психоаналитическим учением оставалась актуальной партийной задачей, содержится отчетливо сформулированная мысль, что советской науке не по пути с Фрейдом и фрейдистами, какую бы личину последние на себя ни надевали. Рассмотрение критической литературы по психоаналитической проблематике этого периода свидетельствует, что уже тогда ни один кардинальный тезис фрейдизма не мог устоять против натиска марксизма. Это привело к тому, что психоаналитическое направление в психологии (в том числе социальной, детской и педагогической психологии) после 1927 г. утратило свои позиции и потеряло навсегда свое значение. Подавляющее большинство защитников фрейдизма из числа советских психологов и философов подвергли критике свои прошлые психоаналитические ошибки и сурово осудили идеалистические построения Фрейда. Так, например, Б.Быховский в 1926г. в статье «Генеономические воззрения Фрейда», которой он предпосылает в качестве эпиграфа слова Ленина: «Перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*»², доказывает на примере психоаналитической генеономии «полную несостоятельность» фрейдизма, представляющего собой «одну из разновидностей биологизации социальных явлений»³.

Многие выступления против психоаналитической теории, относящиеся к этому периоду, в важнейших своих положениях не утратили своего значения и в настоящее время. Какие же принципиальные возражения были

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 5, т. 18, стр. 175.

² Там же, стр. 349.

³ Б. Э. Быховский, Генеономические воззрения Фрейда, «Под знаменем марксизма», 1926, № 9–10, стр. 79.

выдвинуты в эти годы психологами-марксистами против фрейдистской теории?

Как указывалось выше, сторонники фрейдизма делали попытки объединить фрейдистское понятие бессознательного (*Unbewußtsein*) с понятием бессознательного у Маркса и тем самым подкрепить Фрейда авторитетом Маркса.

В работах основоположников марксизма неоднократно встречается выражение «бессознательное». Однако этот бесспорный факт сам по себе еще ни в коей мере не означал уместности фрейдистских претензий. Все дело, конечно, в том, что марксизм вкладывает совершенно иной смысл в понятие «бессознательное». Выражение «бессознательное» означает здесь отсутствующее, неполное или, наконец, извращенное знание объективных процессов природы и общества. Таким образом, «бессознательное» в марксистском понимании это «незнание», характер которого определяется общественными причинами. Наконец, понятие бессознательного относится у теоретиков марксизма в первую очередь к людским массам, а не к отдельной личности.

Все это не имеет ничего общего с фрейдистской теорией бессознательного. Бессознательное, по Фрейду, отнюдь не незнание, не отрицательный момент в психике, а как раз наоборот — совокупность некоторых положительно действующих психических тенденций (к примеру либидо). Характер бессознательного у него определяется не общественными причинами, а, напротив, биопсихическими моментами. Все это показывает полную необоснованность ссылок пропагандистов фрейдизма на «марксистское учение о бессознательном». Критикуя фрейдистскую концепцию бессознательного, марксисты указывали, что общественные явления можно понять лишь на основе закономерностей, специфических для общества в целом, а отнюдь не на основе изучения отдельных личностей, ибо нельзя представить общество как простую арифметическую сумму индивидуумов. Фрейдистскому учению о бессознательном было, таким образом, решительно отказано в какой-нибудь психологической или социологической достоверности.

Резкой марксистской критике подвергалось учение Фрейда о содержании психики.

В критических работах 1925–1927 гг. было показано, что фрейдистское учение о содержании индивидуальной психики сводится к трем нижеследующим положениям. На них и был сосредоточен огонь критики. Первое — положение об исключительном преобладании в бессознательном *психических архаизмов*, то есть унаследованных психических образований, аналогичных инстинктам животных, к которым присоединяется все устраненное, вытесненное из сознания в период детского развития, как недопустимое по природе своей (например, «эдипов комплекс»). Второе положение — о *приоритете бессознательного* в душевной жизни. Третье — признание *сексуальной природы* всех психических явлений. Критический комментарий к трем приведенным тезисам сводился к следующему:

По поводу первого тезиса. Действительно ли содержание бессознательного у человека может быть исчерпано психическими архаизмами? Фрейдизм подменяет отражение реального конфликта наличных общественных сил, в переплетении которых развивается личность, борьбой между бессознательными влечениями и сознанием. И без унаследованного материала есть почва для психического конфликта, внутренней борьбы, которая в действительности возникает при наличии отраженных в психике противоречий наличной внешней среды.

По поводу второго тезиса. Утверждая приоритет бессознательного, фрейдизм защищает некий неизменный метафизический принцип, якобы независимый от условий времени и места. В действительности, бессознательное может стать властелином психики лишь в результате редкой патопсихологической аномалии. Такое изменение отношений сознания и бессознательного лишь частный случай в бесконечной гамме различных психологических ситуаций.

По поводу третьего тезиса. Все виды психической деятельности, по Фрейдю, есть не что иное, как трансформированное половое влечение. Сексуализм Фрейда отрезает все пути к изучению действительного содержания психики, в частности, тех интересов, потребностей и побуждений, которые приобретаются индивидом в процессе его многообразной общественной деятельности (профессия, школа, семья, научная, политическая работа и т.д.). Конкретное, историческое своеобразие психики полностью игнорируется. Сексуализм, принятый фрейдистами, на деле есть сбрасывание со счетов социальных влияний. «Анализ основных индивидуально-психологических положений фрейдизма, — читаем мы в одной из критических статей, — каждый раз наталкивает нас на одну и ту же принципиальную погрешность, а именно — на фактическое игнорирование социальной обусловленности психики. Но такого рода погрешность неизбежно влечет за собой и целый ряд производных грехопадений. В самом деле, сколько бы ни подчеркивали фрейдисты динамичность психической механики, эта динамичность превращается в стабильность, коль скоро она становится в тупик перед объяснением диалектических изменений психики в разных исторических условиях: сколько бы ни говорили они о возможностях психоаналитического овладения бессознательным, их учение на самом деле насыщено фатализмом, логически вытекающим из теории психических аборигенов и приоритета бессознания. Нечего и говорить, что все эти основные и производные качества фрейдизма ничего общего с марксизмом не имеют»¹.

Не менее основательной критике подвергся и метод психоанализа. Пользуясь этим методом, можно, по мнению советских критиков фрейдизма, прийти к каким угодно представлениям и закономерностям, каждое из которых не будет иметь и тени убедительности. «Любые предубеждения исследователя, обусловленные его социальной природой, в данном случае (то

---

¹ «Под знаменем марксизма», 1926, № 11, стр. 80.

есть применительно к классическому фрейдизму) социальной природой известных кругов упадочной буржуазии, могут найти себе широкий простор в произвольных рамках психоанализа и получить в своих рамках свое псевдонаучное подтверждение»¹.

Критика психологических и психопатологических теорий фрейдизма в этот период имела особо важное значение, ибо враждебная марксизму сущность социологических воззрений Фрейда лежала на поверхности и была значительно более доступна критике, нежели индивидуально-психологические построения психоаналитиков. В ряде случаев критик, только что вскрывший ошибочность, реакционность и враждебность марксизму социологических концепций Фрейда, здесь же не критически делал оговорку, что он вполне допускает возможную правильность индивидуально-психологических построений фрейдизма. Между тем не следовало забывать, что психологическая теория для Фрейда и его последователей — это первооснова, на которой строилось все здание психоаналитического учения, в том числе и его социологическое крыло. Подвергнув критике психологическую теорию Фрейда, психологи-марксисты поставили под удар всю систему фрейдизма. В этом их серьезная научная заслуга².

Предотвратив экспансию чудовищного пансексуализма Фрейда в социологию, историю, социальную и индивидуальную психологию, советская наука не исчерпала задачи борьбы с фрейдизмом. Оставалась еще одна область, — между прочим, исторически являвшаяся для фрейдизма плацдармом, исходным пунктом для развития концепции, — область детской сексуальности. Нанести удар в этом направлении означало попасть в самое сердце фрейдистской теории. Важную роль в связи с этим сыграла опубликованная в 1935 г. книга П.П.Блонского «Очерки детской сексуальности», направленная главным образом против фрейдистской теории детской сексуальности. Блонский сумел показать психологическую несостоятельность фрейдизма, сосредоточив внимание на критике методов изучения и характере интерпретации детской сексуальности, обнаружить и разоблачить научную инфантильность мысли фрейдистов³.

Вместе с тем нельзя не отметить, что критика (и, как мы могли убедиться, справедливая критика) фрейдизма во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов, в дальнейшем имела своим побочным результатом то, что вместе с отказом от фрейдизма была отвергнута и вся проблематика, которая так или иначе была связана с именем Фрейда, например: изучение влечений, потребностей, вся проблема подсознательного и т.д. Так, например, было приостановлено изучение вопросов полового

---

¹ Там же, стр. 86–87

² В начале 30-х годов резкой критике была подвергнута попытка объединить фрейдизм с учением Павлова (см.: *Ф. Шемякин и Л. Гершенович*, Как Троцкий и Каутский ревизуют марксизм в вопросах психологии, «Психология», 1932, № 1)

³ См.: *А. В. Петровский*, Проблемы психологии в последних трудах П. П. Блонского, «Вопросы психологии», 1964, № 3.

развития детей. В настоящее время необходимость обратиться к этой важной проблематике осознается с должной полнотой.

Значительно более слабым то сравнению с фрейдизмом оказалось влияние другого психоаналитического направления — «индивидуальной психологии» Альфреда Адлера, в центре которой, как известно, находилась идея о преодолении «комплекса неполноценности» и организации путем «компенсации» (в широком биологическом и социальном плане) системы мотивов поведения. Нельзя сказать, что концепция Адлера не привлекала внимания наших психологов, она отражена в научной литературе того времени и оказала воздействие на разработку некоторых конкретных тем, главным образом дифференциальной психологии, однако очевидный идеалистический характер этого учения, его несомненная близость к реакционным построениям ницшеанства (апология «стремления к власти», «мужского протеста» и т.д.) не могла не настораживать советских психологов и отнюдь не способствовала распространению его взглядов. В еще большей степени это относится к теориям других учеников Фрейда Юнга, О. Ранка и прочих психоаналитиков, создавших свои «научные» школы, — их труды были известны в СССР, но они не нашли здесь ни поддержки, ни последователей.

*Петровский А. В. История советской психологии.
Формирование основ психологической науки.
М., «Просвещение», 1967, с. 82–94*

Проблема «бессознательного» (фрагменты)

Ф. В. Бассин

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»

Мы приближаемся к концу изложения и можем подвести некоторые итоги. Прежде всего постараемся выделить основные занимавшие нас вопросы.

Мы проследили вначале сложную эволюцию представлений о «бессознательном», последовательные логические этапы развития этой идеи.

Мы пытались показать, как это развитие, начавшись в рамках идеалистических концепций, через длительное время привело к возникновению таких понятий, как неосознаваемые формы психики и неосознаваемые формы высшей нервной деятельности, — представлений, тесно связанных с современным учением о принципах функциональной организации и механизмах работы головного мозга.

Уже на начальных этапах этой эволюции зародился спор между сторонниками «негативного» и «позитивного» решения вопроса о «бессознательном», то есть между теми, кто отрицал саму возможность существования неосознаваемых форм психики, и защитниками более сложной противоположной трактовки, по которой подобные формы не только существуют, но и оказывают глубокое влияние на динамику других психических явлений, клиническую симптоматику и поведение в целом. Спор этот длился долго, то заостряясь, то ослабевая, и на протяжении по крайней мере нескольких десятилетий оставался довольно бесплодным, главным образом из-за того, что ни одна из споривших сторон не сможет использовать для укрепления своей позиции сколько-нибудь точные понятия. Развитие «позитивной» концепции показало, однако, насколько глубока зависимость истолкований проблемы «бессознательного» от методологических положений, на которые подобные истолкования неизбежно опираются. Идеалистические трактовки вынудили в ряде случаев западноевропейских и американских исследователей при рассмотрении вопроса о «бессознательном» вернуться по существу к тем же спекулятивным концепциям, с которых началось в свое время развитие всей этой проблемы.

Сопоставление этого подхода, характерного преимущественно для зарубежной научной мысли, с принципиальным отношением к проблематике «бессознательного» дореволюционной русской, а в дальнейшем и советской психологии и медицины подчеркнуло важность следующих положений. Традиционный для русской науки материалистический подход к учению о мозге, предпочтение этой наукой объективных методов исследования функций центральной нервной системы и характерная для нее приверженность к рефлекторной концепции отнюдь не означали игнорирование или хотя бы недооценку значения проблемы «бессознательного». Мы приводили выше немало примеров, иллюстрирующих, в какой форме осуществлялся анализ этой проблемы, основанный на экспериментальных методических приемах и рациональном истолковании. Одновременно пришлось отметить, что это экспериментальное направление еще не смогло глубоко осветить все аспекты вопроса о природе и законах «бессознательного».

Хорошо известно, что «бессознательное» может изучаться как область мозговых процессов и психологических реакций, которыми организм отвечает на сигналы, без того чтобы все это реагирование или отдельные его фазы осознавались. «Бессознательное» можно исследовать и в другом плане — с точки зрения отношений, которые складываются при разных условиях

между ним и деятельностью сознания. Наконец, как особая проблема выступает вопрос о механизмах и пределах влияний, оказываемых неосознаваемым регулированием на динамику отдельных психологических и физиологических функций и поведение в целом. При освещении этих трех разных аспектов нами было обращено внимание на относительную экспериментальную разработанность с диалектико-материалистических позиций первого из них, на глубину теоретического анализа в советской литературе с тех же позиций второго аспекта и на значительно меньшую исследованность третьего, в то время как зарубежная наука в лице главным образом психоаналитической и психосоматической доктрин основное внимание уделила последнему направлению.

Такое положение вещей характерно для переживаемого нами периода, и оно во многом определяло тематику дискуссий, которые по разным поводам возникали на протяжении последних десятилетий между сторонниками идеалистического и диалектико-материалистического подходов к проблеме «бессознательного». Оно подчеркивает особую важность на современном этапе не столько разъяснения слабых сторон и неправильностей идеалистической трактовки «бессознательного» (эта фаза споров благодаря целому ряду критических работ, выполненных как советскими, так и зарубежными исследователями за последнюю четверть века, в основном уже миновала), сколько обоснования *конструктивного диалектико-материалистического подхода к этой теме*, показа того, как раскрывается идея «бессознательного» на основе современных представлений о функциональной организации мозга, если удовлетворяются строгие требования к объективности используемых методик и критериев и к доказанности формулируемых выводов.

Мы видим, таким образом, насколько сложно на современном этапе обсуждение проблемы «бессознательного». К этому можно уверенно добавить: обсуждение этой темы в той форме, в какой оно велось на протяжении последних десятилетий, то есть в полном отрыве от общего учения о мозге, в настоящее время принципиально неадекватно. Проблема «бессознательного» и сегодня остается, конечно, одной из фундаментальных проблем прежде всего психологии.

Однако в условиях столь характерного для современности сближения психологии с рядом смежных дисциплин, в первую очередь с учением о высшей нервной деятельности, теорией биологического регулирования, психиатрией и неврологией, проблема «бессознательного» перестает быть предметом только психологии¹.

Рассчитывать на какое-то дальнейшее продвижение в ее разработке можно только в том случае, если окрепнет стремление связать эту разработку

---

¹ Недавно состоявшийся XVIII Международный психологический конгресс (Москва, 1966 г.) явился яркой демонстрацией этого сдвига, не лишаящего, конечно, психологию самостоятельности, но придающего ей вместе с тем черты «междисциплинарности» — отражения связующей роли, которую она начинает все более часто выполнять в отношении ряда областей знания, имеющих, казалось бы, мало общего между собой. В лекции, прочитанной для участников конгресса Пиаже, эта тема усиления связующей роли психологии как своеобразно «центральной» науки прозвучала очень отчетливо.

с более широким кругом представлений, к которому тяготеют в настоящее время и многие другие психологические вопросы. Но это значит, что при анализе проблемы «бессознательного» должен быть учтен глубокий пересмотр понимания закономерностей и механизмов мозговой деятельности, который характерен для современной нейрофизиологии и который в значительной степени связан с проникновением в последнюю идей, зародившихся первоначально в области кибернетики.

Сказанного достаточно, чтобы объяснить, почему мы, анализируя проблему «бессознательного», уделили внимание рассмотрению некоторых общих положений современной теории биологического регулирования, разработанных в Советском Союзе еще в 30-х годах Н.А.Бернштейном и глубоко и разносторонне развитых в дальнейшем, независимо от работы Н.А.Бернштейна, Винером, Шенноном, фон Нойманном, А.Колмогоровым, П.К. Анохиным, Д.Н.Узнадзе, И.М.Гельфандом и их многочисленными учениками. Это рассмотрение позволило нам напомнить одну из наиболее характерных тенденций, выступивших за последние годы в учении о мозге, а именно тенденцию нейрокибернетики объяснять детерминацию «разумного», целесообразно ориентированного поведения материальной системы (возникновение реакций адекватного выбора, элективного избегания и т.п.) на основе физических, биофизических и физиологических категорий, полностью при этом отвлекаясь от соображений о той *специфической* работе мозга, которая лежит в основе регулирующей роли *сознания*.

Именно в стремлении реализовать эту тенденцию заключается скрытый пафос многих работ, затрагивающих возможности образования понятий автоматами, теорию самоорганизующихся систем, проблему процессов, происходящих в логических «нейронных» сетях, вопросы «гистонимических» поисков и другие темы сходного типа.

В современном учении о мозге сложилась поэтому своеобразная и для многих неожиданная ситуация. Если на протяжении предшествующих десятилетий немало чернил было пролито с целью разобраться, реальны ли как фактор поведения неосознаваемые формы психики, причем находились исследователи, отвечавшие на этот вопрос отрицательно, то сейчас, как это ни парадоксально, аналогичный вопрос ставится уже в отношении сознания: является ли оно фактором, специфически участвующим в регулировании нервных процессов или же его правильнее рассматривать лишь как эпифеномен мозговой активности, который при обсуждении механизмов последней вообще принимать в расчет не следует.

Вряд ли нужно пояснять, насколько важна эта ситуация для представлений о «бессознательном». С одной стороны, благодаря ей создается впечатление, что многое из выявленного в последние годы в отношении организации и механизмов мозговой активности относится гораздо скорее к теории неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, чем к теории сознания. С другой же стороны, эта ситуация остро ставит методологический вопрос: следует ли принять подсказываемое многими из современных нейрокибернетиков эпифеноменалистическое

решение проблемы сознания или же, с благодарностью принимая вклад нейрокибернетики в учение о мозге, необходимо тем не менее указать на известную упрощенность подхода, допускаемую некоторыми из представителей этого направления при рассмотрении коренных вопросов теории организации мозговой деятельности.

Значение этой альтернативы для теории «бессознательного» очевидно. Если склониться к первому из упомянутых выше вариантов решения, то вся проблема взаимосвязи активности «бессознательного» и сознания, весь вопрос о *взаимоотношениях*, существующих между осознаваемыми и неосознаваемыми формами психики и высшей нервной деятельности, утратил бы актуальность. Если же предпочесть второй вариант, то возникает нелегкая задача показать, во-первых, в чем именно заключается специфическая функция сознания как фактора, влияющего на динамику психических феноменов и физиологических процессов, и, во-вторых, каким образом эта функция «вписывается» в общую картину организации мозговой деятельности, создаваемую современной нейрокибернетикой. Совершенно очевидно, что, не уточнив этих представлений от функций сознания, мы лишены возможности понять сколько-нибудь глубоко и соответствующие функции «бессознательного».

* *
*

Такова краткая характеристика исходных положений, которые следует учитывать при рассмотрении проблемы «бессознательного». Именно эти положения определили конкретные задачи и направления нашего анализа.

Прежде всего мы попытались проследить первые этапы научного подхода к вопросу о «бессознательном» и рассеять довольно распространенное, но неправильное представление, по которому пионером такого подхода был Фрейд. Литературные источники начала века, в частности материалы Бостонской (США) дискуссии 1910 г., показывают, что экспансия идей психоанализа явилась в определенных отношениях скорее даже шагом назад в постепенном формировании представлений о механизмах и роли «бессознательного», происходившем на протяжении последних десятилетий девятнадцатого века¹. Многие из направлений, существовавших в психологии и психопатологии того периода, довольно сплоченно противостояли психоаналитической концепции. Расхождения между этими направлениями были менее значительными, чем то, что их отличало от фрейдизма. Их общей целью было отстоять (и в этом отражался их прогрессивный характер) право на существование идеи неосознаваемого регулирования психических явлений и физиологических процессов, которое латентно способствует работе сознания и без учета которого мы ни саму эту

---

¹ Указание на то, что фрейдизм в некоторых отношениях явился шагом назад по сравнению с трактовками «бессознательного», сформировавшимися в допсихоаналитическом периоде, не исключает того, что в других отношениях представления Фрейда оказались, напротив, более глубокими, чем идеи его предшественников.

работу, ни ее клинические расстройства понять не можем. Никакими функциями, изначально антагонистическими сознанию, «бессознательное» при этом не наделялось. Фрейдизм же выразил возникновение принципиально иного подхода к этой проблеме.

Изучение материалов Бостонской дискуссии показывает также, как мало продвинулись мы за полвека существования идей психоанализа в понимании природы «бессознательного» и даже в обосновании соображений, из которых вытекает только сам факт реальности неосознаваемых форм психики. В этом отношении демонстративным является сопоставление материалов Бостонского совещания по проблеме «бессознательного» с материалами состоявшегося на 56 лет позже Московского симпозиума по проблеме сознания (1966 г.). Скептические высказывания некоторых из участников Московского симпозиума (А.Т.Бочоришвили и др.), стремившихся доказать внутренне противоречивый характер (и, следовательно, нереальность) представления об активности, которая, являясь «психической», в то же время является «неосознаваемой», иногда почти в деталях воспроизводили ход мысли тех, кто на дискуссии в Бостоне отрицал возможность существования неосознаваемых форм психики (Брентано, Мюнстерберг, Рибо и др.).

Широкое распространение идей психоанализа в последующие десятилетия сопровождалось почти полным вытеснением подавляющего большинства других конкурировавших с этими идеями трактовок проблемы «бессознательного». Отступление этих непсихоаналитических подходов было неизбежным, так как в те далекие годы еще полностью отсутствовали теоретические и методические предпосылки, на которые могла бы опереться их дальнейшая разработка. Обоснование непсихоаналитического представления о неосознаваемых формах психики было в такой же мере невозможным без опоры на разработанную психологическую теорию сознания, в какой представление о неосознаваемых формах нервной деятельности оставалось беспредметным при отсутствии понимания, хотя бы в самых общих чертах, механизмов этой деятельности, ее функций и основных способов ее проявления. Необходимые предпосылки такого анализа (методологически адекватная психологическая теория сознания, теория структуры материальных систем, способных к сложным формам переработки информации, и психологическая теория «установок») были созданы, как известно, только десятилетия спустя.

Недостатки психоаналитической концепции, субъективизм используемых ею методов, необоснованность основных ее теоретических положений, реакционные выводы, которые были сделаны на ее основе буржуазной социологией, отрицательная общественная роль, которую психоанализ и поныне продолжает играть, отвлекая внимание от реальных возможностей лечения и профилактики заболеваний, широко освещены в советской литературе последних лет, и их повторение было бы излишним. Важнее напомнить моменты, обусловившие и поддерживающие широкую

(если не растущую) популярность идей психоаналитического направления за рубежом.

Первым из этих моментов явилось то, что за годы недостаточно интенсивной разработки идеи «бессознательного» с позиции диалектико-материалистической психологии и учения о высшей нервной деятельности фрейдизм добился репутации единственного учения, освещающего законы и механизмы неосознаваемых психических явлений. Второй же момент, на который до последнего времени не обращалось достаточного внимания, заключается в том, что Фрейд смог, опираясь гораздо скорее на свою интуицию, чем на созданный им метод, подметить некоторые важные для клиники закономерности динамики «бессознательного». В первую очередь сюда относится его принцип «исцеления через осознание», то есть принцип ликвидации патогенного влияния диссоциировавших, «отщепившихся» или, выражаясь на специфическом языке фрейдизма, «вытесненных», аффективно окрашенных представлений путем их включения в систему переживаний, которые субъектом более или менее ясно осознаются. Мы привели выше высказывания И.П.Павлова, выразительно отмечающие важность этого принципа, и обратили внимание на то, что, принимая последний, мы признаем как сам факт возможности существования подобных диссоциировавших элементов, так и реальность их патогенного воздействия на психику.

Эти факты, бесспорно, углубили представления о закономерностях «бессознательного», и в подчеркивании их роли очевидна заслуга Фрейда.

Вместе с тем — и это должно быть сказано твердо — адекватного теоретического истолкования этих фактов Фрейд не дал и дать не мог. Для такого истолкования ему надо было бы углубиться в вопросы общей теории «бессознательного», чего он всегда избегал. И следует признать, что эта его осторожность была достаточно обоснованной. После первых работ Фрейда должны были пройти десятилетия, чтобы стало понятным, например, что осознание, влекущее терапевтический эффект, отнюдь не обусловливается простым вводом в сознание информации о «вытесненном» переживании. Для того чтобы подобный эффект наступил, необходимо включение диссоциировавшего переживания в систему специфической (либо преформированной, либо одновременно создаваемой) «установки» в систему определенного отношения личности к окружающему миру¹. Эта сторона проблемы от Фрейда, однако, ускользнула и поэтому многие из его данных сохранили для тех, кто пытался в дальнейшем разрабатывать теорию «бессознательного», значение весьма интересных фактических констатаций, но приобрести характер подлинных теоретических обобщений так и не смогли.

Проследив судьбу и роль психоаналитической концепции, мы уделили внимание наиболее значительному отражению этой концепции в клинике —

---

¹ А если такая установка создалась, то она нередко приобретает исключительно высокую терапевтическую эффективность и совершенно *независимо* от осознания того, что было «вытесненным». На этом вопросе мы подробно остановились в пятой главе.

теории так называемой психосоматической медицины. Критика этой теории также широко представлена в советской литературе и была подытожена в одной из предшествующих глав. Ведущей идеей психосоматического направления, которая выявляет его идейную близость к психоаналитической концепции, служит представление о символическом характере органических синдромов. Это представление было положено в основу психосоматической медицины более четверти века назад и, судя хотя бы по последним высказываниям такого видного ее представителя, как Валабрега, поныне не утратило значения краеугольного камня ортодоксального направления в психосоматической теории. Однако достаточно убедительных клинических, экспериментальных или статистических доказательств символического характера органических синдромов в литературе не существует. Значение этого факта для оценки ортодоксального психосоматического направления очевидно.

* *
*

Главной задачей диалектико-материалистического подхода к проблеме «бессознательного» на современном этапе является не столько критика устаревающих идеалистических трактовок, сколько обоснование его собственных исходных положений, раскрытие значения полученных им данных: и определение перспектив его дальнейшего развития. Поэтому основное место на предыдущих страницах заняла именно эта конструктивная сторона вопроса.

До рассмотрения главной темы, какой является проблема *функций* «бессознательного», мы остановились на современной психологической концепции сознания.

Мы напомним основные положения созданного марксистско-ленинской философией учения об исторически обусловленной социально-трудовой природе сознания, которое в методологическом отношении явилось отправной базой для советской психологии. Основываясь на этих исходных положениях. Л.С.Выготский и созданная им школа, С.Л.Рубинштейн и др. смогли углубить психологическую теорию сознания (как «знания о чем-то», что «как объект, противостоит познающему субъекту») и тем самым существенно облегчить последовавшее в более позднем периоде изучение неосознаваемых проявлений психики и высшей нервной деятельности.

Для того чтобы лучше понять, каким образом современные представления о сознании и активности высших отделов центральной нервной системы логически приводят к идее «бессознательного», мы остановились на одной из дискуссий, в которой прозвучали преобладающие сегодня за рубежом подходы к проблеме сознания и вытекающие из этих подходов способы истолкования вопроса о «бессознательном» (имеется в виду дискуссия 1960–1961 гг., состоявшаяся на страницах немецкого журнала «Psychiatrie, Neurologie und medizinische Psychologie»). Эта дис-

куссия позволила рассмотреть две наиболее распространенные, но не вполне, на наш взгляд, корректные трактовки природы сознания, из которых одна создает опасность механистической биологизации, а другая — угрозу идеалистической «социологизации» всей проблемы. Без критического анализа и преодоления этих трактовок определить отношение сознания к «бессознательному» с позиций теории диалектического материализма было бы трудно.

Приступая к рассмотрению функций «бессознательного», мы хорошо понимали, что анализ этих функций может претендовать на серьезное внимание только в том случае, если общее учение о сознании приводит к обсуждению проблемы «бессознательного» как к одному из своих необходимых составных разделов. Какие же соображения, вытекающие из учения о сознании, обуславливают необходимость постановки вопроса о «бессознательном»? Мы проследили их, обратившись, во-первых, к современным представлениям о психологической структуре осознаваемых переживаний, во-вторых, к данным, вытекающим из современного понимания функциональной организации действия, и, в-третьих, к фактам, полученным в результате исследования мозговой основы адаптивного поведения. Напомним главные итоги этого рассмотрения.

Анализ функциональной структуры осознаваемого переживания показал, что последнее является в высшей степени сложным психическим феноменом, возникающим только при наличии определенных предпосылок и требующим длительного созревания в условиях не только исторической эволюции человека, но и его нормального онтогенеза. Но если это так, то становится очевидным, что мы должны допустить существование неосознаваемых психических явлений прежде всего как характеристики определенной фазы нормального возрастного развития психики.

Экспериментальный анализ психологической структуры реакций на стимулы показал, что и при полностью развившейся нормальной психике осознание этих реакций может иметь в разных случаях различную степень выраженности, а иногда может даже полностью отсутствовать. Именно эти вариации степени осознанности обуславливают возникновение феноменов «диссоциации», то есть разных форм «отщепления» (отсутствие осознания не только конкретных раздражений, но и мотивов, побуждающих к действию, а при определенных условиях даже самих действий).

Наконец, было подчеркнуто, что особенно отчетливо расстройства осознания переживаний наблюдаются в условиях клиники. Синдроматика эпилепсии и истерии, многие из локальных органических симптомокомплексов, сопровождающихся избирательными расстройствами «схемы тела» или отчуждением элементов собственной психики, характерный для шизофрении распад нормального соотношения между «Я» и объективным миром, патологическое переплетение этих основных «проекций» переживаний — все это, как и ряд других психопатологических проявлений, ярко показывает, как часто болезненные изменения психики сопровождаются нарушением способности к адекватному осознанию

переживаний. Поэтому проблема «психического, не являющегося одновременно осознаваемым», вызывающая напряженные споры применительно к условиям психической нормы, явно теряет свою парадоксальность в условиях клиники.

Выявление процессов, создающих возможность приспособления поведения к окружающей обстановке, обеспечивающих целенаправленную деятельность, но остающихся при этом неосознаваемыми, поставило ряд сложных проблем. Первая из них оказалась связанной с темой классификации. Не задерживаясь на ней подробно, напомним только необходимость различать неодинаковые степени или уровни «отщепления» и очевидную связь даже наиболее грубо «диссоциировавшей» («отщепившейся») психической активности с восприятием сигналов и с процессами последующей логической переработки поступившей информации.

Особое место во всей этой очень своеобразной области занимают, конечно, вопросы нейрофизиологической основы «бессознательного». Мы попытались уточнить их постановку, начав с анализа отношения идеи «уровней бодрствования» к представлению о «бессознательном». Мы остановились на характерной, допускаемой иногда (преимущественно в физиологической и клинической, а не в психологической литературе) ошибке отождествления идеи сознания с идеей бодрствования и на своеобразных трудностях, возникших перед теорией «бессознательного» после того, как концепция «уровней бодрствования» упрочилась в неврологии. Эти трудности возникли потому, что с позиций этой концепции оставались недостаточно ясными по крайней мере два вопроса: каким образом высокий уровень бодрствования оказывается совместимым с развитием не только осознаваемых, но и неосознаваемых форм психики и, во-вторых, почему и в каком смысле понижение уровня бодрствования не означает обязательно понижения уровня адаптивно направленной активности мозга в ее более широком понимании.

Для того чтобы получить ответ на эти вопросы, потребовалась упорная работа многих исследователей, повлекшая за собой дальнейшее развитие ряда основных неврологических представлений. Прежде всего было показано в нейрофизиологическом аспекте то, что уже относительно давно было выявлено в аспекте психологическом. Мы имеем в виду существование очень сложных, неоднозначных, подчас противоречивых отношений между параметрами бодрствования и сознания и возможность возникновения самых разнообразных клинически проявляющихся функциональных диссоциаций. Выявление и анализ подобных диссоциаций сделали более понятными как возможность активного выбора сигналов, переработки поступающей информации, сохранения и воспроизведения следов и т.п. при низких уровнях бодрствования, так и, наоборот, нарушение функции активного отбора содержаний сознания, наблюдаемое в определенных клинических условиях при сохраняющемся высоком уровне бодрствования. Значение, которое эти диссоциации, обусловливаемые патологическими изменениями определенного типа и определенной локализации, имеют для углубления

представлений о нейрофизиологической основе неосознаваемых форм психики, очевидно.

Не меньшую роль в этом же плане сыграло другое направление нейрофизиологических исследований, обосновавшее представление об активном состоянии корковых нейронов на низших уровнях бодрствования и даже во время поведенческого сна (о несводимости сна к диффузному корковому торможению и о существенной роли, которую в любой мозговой деятельности выполняют сложные, иногда содружественные, а иногда, наоборот, антагонистические взаимоотношения конкретных, более или менее четко локализованных мозговых систем). Особую роль в рамках этого направления сыграло изучение так называемого парадоксального («быстрого») сна. Полученные в результате этого доказательства сохранения высокой физиологической активности нервных образований даже во время наиболее глубоких фаз сна были использованы некоторыми авторами как косвенные аргументы в пользу вероятности существования неосознаваемых форм приспособительной мозговой деятельности и в пользу связи этих форм с обычными электрофизиологическими признаками вовлечения корковых элементов в выполнение приспособительных реакций.

Таким образом, идеи интрапсихической диссоциации (функционального «отщепления») и независимости активного состояния корковых нейронов от уровня бодрствования в какой-то степени способствовали выявлению мозговой основы неосознаваемых форм психики. Не менее значительную роль сыграла в этом плане и третья идея — зависимости динамики нервных возбуждений от конкретных особенностей организации соответствующих нейронных систем. Особое значение, которое эта идея имеет для теории неосознаваемых форм психики, понять легко: выключение регулирующих влияний сознания неизбежно ставит вопрос о других факторах, которые могут определять динамику функций. И естественно, что в подобных условиях внимание привлекает в первую очередь детерминирующая роль особенностей структурной организации соответствующих нейронных систем.

Идея зависимости нервной функции от тонких деталей строения нервных сетей во многом сблизила за последнее десятилетие и позволила взаимно обогатить нейрофизиологические и нейрокибернетические искания. Только благодаря ей мы оказались в состоянии сделать шаг вперед в понимании того, какой может быть структурная основа процессов неосознаваемой переработки информации, происходящих в мозговом субстрате. Мы уделили внимание этой идее и попытались показать своеобразные и одновременно во многом сходные формы, под которыми она выступила в нейрокибернетике и нейрофизиологии. Мы привели также некоторые доказательства того, что все это оригинальное движение мысли отнюдь не носило характер только «экспорта» кибернетических построений в физиологию. Критика жесткой детерминации нейронных мозговых связей и доводы в пользу их стохастической природы прозвучали в нейрофизиологической литературе последних лет совершенно независимо от

представлений, обязанных своим возникновением «генотипному» нейрокибернетическому моделированию.

Мы затронули идею зависимости динамики нервных функции от организации нейронных сетей не потому, что рассматриваем ее как дающую какое-то окончательное, хотя бы в принципиальном плане, решение вопроса о том, к какому типу, к какой форме детерминирующих факторов остается обращаться, если отвлекаться от представления о регулирующей роли сознания. Хорошо известны значительные трудности, на которые натолкнулись попытки выводить сложные формы переработки информации, характерные для реального мозга, только из свойств вероятностно организованных нейронных сетей. Современная эвристика, подчеркивающая, что при попытках раскрытия механизмов процесса переработки информации следует учитывать не только особенности топологии и принципы динамической организации логических сетей, но и особенности функциональной структуры самого информационного процесса, является, по видимому, только одной из первых реакций на эти трудности.

«Генотипное» кибернетическое моделирование мозговой деятельности и теории, которые лежат в его основе, не принесли пока радикальных решений загадок функциональной организации мозга. Но они являются важным этапом на пути к решению этих загадок, имеющим свои сильные и слабые стороны. Одной из слабых сторон этого этапа является то, что на нем преобладает тенденция решать проблему сознания в духе строгого эпифеноменализма. Это обстоятельство не могло не отразиться на судьбе нейрокибернетического направления. Изъяв сознание из числа параметров мозговой активности, с которыми оно имеет дело, это направление добилось, конечно, не исключения сознания из круга объектов, подлежащих научному объяснению, а только собственного превращения в дисциплину, которая исследует нервные механизмы, мало или даже вовсе не связанные с сознанием. Оценивая роль современной нейрокибернетики, надо поэтому отметить, что она до сих пор мало дала для психологической и тем более для философской теории сознания, но зато оказалась очень полезной для теории «бессознательного».

* *
*

Сказанное до сих пор относилось, однако, только к одному из аспектов этой полезной роли нейрокибернетики — к возможности углубить на основе некоторых ее понятий представление о мозговых процессах, связанных с неосознаваемой переработкой информации. Другим аналогичным аспектом оказалось уточнение представлений о принципах и механизмах неосознаваемой регуляции биологических реакций и поведения.

Касаясь этого вопроса, мы напомним лишь несколько главных, относящихся к нему положений.

Приобретенная информация может быть использована в целях регулирования только в том случае, если на ее основе в действия вносятся какая-то упорядоченность, то есть достигается антиэнтропический эффект. Создание же такой упорядоченности не может быть обеспечено, если не существует системы «правил», определяющих значимость поступающей информации, системы «критериев предпочтения», на основе которых происходит принятие решения, системы «тенденций реагирования», достаточно гибких, чтобы изменяться при изменении ситуации, и одновременно достаточно стабильных, чтобы продолжать оказывать направляющее влияние, вопреки множеству принципиально возможных мешающих воздействий, или, говоря языком, более близким теории биологического регулирования, — если не существует системы каких-то определяющих поведение «установок».

Этот тезис достаточен, чтобы пояснить, почему в современной теории автоматов, как и в психологии, проблеме «установки» уделяется за последние годы все возрастающее внимание. Для теории же «бессознательного» представление об «установке» приобретает совершенно особое значение: *если мы признаем, что неосознаваемые психические явления тесно связаны с функцией переработки информации, то тем самым мы вынуждены допустить, что эти явления не менее интимно связаны с функцией формирования и использования «установок», так как без опосредующей роли последних превращения информации в фактор регулирования произойти не может.* Учитывая это обстоятельство, мы получаем основание рассматривать процессы переработки информации и процессы сформирования и использования установок, *как две главные функции «бессознательного», обеспечивающие активное участие этого фактора в приспособительной деятельности организма.*

Касаясь проблемы формирования и использования установок, мы вновь сталкиваемся с той же характерной параллельностью развития идей, относящихся к разным дисциплинам, с которой уже встретились, затронув вопрос о зависимости динамики возбуждений от строения нейронных сетей. Однако если в предыдущем случае речь шла о совпадении выводов теории нейрокибернетического моделирования и нейрофизиологии, то на этот раз мы оказываемся свидетелями аналогичных отношений между теорией моделирования и психологией, в которой концепция регулирующей роли установок уже на протяжении десятилетий глубоко разрабатывается психологической школой Д.Н.Узнадзе. Разумеется, что само существование таких взаимно независимых и тем не менее сходных направлений мысли является веским доводом в пользу научной значимости каждого из этих направлений в отдельности.

Мы рассмотрели конкретную роль, которую неосознаваемые установки выполняют в процессах регулирования отдельных психологических функций и поведения в целом, и в связи с этим подвергли критике некоторые недостаточно точные представления американских авторов о том, как именно

фактор установки «вписывается» в схемы функциональной организации действия.

* *
*

Основной недостаток общей картины функциональной организации мозга, создаваемой современной нейрокибернетикой, — это парадоксальное отсутствие в ней проявлений *специфической функции сознания*. Что же может быть противопоставлено конкретно подобной эпифеноменистической трактовке?

Мы подчеркнули, что позиция, которую занимает современная нейрокибернетика в отношении проблемы сознания, вытекает из совершенно определенного и, на наш взгляд, принципиально неприемлемого истолкования природы сознания. Раскрытие представления о сознании с позиций диалектико-материалистического учения о мозге неизбежно придает мозговым процессам, лежащим в основе специфической деятельности сознания, качество активности, заставляет рассматривать их как фактор, который непосредственно вмешивается в развертывание психологических феноменов и физиологических реакций, оказывая глубокое влияние на всю их динамику. Когда же возникает вопрос о механизмах, обеспечивающих эту активность, мы оказываемся, быть может несколько неожиданно, вновь в кругу представлений, близких к идеям нейрокибернетики. Эта близость возникает потому, что активность сознания не может быть понята иначе как связанная с явлениями «презентирования» действительности в смысле, придаваемом этому понятию А.Н.Леонтьевым. «Презентирование» же проявляется в характерном как бы «удвоении» картины мира, выступающем как своеобразное выражение психологического «моделирования», а тем самым как психологическая основа *регулирования* предстоящей деятельности.

Создается поэтому убеждение, что скептические высказывания по поводу активности сознания, которые принадлежат некоторым из ведущих теоретиков нейрокибернетики, отнюдь не вытекают логически из основных положений этой дисциплины. Они являются скорее выражением лишь определенной неадекватности исходных теоретических позиций и неточностей в понимании природы сознания, которые эти исследователи допускают.

Если, однако, сознание не эпифеномен, а активный фактор мозговой деятельности, то каково же его отношение к активности «бессознательного»? Здесь мы ограничимся напоминанием только одного тезиса, который в плане дискуссии с психоаналитической школой имеет принципиальное значение.

Не подлежит сомнению, хотя в литературе этот момент редко подчеркивается и может быть для сторонников психоанализа неожиданным, что одной из ошибок фрейдизма явилось поразительное упрощение проблемы связей между сознанием и «бессознательным», резкое сужение диапазона разнотипных, выступающих здесь отношений. Вся трудно воображаемая и

внутренне противоречивая сложность этих отношений была сведена теорией психоанализа к единственной динамической тенденции — к функциональному антагонизму сознания и «бессознательного», к учению о «вытеснении» как об основном эффекте этого антагонизма и к представлению о символике как о главном способе преодоления «бессознательным» разнообразных запретов, которые на него налагает сознание. Такое ограничивающее понимание должно быть отклонено не только потому, что вступает в противоречие с принципами эволюционного подхода, но и потому, что все без исключения объективные исследования неосознаваемых форм психики и высшей нервной деятельности подтверждают существование между сознанием и «бессознательным» взаимодействий, носящих характер как функционального антагонизма, так и функциональной синергии. Последний тип отношений преобладает в условиях нормы и необходим для адекватной организации самых различных форм адаптивного поведения.

Понимание этой двойственности в отношении категорий сознания и «бессознательного» не только освобождает от неправильной психологической трактовки. Оно не менее значимо и в более широком социологическом и философском плане, так как устраняет характерное для психоаналитической концепции противопоставление сознания «бессознательному» как двух изначально антагонистических сущностей. Отказ же от этого противопоставления ведет к отказу и от пессимистического взгляда фрейдизма на судьбу человека и человечества в целом. Он освобождает нас от идеи безысходной якобы подчиненности сознания неосознаваемым примитивным влечениям, от представления о безнадежности борьбы против того, что будто бы только слегка прикрыто флером цивилизации, но остается как неискоренимое напоминание о происхождении современного человека от его далеких звероподобных предков.

Связь логики фрейдизма с этой мрачной философией неоспорима. После того же как идеи Фрейда были возведены в ранг социологической доктрины, они не только способствовали укреплению этих духовно обезоруживающих и (не побоимся резкого слова) аморальных догм, но продолжают питать их в разных формах, к сожалению, и поныне.

Заключительные разделы работы посвящены проблеме регулирующей активности «бессознательного» и способам выражения этой активности в поведении человека и динамике различных функций его организма.

Анализируя организующую роль «установок», мы попытались проследить конкретные формы включения «бессознательного» в функциональную структуру действия. В этой связи мы обратили внимание на характерное противоречие между необходимостью непрерывной регуляции действия и вынужденно прерывистым характером управляющей активности сознания. Это противоречие лучше, пожалуй, чем какой-либо другой факт, позволяет понять неизбежность участия «бессознательного» в процессах регулирования действий.

Мы обратили внимание на то, что если допускается вплетение «бессознательного» как активного фактора регуляции в ткань действия, то неминуемо возникает множество характерных вопросов, таких, как проблема отношения представления о неосознаваемой «установке», регулирующей действие, к представлению об «автоматизации» произвольной активности, разработанному старой психологией; проблема иерархической структуры «деятельности» и вариаций степени осознанности элементарных «действий», формирующих эту деятельность; вопрос о «динамическом» характере осознаваемых и неосознаваемых «установок», стремящихся к реализации в поведении; вопрос об отражении неосознаваемых установок в активности сновидений; проблема влияния этих установок на формирование клинических синдромов и на динамику патологических процессов и т.д. Легко заметить, что все эти вопросы долгое время рассматривались как доступные для исследования только с помощью методом разработанных в рамках психоанализа и психосоматической медицины. Мы могли отвлекаться от них, пока тема регулирования поведения «бессознательным» не встала перед нами во всей своей остроте. Когда же сомнения в регулирующей активности «бессознательного» были устранены, возникла задача не отклонять подобные проблемы, а конкретно показать, в чем заключается неадекватность их психоаналитического решения и каким путем следует идти дальше.

Анализ этих сложных проблем потребовал использования точных понятий. Поэтому мы начали его с уточнения основных используемых категорий: «неосознаваемых форм психики» и «неосознаваемых форм высшей нервной деятельности». Мы смогли внести эти уточнения, опираясь на данные, относящиеся к вопросу о разных степенях «отщепления».

Анализ онтогенеза сознания не оставляет сомнений, что на определенных этапах этого сложного процесса мы оказываемся перед лицом феноменов, которые, будучи заведомо психическими, не являются вместе с тем осознаваемыми. Ребенок мыслит и чувствует, но осознание того, что он мыслит и чувствует, приходит к нему лишь в определенной, относительно поздней фазе его развития. Осознанно субъектом его собственных переживаний оказывается разнообразно нарушенным и в условиях клиники. При описании подобных расстройств осознания мы можем обращаться к большинству традиционных психологических понятий (мышление, аффект, ощущение потребности и удовлетворения и т.п.), предполагая лишь что в структуре и динамике процессов, которые отражаются в данном случае этими понятиями, существуют специфические особенности, вытекающие из их характерной «непрезентируемости» сознанию. Таким образом, перед нами оказываются «неосознаваемые формы психики» в строгом смысле этого понятия.

Иная картина обрисовывается, когда мы переходим к рассмотрению более грубых форм «отщепления», при которых не только отсутствует «презентируемость» психологических содержания, но и сама «переживаемость» этих содержаний как субъективного отражения действи-

тельности, степень интенсивности, непрерывности и ясности этой «переживаемости» становятся очень трудной для решения проблемой. При анализе подобных грубых форм, наблюдаемых как в клинике, так и в норме (например, на определенных этапах развертывания «автоматизированного» действия), мы оказываемся перед лицом активности, обеспечивающей очень сложные подчас формы приспособительного поведения и носящей поэтому характерные черты высшей нервной деятельности. Однако единственный психологической категорией, которую мы можем адекватно использовать при анализе этой активности, является категория «установки».

Поэтому понятие «неосознаваемые формы высшей нервной деятельности» в его собственном, узком смысле целесообразно резервировать для обозначения именно подобных своеобразных процессов, за которыми, вопреки их целесообразной направленности, невозможно увидеть динамику обычных субъективно «переживаемых» психологических состояний.

Из всего сказанного достаточно ясно, что не учитывая роли «бессознательного» как фактора регуляции и в частности не учитывая значения неосознаваемых «установок», мы лишены возможности понять организацию наиболее важных форм приспособительной деятельности мозга. В отрыве от идеи неосознаваемого регулирования невозможно понимание ни «автоматизированных» действий, ни иерархии в функциональной структуре актов поведения, ни природы сновидений, ни физиологических механизмов провокации и сопротивления болезни, ни многого другого. Использование же идеи неосознаваемой регуляции позволяет начать объяснение всех этих сложных проблем, которых мы долгое время избегали касаться, с новых и во многом весьма интересных позиций.

Есть поэтому основание думать, что длившиеся очень долго (целое столетие!) споры о реальности «бессознательного» близятся к концу. Эти дискуссии оказались далеко не бесполезными. Они не только позволили установить сам факт существования «бессознательного», но и выяснили роль последнего как одного из важных факторов регуляции поведения и биологической активности организма человека. Вместе с тем они способствовали более глубокому пониманию природы этого фактора, показав, что он выступает неоднозначным образом (при одних условиях как неосознаваемые формы психики, при других же — лишь как неосознаваемые формы высшей нервной деятельности, лишенные модальности «переживания»). Дискуссии позволили также уточнить принципы анализа всей этой очень сложной проблемы, подчеркнув, что в ней, как и во всех других областях учения о мозге, единственным путем углубления знаний являются объективно контролируемые приемы, опирающиеся на лабораторный эксперимент или клиническое наблюдение и принципиально несовместимые ни с какой подменой научных категорий доводами, основанными только на интуиции, на «чувствовании» или «понимании» (в дильтеевском смысле). Эти споры дали возможность яснее представить основные функции «бессознательного»: почему их следует понимать как связанные с

процессами переработки информации и формирования и использования установок, и каким образом «бессознательное» оказывается включенным в структуру нормальной повседневной деятельности, в изменения функционального состояния и в клинические реакции организма человека.

Благодаря же совокупности всего этого стало возможным адекватное раскрытие отношения «бессознательного» к сознанию и были созданы серьезные препятствия на пути использования идеи «бессознательного» в качестве опоры философии иррационализма, социального пессимизма и рафинированной мистики.

Когда мы говорим, что спор о природе «бессознательного», который позволил прийти ко всем этим положениям, близится к завершению, мы не думаем, конечно, что все или хотя бы большинство их тех, кто принимал участие в дискуссиях, с этими положениями согласны. О завершении спора следует говорить лишь потому, что все учение о мозге вступает в наши дни — это очевидно, вероятно, для всех — в совершенно новую фазу. В этой новой фазе представление о «бессознательном», так же как представления о многих других формах мозговой деятельности, должно быть преобразовано в соответствии с новыми общими принципами, новыми идеями, на основе которых мы пытаемся сейчас объяснять работу мозга. Среди этих новых идей совершенно особое по важности место занимают идеи теории биологического регулирования. И поэтому представление о «бессознательном» не имеет другого пути, как преобразоваться в соответствии с основными положениями этой теории.

Если читатель согласится с таким пониманием, то автор будет считать, что задача, которую он поставил перед собой в этой книге, выполнена и что долгим и страстным дискуссиям о проблеме «бессознательного» могут быть подведены какие-то позитивные итоги.

Рассмотрение учения о «бессознательном» в его наиболее общем плане с позиций диалектико-материалистической философии, а в плане его конкретных построений с позиций теории биологического регулирования, является по нашему убеждению, единственной стратегией, которая раскрывает перед этим учением широкие возможности дальнейшего развития. Хотелось бы верить, что наиболее дальновидные представители психоаналитической школы не смогут, в конечном счете, с этим не согласиться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послесловие к книге дает автору возможность поговорить с читателем не о содержании написанного, а об отношении автора к этому содержанию, о том, почему книга была написана именно так, а не иначе, что в книге представляется автору главным и что, собственно, он всем написанным хотел

сказать. Даже если читатель выполнил положенную ему работу доброжелательно и прилежно, а автор очень старался быть последовательным и строгим, такой откровенный прощальный разговор бывает иногда не бесполезным.

Мы хотели бы оттенить поэтому в послесловии несколько моментов, представляющихся нам центральными.

Первый из них относится к самому существу идеи бессознательного. Всем ранее сказанным мы стремились показать неправомерность одного из широко все еще принятых толкований этого понятия и адекватность другого. Какое же толкование нам представляется неправомерным?

Перед нами лежит чрезвычайно содержательная и во многом талантливо написанная книга «Бессознательное» (6-й Бонневильский коллоквиум), опубликованная в 1966 г. под общей редакцией Эй с участием Жиро, Ипполита, Лакана, Мерлин-Понти, Минковски и ряда других ведущих французских исследователей в области нейропсихиатрии, психологии и нейрофизиологии. В этой книге, явившейся результатом многолетней подготовительной работы большого авторского коллектива, отражены разные подходы к центральному поставленному в ней вопросу: что же такое, в конце концов, представляет собой «бессознательное»? При всей, однако, пестроте звучащих здесь толкований в них проходит красной нитью одна общая идея: «бессознательное» — это нечто таящееся в скрытых глубинах психики, нечто противостоящее сознанию и живущее по своим особым, своеобразным, по характерным для сознания законам.

Эта мысль, конечно, отнюдь не нова. Затронув ее однажды, Честертон бросил в свойственном ему саркастическом стиле характерную реплику: «“Бессознательное”: смешной миф, претендующий на то, что каждый человек носит в себе нечто вроде старой обезьяны-микроцефала». Эй, подходя в этой же мысли, естественно, в совсем ином «ключе», дал определения, которые с большой точностью отразили стиль подхода, оказавшегося типичным для очень длительного периода в развитии представлений о бессознательном: «Бессознательное — это глубина существа, это то, что не выступает на поверхность не только потому, что оно не находится на поверхности, но потому, что оно не должно там находиться... Существование этого бессознательного часто отрицают, говорил Бергсон, потому что не знают, куда его поместить. Бессознательное не может быть простым отрицанием, простым отсутствием «сознания»... Бессознательное не подчиняется закономерностям сознания. В этом заключается фундаментальность интуиции, коперниковская революционность открытия Фрейда. Бессознательное в его чистой форме указывает рациональному началу, что оно подчиняется иным законам. Отсюда возникает его вытеснение... Бессознательное вынуждено скрываться, оно заключено под стражу и, если можно так выразиться, приговорено к тому, чтобы не появляться, не манифестировать, если только не возникают толерантность и ослабление законов сознания... Ему дозволено выступать только как иероглифу, который

нуждается в расшифровке... Только психоанализ позволяет ему обнаруживаться».

Мы привели эти характерные выдержки из вступительной статьи Эй, чтобы показать, во-первых, в какой степени исходные положения Фрейд, выдвинутые на рубеже столетий, и в наши дни продолжают определять психоаналитически ориентированную клиническую мысль (и следовательно, какую малую по существу роль сыграло все так называемое неофрейдистское движение) и, во-вторых, чтобы еще раз оттенить, что именно противопоставляется нами этому ортодоксальному пониманию.

Если для Эя, и тех, кто разделяет его представления, бессознательное — это мятежный, не покорившийся сознанию и потому заточенный «обитатель глубин души», то для нас бессознательное — это всего лишь *обобщение, к которому мы прибегаем, чтобы отразить способность к регулированию поведения и его вегетативных коррелятов, происходящему без непосредственного участия сознания.* Большая часть того, что было изложено на предыдущих страницах, является попыткой показать, почему мы вынуждены признать возможность такого регулирования, к каким понятиям и категориям мы должны прибегать, если задаемся целью разработать теорию закономерностей подобного регулирования, и какова подлинная диалектика, внутренняя противоречивость синергически-антагонистических отношений к активности сознания, которая это регулирование характеризует.

Само собой разумеется, что, изменяя таким образом понимание существа бессознательного, трактуя бессознательное как категорию, относящуюся прежде всего к теории регуляции поведения, мы соответствующим образом изменяем, по сравнению с тем, что предлагается психоаналитической концепцией, и всю методологию его изучения.

Думается, что, приняв такой подход, мы идем в какой-то степени навстречу пожеланию, высказанному в дискуссии с нами одним из наших французских оппонентов [Smirnoff, с. 88], подчеркнувшим перспективность сближения всего обсуждения проблемы бессознательного с теорией нейрокибернетики и регулирования.

* *
*

Таков первый из моментов, на которых мы хотели бы сосредоточить, внимание, заканчивая наше изложение.

Второй — это вопрос о том, какую роль в исследовании проблемы бессознательного может и должна играть сегодня нейрофизиология, анализ отношения мозговых функций к мозговому субстрату. Вряд ли нужно подчеркивать, какое серьезное философское значение имеет характер ответа на этот вопрос.

В литературе до настоящего времени звучат очень разные подходы к этой проблеме. Вспомним, какую позицию занял по этому вопросу сам Фрейд: «У меня, — писал он, — нет никакой склонности считать, что

область психологического как бы плавает в воздухе, не имея какого-либо органического основания. Но, кроме этого убеждения, у меня нет никаких ни теоретических, ни терапевтических знаний, так что мне приходится вести себя так, как если бы передо мной было только психологическое».

В другом месте он подчеркнул: «Мы оставим... в стороне то, что душевный аппарат... известен нам в качестве анатомического препарата, и постараемся избежать искушения определить психическую локальность в каком-либо анатомическом смысле. Мы останемся на психологической почве».

Мы видим, таким образом, что позиция Фрейда являлась позицией чистого и последовательного психологизма. Интересно, однако, что даже такой суровый критик психоаналитического направления, как Уэллс, склонен эту позицию Фрейд скорее оправдать. «Это решение, — говорит он, — никоим образом не было результатом свободного выбора; оно было строго предопределено пробелом в науке о мозге, существовавшим в его (то есть Фрейда. — *Ф. Б.*) время».

Вряд ли можно спорить с Уэллсом о том, что учение о мозге, существовавшее в конце прошлого века, давало еще очень мало опорных точек для заключений о мозговой основе бессознательного. Однако столь же бесспорно, что разработка представлений о закономерностях мозговой деятельности, принципиально отвлекающаяся от проблемы мозгового субстрата, являлась попыткой физиологически не контролируемой и потому философски очень опасной. Эта попытка могла привести и действительно привела к созданию картин, логическая стройность которых была сопоставима разве только с их нереальностью.

Такова была позиция Фрейда. Как же подходим к соответствующим вопросам мы сейчас? В нашей литературе преобладает тенденция решать вопрос о мозговых основах бессознательного, опираясь на известные существующие по этому поводу высказывания И.П.Павлова. И.Е.Вольперт, например, полагает что «при определенных условиях в коре головного мозга возникают изолированные очаги возбуждения или торможения, которые, оставаясь изолированными от всей высшей нервной деятельности в целом (и потому неосознаваемыми), могут тем не менее влиять на поведение человека, на его общее состояние и самочувствие».

Подобные толкования импонируют своей наглядностью и простотой. Нельзя, однако, не отметить, что при более детальном рассмотрении они наталкиваются на трудности понимания и требуют уточнений. Если допустить, что материальной основой «бессознательного» является корковый очаг возбуждения или торможения, «изолированный от всей высшей нервной деятельности», то следует, очевидно, признать, что даже сложные формы регуляции поведения (в том числе регуляции семантической) могут реализоваться подобными функционально «изолированными» корковыми структурами. Мы не должны, однако, игнорировать очень многие электрофизиологические данные (Мэгуна, Гранита, Джаспера, П.К.Анохина, М.Н.Ливанова и других), говорящие о противоположной тенденции: о

чрезвычайно широком (хотя, конечно, одновременно и весьма дифференцированном) вовлечении корковых структур в реализацию *даже наиболее простых* приспособительных рефлекторных актов. В свете этой сложности отношений становится очевидной неопределенность, которую приобретает понятие «изолированности» мозгового очага, как только мы переводим рассмотрение из плана теории регуляции поведения в план теории нейродинамики. Представляется поэтому, что теория «изолированных» очагов все еще остается только гипотезой, нуждающейся в детальном нейрофизиологическом обосновании и уточнении.

Аналогичным образом мы оценили бы и другую предпринятую недавно попытку определить физиологические механизмы осознания, а тем самым и бессознательного. Мы имеем в виду изложенные Джаспером на Римском конгрессе 1964 г. соображения в пользу существования в мозгу клеточных элементов, *специфически* связанных с активностью сознания. При всем интересе, который представляют подобные гипотезы, уверенность в том, что они действительно отражают материальную основу интересующих нас форм мозговой деятельности, пока еще очень слаба.

Именно эти соображения определили особенности подхода к вопросу о структурных основах бессознательного, которого мы пытались придерживаться на протяжении предыдущего изложения. Нам представляется, что всякая «лобовая» атака этой проблемы является сегодня еще слишком трудной и вряд ли может рассчитывать на успех. Это, однако, не означает, что наш анализ должен быть ограничен только психологической плоскостью. Если мы еще не можем сколько-нибудь уверенно определять конкретные физиологические механизмы, лежащие в основе динамики «осознаваемого — бессознательного», то мы можем и должны говорить *с тех тенденциях в развитии физиологических представлений, которые делают более понятными явления неосознаваемой мозговой переработки информации и способность центральной нервной системы, оказывать неосознаваемые регулирующие воздействия на семантику поведения.* Именно поэтому мы уделили выше так много внимания анализу отношений, существующих между активностью «бессознательного» и принципами организации нейронных сетей, рассмотрению проявлений диссоциации («отщепления») разных форм мозговой деятельности, наблюдаемых в условиях клинической патологии, проблеме уровней сознания, неадекватности представлений о диффузном корковом торможении как основе сна и т.п.

Есть много оснований думать, что только следуя этими «обходными» путями, мы можем уже в настоящее время продвигаться в какой-то степени к более глубокому пониманию и непосредственных структурных основ бессознательного. Более прямой путь для нас пока в аспекте нейрофизиологии, к сожалению, еще не открыт.

* *

*

И в заключение вопрос, ответом на который мы хотели бы завершить изложение. Как же в свете всего сказанного выше следует, в конце концов, относиться к фрейдизму?

Фрессу, выдающемуся французскому исследователю, избранному на последнем Международном психологическом конгрессе (Москва, 1966) президентом Международной психологической ассоциации, принадлежит короткое определение, являющееся в данном случае хорошей основой для ответа: «Психоанализ — это вера, а чтобы верить, нужно сначала “встать на колени”»¹. Эти слова удивительно совпадают с уже приведенной нами оценкой Барука (психоанализ — это «скорее религия, чем наука», — см. § 31), с указаниями на «культовую природу» психоанализа, с высказыванием П. П. Павлова («Фрейд может только с большим или меньшим блеском и интуицией гадать о внутренних состояниях человека. Он может, пожалуй, сам стать основателем новой религии...»)² и в них суть проблемы. Учение Фрейда не является научной теорией бессознательного и поэтому отношение к нему не может быть таким, каким бывает отношение к научной теории, хотя бы и неточной. Это учение уже давно превратилось в совокупность догм, которые принимаются не в силу их доказанности, а именно как некое «credo», основой которого является «желание верить». Как же и почему произошла такая эволюция?

Неоспоримо, что это учение пыталось разрешить одну из труднейших проблем, возникающих при изучении природы человека. Ему не

---

¹ Для того чтобы точно охарактеризовать позицию Фресса, необходимо указать, что несколько ниже приведенного выше замечания он подчеркивает совсем иные тенденции. Он обращает внимание на то, что идеи Фрейда способствовали созданию методов, ценных для исследования личности (Rorschach; «Thematic Apperception Test», 1935), предоставили проблемы и систему объяснений психологическим исследованиям (Мид, Кардинер, Линтон), подвергались экспериментальной проверке (Фаррел) и сами послужили основой для экспериментальных работ (Сирс, Гуэн-Декарье, Гартманн, Крис и др.). Поэтому Фресс квалифицирует эти идеи как «основополагающие» и ставшие постепенно более доступными научной проверке. Он заканчивает параграф словами Толмэна: «Клиницист Фрейд и экспериментатор Левин были двумя людьми, память о которых сохранится навсегда, так как благодаря интуиции, различной у обоих, но дополняющей друг друга, они впервые сделали психологию наукой, применимой как к реальным индивидам, так и к реальным обществам».

Если мы вспомним теперь вновь слова Фресса «психоанализ — это вера» (то есть, очевидно, не наука. — *Ф. Б.*), то контраст между этим высказыванием и приведенной только что развернутой характеристикой получится очень яркий.

Такого рода непоследовательность характерна, однако, как это ни удивительно, для многих. Единственный способ понять, почему даже столь строгий исследователь, как Фресс, также отдаст ей дань, — это вспомнить противоречие, о котором мы немало говорили выше и которое придало всей истории психоанализа неизгладимый оттенок парадоксальности, а именно тот факт, что это учение затронуло большие и реальные проблемы, но оказалось совершенно несостоятельным при попытках подвергнуть эти проблемы научной разработке.

Позиция Фресса непоследовательна, но в этой ее особенности ярко отражается основное *противоречие*, которое подорвало научную ценность всей психоаналитической теории.

² Цит. по вступительной статье А. В. Снежневского к книге Уэллса «Павлов и Фрейд» (с. 5).

принадлежит приоритет в постановке этой проблемы — проблема была поставлена задолго до его возникновения. Но те, кто это учение разрабатывал (и прежде всего непосредственно его создатель) с вызывающей уважение настойчивостью шли на протяжении десятилетий в избранном ими однажды направлении. Фрейдом были очень рано подмечены зависимости, имеющие серьезное значение для общего учения о мозге и для клиники. Мы имеем в виду его известный принцип «исцеления через осознание». При попытках же дальнейшего анализа и объяснения этих зависимостей возникла очень своеобразная и противоречивая ситуация.

Пока эти зависимости выступали только в качестве схемы связи конкретных фактов («диссоциация» переживаний — возникновение клинического расстройства — осознание — ликвидация синдрома), они отражали реальные и глубокие соотношения, на важность которых для понимания патогенеза и терапии клинических нарушений выразительно указал еще И.П.Павлов. Из этих зависимостей вытекали непосредственно и определенные указания на особенности и закономерности динамики психических явлений и нервных процессов (например, на реальность явлений психической диссоциации, на патогенность диссоциировавшего переживания и т.п.). Когда же, однако, с целью объяснения этих данных Фрейд стал создавать особую теорию «строения психики», он пошел по объективно неконтролируемому и неправильному пути. Но, как справедливо отмечает Уэллс, это отнюдь не был акт свободного выбора.

Фрейд не мог опереться в 90-х годах прошлого века на нейрофизиологию из-за ее слабости в ту эпоху. Но он не мог (и это его критики обычно упускают из вида) опереться по-настоящему и на психологию, потому что столь не достававшая ему теория функциональной структуры произвольного действия, представление об организующей роли установок и т.п., не существовали в том периоде даже в зародыше. Если же к этому прибавить, что выполнение исследований экспериментального характера было Фрейду также всегда чуждым, то становится очевидным, что единственным оставшимся в его распоряжении методическим приемом было произвольное конструирование априорных схем, в адекватность которых Фрейд настолько, по-видимому, верил, что никогда даже не пытался их как-то верифицировать.

Эти схемы имели, однако, свою неотвратимую логику развития, пленником которой Фрейд по существу и стал. В результате их постепенного усложнения была создана целая страна причудливых мифов о мозге. У того, кто в этой стране поселялся, довольно быстро притуплялось чувство реальности теоретических построений, а в более позднем периоде он становился обычно приверженцем социальной философии, еще более далекой от отражения подлинной социальной действительности, чем были далеки от действительности клинические исходные объясняющие структурно-психологические схемы Фрейда (и потому, — это нужно сказать очень твердо, — философии, общественно вредной).

Вся эта противоречивая сложность психоанализа наложила глубокий отпечаток на его судьбу. Подметив ряд чрезвычайно важных особенностей динамики бессознательного, психоаналитическое направление оказалось, однако, совершенно неспособным адекватно раскрыть эти особенности теоретически. Вместе с тем оно никогда не переставало рассматривать как свою логическую основу ту реальную и важную исходную схему связи устранения клинического расстройства с осознанным диссоциировавшего переживания, с которой и хронологически связаны самые первые шаги фрейдизма.

Есть много оснований полагать, что вытекающая отсюда неодинаковость научной значимости, методологического и философского звучания разных элементов психоаналитической концепции явилась одной из главных причин беспрецедентно широких расхождений в вопросе об отношении к фрейдизму, прозвучавших по разным поводам в различные времена в разных странах. Только учитывая и хорошо понимая эту неодинаковость, мы можем адекватно и строго определять в настоящее время то отношение, которого заслуживают психоаналитическая теория в целом и отдельные клиничко-психологические наблюдения и факты, использованные при ее построении.

Можно также с уверенностью сказать, что история психоаналитической школы — это одна из удивительно ярких иллюстраций того, как мало могут влиять на развитие наших знаний даже очень значительные и скрупулезно точно описанные факты, если на них не падает свет большой теории, способной адекватно раскрыть их подлинный скрытый смысл.

Даже наиболее строгие критики психоаналитической концепции никогда не отрицали, что привлечение этой концепцией внимания к трудно вообразимой сложности аффективной жизни человека, к проблеме отчетливо переживаемых и скрытых влечений, к конфликтам, возникающим между различными мотивами, к трагическим подчас противоречиям между сферой «желаемого» и «должного», — является сильной стороной и заслугой фрейдизма. Аналогичным образом очень многие оценивали признание этим учением «бессознательного» как одного из важных элементов психической деятельности и факторов поведения.

Но теоретическая концепция — таков неизбежный закон ее развития — никогда не ограничивается одним только «привлечением внимания» к тому, что она изучает. Она всегда — хорошо или плохо — пытается это изучаемое объяснить. И вот именно на этом, самом главном для всякой научной теории, этапе ее применения открыто выступила концептуальная несостоятельность фрейдизма.

А судьба теории, которая не может объяснить, заранее печально предрешена, какими бы сильными сторонами она в других отношениях не обладала.

Бассин Ф. В. Проблема «бессознательного».
М., 1968, с. 353–385

Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра (фрагмент)

Т. А. Кузьмина

<...> С конца XIX — начала XX в. в буржуазной социологии (У.Бэдджот, Г.Тард, А.Смолл, У.Макдугалл, Э.Дюркгейм, Ф.Знанецкий и пр.) в качестве очевидной и непререкаемой истины утверждается положение, что общество вырабатывает (а человек «принимает») определенные принципы поведения и регулирования человеческих отношений. Все поведение человека представляется как целиком детерминированное чувством «подражания» или «принадлежности» к той или иной группе, «сознанием рода», «групповым духом», «коллективным сознанием», «установками» и т.д.

В то же время оставался неясным другой вопрос — каким образом все эти принципы, выведенные из социальных нужд без всякого обращения к отдельному индивиду, могут вместе с тем быть принципами деятельности этого индивида, почему человек их принимает, исповедует как свои собственные, как, наконец, это согласуется с его личными, внутренними запросами и потребностями. Короче говоря, какой смысл и значение имеют для человека все эти социальные принципы и нормы? Вот этот-то вопрос и стоит имплицитно во всем фрейдовском психоанализе, ибо антитеза, неотъемлемо присущая буржуазной социальной мысли — общество или индивид, — не была преодолена.

Фрейд пытался решить эту антитезу, исходя из внутренних потребностей и влечений самого человека. Подчеркивание бессознательного характера внутренних влечений имело в учении Фрейда и определенное методологическое значение. Признание бессознательности основной чертой психического означало в концепции Фрейда, помимо всего прочего, что психическое действует по своим имманентным законам и что его функционирование спонтанно и как бы ничем извне не мотивировано. Фрейду казалось, что строгое проведение принципа примата бессознательного в психическом избавит психоаналитика от «рационализации», от привнесения в объяснение поведения человека «внешних» (а по сути дела социальных) моментов, — а это неизбежно, если встать на точку зрения определяющего значения Я (которое ведь выступает в психическом как адвокат и представитель внешнего мира!).

Применительно к процедуре лечения этот принцип выглядел следующим образом. При лечении невроза, согласно Фрейду, необходимо было прежде всего добиться от пациента отказа от сколько-нибудь критического отношения к своим собственным мыслям, ассоциациям, воспоминаниям, что и гарантировало от привнесения каких-либо вторичных и производных «разумных» ограничений, а в конечном счете упраздняло или сводило на нет цензуру сознания. Так и только так, по Фрейду, можно выявить истинные причины и механизмы человеческих действий.

Но, описывая различные психические образования, их функции и взаимосвязь, которые дают нам возможность понять человеческие поступки, их мотивы и всю систему человеческого поведения в целом, Фрейд пришел в конце концов к констатации удивительной, но непонятной и не объясненной им самим аналогии. С одной стороны, он утверждает, что не только путь духовного развития отдельного человека схож с тем, как развивается общество в целом, но что и система личной психической организации и организации социальной подобны: все те психические образования и явления Я, Сверх-Я (эдипов комплекс, совесть, вина, потребность в наказании и вознаграждении и т.д.), которые мы находим у индивида как результат развития его внутренних потребностей, имеют своих аналогов в социальных институтах и нормах.

С другой стороны, Фрейд чисто эмпирически констатирует, что гармонии человека и общества нет, более того, налицо вражда, полярность и борьба этих двух конструктивно подобных явлений. Сходны функции этих систем, их механизмы, но совершенно различны цели. Цель жизни индивида — это счастье, «осуществление программы принципа удовольствия», но окружающая человека жизнь вынуждает «как сказать, говорит Фрейд, что «намерение, будто люди должны быть счастливы, не включено в план творения»¹, счастье человека, с точки зрения целей и задач общества, «выглядит так, если бы создание великого человеческого сообщества было бы наиболее успешным, если бы не обращалось никакого внимания на счастье индивида»². В этой непримиримости целей человека как такового и человека как члена сообщества Фрейд и видит причину невроза.

Рассматривая давление социальных сил на человека как причину неврозов, Фрейд тем не менее не делает всех выводов, вытекающих из последовательного понимания социальной природы невроза. Невропатическая реакция индивида толкуется Фрейдом как изначальный конфликт человека с его социальной средой. «...Мы, люди с высокими требованиями нашей культуры и находящиеся под давлением наших внутренних вытеснений, — пишет он, — находим действительность вообще неудовлетворительной и потому ведем жизнь в мире фантазий, в котором мы стараемся сгладить недостатки реального мира, воображая себе исполнение наших желаний. В этих фантазиях есть много настоящих конституционных свойств личности и много вытесненных стремлений. Энергичный и пользующийся успехом человек — это тот, которому удается, благодаря работе, воплощать свои фантазии-желания в действительность. Где это не удается... там наступает отстранение от действительности, индивидуум уходит в свой более удовлетворяющий его фантастический мир»³.

Затем Фрейд интерпретирует этот конфликт как противоречие, разворачивающееся внутри психики. В конечном итоге борьба индивида и

---

¹ Freud S. *Civilisation and Its Discontents* — «The Standard Edition of the Complete Psychological Works of S. Freud», vol. 21. London, 1961, p. 76, 83.

² Там же, с. 140.

³ Фрейд З. О психоанализе, с. 60–61

общества — это «спор в пределах экономики либидо, сравнимый со спором относительно распределения либидо между Я и объектами»¹. От общества требуется лишь известное благоразумие: помнить об особенностях человеческой природы, «конституционных свойствах личности», лимитах ее «духовной организации» и не требовать слишком много от человека. «Если от человека требуется больше (чем позволяет его духовная конституция и ее способность приспособливаться к требованиям внешнего мира. — Т. К.), то в кем произойдет бунт, или невроз, или его сделают несчастным»².

Таким образом, проблема невроза сводится у Фрейда в конечном итоге к вопросу об ограничении требований, предъявляемых обществом к человеку соразмерно возможностям его природы. Но что это за природа, как ее определить, чтобы можно было затем более эффективно лечить невроз, а если поставить вопрос более широко — как вообще регулировать взаимоотношения общества и индивида? На этот вопрос в общем-то у Фрейда нет ответа. Фрейд и его последователи достаточно твердо уверены, что говорить о такой природе правомерно, что за понятием человеческой природы стоят какие-то реальные процессы, какая-то специфическая реальность, но мы знаем о ней лишь косвенно, по ее многочисленным проявлениям. Так, например, невроз — это следствие нарушения нормального функционирования этой «природы» и ее связей с окружающим миром. Тогда, может быть, изучение неврозов и есть ключ к изучению человеческой природы? Фрейд из этого и исходил.

Невроз, аномальное поведение в самом общем виде определялось в результате сравнения и по контрасту с реакциями и поведением остальных людей, которые считаются нормальными, здоровыми. Если же окружающая среда признается здоровой, то проблема невроза сводится к приспособлению больного к существующим условиям. Психоанализ был призван разработать методы и средства возвращения больного к нормальной жизнедеятельности, то есть установившемуся образу жизни. В этом Фрейд видел «культурную функцию» психоанализа. «Психоаналитическая работа, — подчеркивал он, — служит самым высоким и ценным культурным целям...»³ Но так обстояло дело с терапией «индивидуального невроза». Пока речь шла о лечении заболевания отдельных людей, предположение об отличии «здоровой группы» от «больного» индивида казалось естественным и решающим.

Но, как только Фрейд отвлекался от решения чисто терапевтической задачи и ставил вопрос о неврозе в связи с вопросом о человеческой природе, проблема неврозов опять становилась в тупик. В самом деле, изучение неврозов показало, по свидетельству самого Фрейда, что «неврозы не имеют какого-либо им только свойственного содержания, которого мы не могли бы найти и у здорового, или, как выразился К.Г.Юнг, невротики заболевают

---

¹ Freud S. Civilisation and Its Discontents, p. 141.

² Там же, с. 143.

³ Фрейд З. О психоанализе, с. 65

теми же самыми комплексами, с которыми ведем борьбу и мы, здоровые люди»¹.

В этом случае, признается Фрейд, сильно ограничивается теоретическое значение самого факта отклонения от нормальной жизнедеятельности. Этот критерий уже почти нам не помогает. Если достаточно последовательно «до конца проводить эту точку зрения, то вполне логично возникает вопрос, а не является ли социальная жизнь вообще невротической по своему характеру. «Если развитие цивилизации имеет такое далеко идущее сходство с развитием индивида и если она использует те же самые методы, то не можем ли мы быть оправданы в установлении диагноза, что под влиянием культурных требований некоторые цивилизации, или некоторые эпохи цивилизации, возможно, все человечество, стали «невротическими»?². И далее Фрейд говорит, что теоретически такое предположение вполне правомерно, а практически должно представлять огромный интерес. Речь идет фактически о возможности совершенно новой дисциплины, которая, вероятно, могла бы в конечном итоге решить проблему неврозов.

Фрейд чувствовал, что теоретические рамки психоанализа узки для постановки вопроса о социальном неврозе в широком смысле слова. Он признает, что его учение базируется, в конечном счете, на признании «естественности» и «нормальности» окружающей среды и потому ограничивается проблемой «индивидуального невроза», в то время как «социальная патология» должна искать свое основание «где-то еще».

Говоря о трудностях создания «социальной патологии» и изыскании для нее новых теоретических оснований, отличных от психоаналитических, Фрейд в то же время понимает, что и ее практические рекомендации, если они последуют, потребуют совершенно иного (неврачебного) осуществления. «Что же касается терапевтического применения нашего знания (которое даст «социальная патология». — *Т. К.*), то какая польза самого правильного анализа социального невроза, раз никто не обладает властью осуществить такую терапию по отношению к группе? Но несмотря на все эти трудности, мы можем ожидать, что однажды кто-то отважится заняться патологией культурных сообществ»³.

Ясно, что «социальная патология» уже должна была бы ставить вопрос о природе и характере существующего общества и требовать широкого социального действия, затрагивающего все общество в целом, — вывод, который Фрейд не смог сделать.

Фрейд сам был вынужден признать, что природа невроза, если рассматривать ее в широком философско-социологическом аспекте как проблему различных форм человеческого действия и поведения, их собственно «человеческих» и «культурных» характеристик, так и осталась не выясненной психоанализом. Осталось неясной и даже неразрешимой возникшая в психоанализе Фрейда и другая более широкая проблема —

---

¹ Там же, с. 61

² *Freud S. Civilisation and Its Discontents*, p. 144

³ Там же.

почему же антагонистичны две системы, подобные по своей структуре и механизмам действия, система индивидуальной детерминации человеческой деятельности и система социальной, надиндивидуальной детерминации. А именно в решении этой проблемы Фрейд видел, в конечном счете, ключ к решению проблемы невроза.

В постановке и решении проблемы взаимоотношения индивида и общества Фрейд не выходит за рамки психологических реакций человека. Следствием невроза является, согласно Фрейду, «отдаление больного от реальной жизни, отчуждение его от действительности», поэтому для понимания невроза необходимо «включить психологическое значение реального внешнего мира в состав нашего учения»¹. Это «психологическое значение» мира не рассматривает ни вопроса о деятельности человека как таковой, ни вопроса о природе самого этого мира, ни даже о природе внутренних влечений человека.

В конечном итоге либидо у Фрейда, как мы уже отмечали выше, — это лишь чистая энергия влечения, просто некая возможность перелива этой энергии от Я на тот или иной объект и обратно. Поэтому, в сущности, о либидо говорится лишь как о некоем функционировании вообще, которое «накладывается» на то или иное конкретное предметное действие. Само же это действие понимается лишь как символ этого влечения, его обозначение, знак, но никак не как выражение самой природы влечения. Имеет значение, таким образом, не анализ самого действия (и прежде всего того, какая реальная задача и какими средствами решается), а тот факт, как это действие символизирует, кодирует внутреннее влечение. В этой символизации внутренних влечений психоанализ и видит *смысл* человеческого действия. Встает вопрос, какого рода знание дает нам раскрытие этого «смысла» человеческих поступков? Обратимся для этого к самой процедуре «расшифровки» значения человеческих поступков, осуществляемой психоанализом.

Психоаналитик требует, чтобы пациент (не обязательно невротик) говорил ему буквально обо всех мыслях, которые приходят ему в голову, подробно рассказывал свои сны, отмечал все, казалось бы самые нелепые и абсурдные мысли и сопоставления, вспомнил все возможное из своего детства и т.д. Из бесчисленного сопоставления всех этих образцов и мыслей постепенно становится ясно, что не было удовлетворено какое-то желание или потребность пациента. В свете этого переосмысливаются теперь все его действия: вы поступили так, объясняет психоаналитик, потому что хотели этим поступком иллюзорно удовлетворить такую-то свою потребность за невозможностью ее реального удовлетворения, или вы с самого начала отказались по тем или иным причинам удовлетворить это свое желание, вы его «вытеснили», вы ужаснулись от одного только, сознания, что это желание возникло, и потому поступили так-то, чтобы скрыть его и т.д.

---

¹ Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, с. 82.

Главное на первом этапе психоаналитической работы — выявить скрытое, бессознательное желание, знаком которого и выступают наблюдаемые нами поступки. Какова же дальнейшая судьба этого выявленного желания? Тут по Фрейду, возможны три исхода. «Чаще всего, — пишет он, — эти желания исчезают еще во время психоанализа под влиянием разумной душевной деятельности, под влиянием лучших противоположных стремлений. Вытеснение заменяется осуждением»¹. Второй исход — направление бессознательных инстинктов на другие цели, их сублимация, «благодаря которой энергия инфантильных желаний не устраняется, а применяется для других, высших, иногда несексуальных целей»². И, наконец, третий исход: «Известная часть вытесненных эротических стремлений имеет право на прямое удовлетворение и должна найти его в жизни»³.

Каковы же назначение и цель этой «расшифровки» смысла человеческих действий и доведения его до сознания? В конечном итоге это не что иное, как интерпретация действий человека с точки зрения установившейся в обществе системы норм и правил поведения, его их оценка и понуждение человека согласиться с этой оценкой и действовать в соответствии с ней. Ведь главный момент в психоанализе — момент, когда пациент признает верность, правильность того смысла и той расшифровки его поступков, которые предлагает ему психоаналитик, то есть когда сам человек начинает снова осваивать, «овнутрять» социальные нормы поведения. Так по существу и совершается возвращение человека к нормальной жизни, то есть возвращение к той установившейся системе значений, оценок, норм и принципов, которые практикуются в данный момент в обществе и которые он сам некогда стихийно исповедовал.

Как видим, анализ вращается в пределах выяснения вопроса о самоощущении индивида в процессе его жизнедеятельности, о возможностях и способах психологической аккомодации индивида, о том, как сменить одну психологическую установку на другую, более отвечающую требованиям общества, придать новый смысл тому или иному действию, социальной норме, институту и, таким образом, разрешить возникший конфликт личности с окружающей средой. На место выяснения действительных механизмов и мотивов деятельности человека и природы его бытия, выявления их объективных социально-исторических детерминант ставится описание тех психологически-духовных феноменов, которые возникают в процессе и по поводу реально протекающей деятельности и реальных отношений в обществе и которые образуют лишь одну из сторон сознания субъекта этой деятельности. При этом все социальные проблемы начинают сводиться к проблеме психологического урегулирования, выработке соответствующих методов психоманипулирования, и вопрос о природе

---

¹ Фрейд З. О психоанализе, с. 65.

² Там же, с. 65–66.

³ Там же, с. 66.

общества и характере общественных отношений сам собой «исчезает» из теории.

Ограничение теории рамками феноменологического описания (того, как человек реагирует на окружающее общество, как он переживает свои отношения с другими людьми и через посредство каких духовных образований — Я, Сверх-Я, всевозможных комплексов и т.д.) приводит к тому, что *природа общества, характер социальных связей* начинает молчаливо приниматься за некую *константную величину*, от которой можно отвлечься при решении возникающих конфликтов.

К такому выводу неминуемо шла и психоаналитическая теория Фрейда. Природа невроза осталась невыясненной, но оказалось, что это и не столь уж важно. Фрейд полагал достаточным обратиться к благоразумию общества, снабдив его знанием об известных пределах его притязаний к индивиду, и решать вопрос о конфликте личности и общества в пределах психологической приспособленности индивида. Правда, Фрейд, хотя и в очень осторожной форме, все же поднял вопрос о «социальной патологии», но он понимал в то же время, что разработка ее ставит под вопрос все теоретическое построение его учения.

Кузьмина Т. А. Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра / Проблема человека в современной философии. М., 1969, с. 291–297

Фрейдизм

Д. Н. Ляликов

ФРЕЙДИЗМ — общее учение *Фрейда* (в т. ч. *психоанализ*) и вся совокупность развившихся на его основе учений и школ (именуемых иначе «глубинной психологией»). В более широком смысле, за пределами собственно психологии, Ф. выступает как разновидность *философии жизни*, стремящаяся свести явления культуры и социальной жизни к формам проявления первичных жизненных влечений, опираясь на учение Фрейда о бессознательном и др. его построения.

Раскол внутри фрейдовской школы был результатом несоотнесенности ее осн. теоретич. положений, а также заложенных в них противоречий. Осн. пунктами расхождений явилось учение об особой психич. энергии (либидо), о природе бессознательного и относительно значений сознат. и бессознат.

процессов, о социальных и биологич. компонентах в формировании личности и др. Компромиссная сбалансированность биологич. и социальных факторов, рассмотрение личности как сферы их взаимодействия требовало вычленения осн. принципа формирования личности; с др. стороны, поскольку не оставалось места для самостоят. роли субъекта, для его автономии, остро вставала проблема личности. В зависимости от тех положений учения Фрейда, к-рые взяты за исходные, во Ф. можно выделить неск. течений: выявляются биологизаторские теории, клонящиеся в сторону *позитивизма* и *бихевиоризма*; культурно-социологич. направление (*неофрейдизм*); направление, выдвигающее на первый план роль сознат. «Я» (Эго-психология); различные направления в психологии, сформовавшиеся под прямым воздействием определ. филос. систем, но включающие в них положения Ф. (экзистенциальный анализ, логотерапия и др.). В целом для эволюции Ф. характерен отход от господствующих в психологич. науке установок, относивших развитие личности к строго детерминированным процессам органического и социального развития.

Еще в первые годы распространения учения Фрейда от него отделились его ближайшие последователи А.Адлер (в 1911) и Юнг (в 1913). В индивидуальной психологии Адлера намечен ряд тем, вокруг к-рых развернулась полемика внутри Ф. Адлер выступил с отрицанием доминирующей роли сексуальных течений в развитии личности, выдвинув вместо них стремление к самоутверждению, или волю к власти. Сам Адлер еще не отошел от позиций биологизма, близкого Фрейду, поскольку психика выступала для него в конечном счете как порождение и компенсация биологич. неполноценности индивида; однако им были высказаны положения, послужившие развитию неофрейдизма, подчеркивавшего роль внешних (социальных или культурных) факторов в формировании личности и включавших субъект в систему внешних отношений. В то же время, выдвинув идею уникального для каждого индивида «жизненного стиля», Адлер предвосхитил установку экзистенциальной психологии. Юнг, стремившийся, как и Фрейд, к созданию универс. системы, пытался вывести индивидуальную психологию из нового психич. измерения — коллективного бессознательного, и одновременно сохранить принцип саморазвития личности (процесс индивидуации). Эти противоречия системы Юнга привели к глубоким расхождениям в созданной им школе.

Биологизаторские тенденции во Ф. особенно проявляются в психосоматике Ф.Александера (1891–1964), главы Чикагской психоаналитич. школы, начавшей широко применять психоанализ при лечении органич. заболеваний. Введенные Фрейдом «внутрипсихич. инстанции» (Ego, Super-Ego, Id) Александер заменяет столкновениями или конфликтами разнородных влечений, к-рые сами есть лишь субъективные представления или символы физиологич. процессов. *Психофизическая проблема* объявляется Александером, в духе позитивизма, псевдопроблемой, хотя в его системе она возникает в новой форме: в виде методологич. несовместимости двух уровней — физиологич. процесса и символич. способа выражения.

Бихевиористское направление во Ф. особенно влиятельно в США. Оно использует критику Фрейдом метода сознат. интроспекции, его интерпретацию снов и симптомов как лишь внешне иррациональных, но по существу целенаправленных актов, равно как и положение Фрейда об «объективности» бессознательного, выступающего для сознания в качестве внешнего объекта. Кроме работ Дж.Массермана, С.Радо (S. Rado, *Psychoanalysis of behavior*, N. Y., 1956), в этой школе выделяется объемистый труд сотрудника Александра Т.Френча (Th. M. French, *The integration of behavior*, v. 1–3, [Chi., 1952–58]), ставящий целью превратить Ф. в разновидность т. н. необихевиоризма. К тому же направлению примыкают и многочисл. опыты сближения Ф. с рефлексологией (Френч в ранних работах, Массерман, Кьюби и др.) и с кибернетикой (К.Коулби).

Источником новых построений во Ф. стал особенно быстро развивающийся психоанализ детского возраста, где сформировались две школы — А.Фрейд и М.Клейн (1882–1960). Последняя внесла глубокий раскол в ортодоксальный Ф., хотя исходила из тех же осн. предпосылок, что и Фрейд (Клейн утверждает решающую роль в жизни ребенка процессов проекции чувства страха, вины, депрессивных состояний и т.п.). Однако там, где Фрейд видел воздействие внешней среды, Клейн усматривает восприятие ребенком внешних проекций своих же собств. влечений, от напряжения к-рых он стремится избавиться, объективируя их и конструируя из них «дурные объекты» (типа «ведьмы», «людоеда» и т.п.). Появляющиеся впоследствии психозы, для Клейн, — также результат регрессии к первичному способу отношения к объекту (процессу проекции — интроекции) и возникают не в итоге позднейших отклонений, но лежат в самой основе психики. И хотя Клейн исходит из биологич. предпосылок, гл. место в ее построениях занимает уже не безличный поток либидо с его стадиями, но активный субъект в его отношении к миру (утверждается «гносеологич.» природа психоза как самого раннего или архаич. способа познания).

Т. н. социальные течения во Ф. представлены ныне гл. образом неофрейдизмом, к-рый не образует, однако, единого направления. Неофрейдизм был связан с «открытием» амер. культур-антропологов (М.Мид и др.), показавших, что можно использовать весь аппарат понятий Ф., если представить источник развития личности на др. конце цепи — во внешней среде, вместо биологич. организации индивида. Оппонент неофрейдизма в США Г.Маркузе в полемике с *Фроммом* утверждает, что эта среда ничего не создает, но лишь по-иному формирует материал биологич. влечений (см. H. Marcuse, *Eros and civilization*, L., 1956). Неофрейдизм, исходя из совсем иных установок, чем экзистенциальная психиатрия, приближается к ней в использовании такого комплекса понятий, как страх, отчуждение, «бегство от свободы» (Фромм) и др. Стимулом к развитию обоих этих направлений явилось распространение новых форм социальной патологии, отличных от классич. неврозов (истерии), с к-рыми прежде имел дело Ф. Пациенты, как отмечает *Хорни*, ныне все чаще жалуются на отчужденность, психич.

изоляция или ощущение бессмысленности жизни при отсутствии каких-либо нарушений в физич. сфере.

Опыт экзистенциалистского истолкования Ф. был предпринят еще в 30-х гг. швейц. психиатром Л. Бингсвангером, а позднее В. Вайцеккером в его системе медицинской антропологии, опирающейся на концепцию Хайдеггера. В конце 50-х гг. сходные направления стали распространяться в США (см. сб. «Existence», N. Y., 1958). Были и попытки представить Фрейда как «тайного» экзистенциалиста (Г. Кунц). Параллельно предпринимались, хотя и менее энергичные, усилия приспособить Ф. к католич. философии в «новой венской школе» (В. Дайм, В. Франкель, И. Карузо). По Дайму, это может быть достигнуто при повороте осн. построений Ф. на 180° (W. Daim, *Umwertung der Psychoanalyse*, W., 1951). Так, невроз есть не бегство от реальности, но абсолютизация преходящего и относительного, и в состоянии вытеснения у совр. человека пребывают не низшие влечения, но высшие духовные способности. Сама возможность столь различных подходов говорит о том, что Ф. в наст. время выступает скорее как аппарат психич. анализа, чем замкнутая теоретич. система (см. D. Wyss, *Die Tiefenpsychologische Schulen zur Gegenwart*, Gutt., [1961]; R. L. Munroe, *Schools of psychoanalytic thought* [N. Y., 1955]).

Влияние Ф. обычно усматривается также в новейших течениях иск-ва. Так, сюрреализм сознательно стремился основать свою худож. систему на положениях Ф., провозгласив целью расширение сферы иск-ва за счет ранее не освоенных им форм психич. реальности: сновидения, сомнамбулизм и различные патологич. состояния. Однако именно в худож. творчестве, где влияние Ф. нередко истолковывается беспредельно широко, фактически нельзя отделить это влияние от патогенных и деструктивных социальных и культ. факторов, действовавших в том же направлении. По ряду причин именно в лице Фрейда персонифицировались нек-рые общие тенденции культуры, бывшие результатом длительной предшествовавшей работы. В сфере иск-ва речь идет не столько о роли учений Фрейда о бессознательном в процессе творчества и об анализе Фрейдом символич. языка иск-ва, сколько о независимом от Ф. параллельном развитии. Так, в художеств. методе М. Пруста («В поисках потерянного времени») находят сходство с терапевтич. методом Ф. реконструкции прошлого. Одним из наиболее «фрейдистских» соч. считается роман Д. Лоренса «Сыновья и любовники» (D. H. Lawrence, *Sons and Lovers*, N. Y., 1913) на тему патологии семьи, написанный до знакомства автора с Ф. Предпринимаются попытки рассмотреть с т. зр. Ф. творчество Достоевского, романтиков, Шекспира и т.д. С др. стороны, однако, имеются попытки сознат. использования Ф. в худож. творчестве. Т. Манн, напр., в «Волшебной горе» («*Der Zauberberg*», Bd. 1–2, B., 1925) использовал учение о борьбе влечений к жизни и смерти и вообще антропологию Ф. О глубоком знакомстве Т. Манна с предметом свидетельствует его ст. «Фрейд и будущее» («*Freud und Zukunft*», журн. «*Imago*», 1936, Bd. 22). Дж. Джонс, а также Т. Эллиот в большей мере, чем к Фрейду, тяготеют к Юнгу.

*Ляликов Д. Н. Фрейдизм. /
Философская энциклопедия, т. 5, М.,
«Советская энциклопедия», 1970, с. 412–414*

Начало фрейдистского направления в этнографии и истории религии

С. А. Токарев

С именем Зигмунда Фрейда (1856–1939) связано научное направление, которое, зародившись в психиатрии, области, далекой от этнографии, оказало, однако, в дальнейшем очень сильное влияние на этнографическую науку, как отчасти и на литературоведение и некоторые другие «науки о культуре». Это направление получило название «психоаналитической» концепции.

Не наша задача рассказывать о научной биографии основоположника психоанализа, о его работах по физиологии, неврологии и психиатрии. Литература о фрейдизме очень велика. Для наших целей достаточно напомнить, что Фрейд на основе своих клинических наблюдений и своей психиатрической практики пришел к парадоксальному выводу о принципиальной аналогичности невро- и психопатологических процессов с процессами, протекающими в здоровом организме первобытного человека. Этот вывод и послужил ему отправной точкой для вторжения область, казалось бы, далекую от медицинской практики, — в область истории человеческой культуры и, в частности, в область этнографии. Свою теорию о «динамической травме» как причине неврозов и психозов — травме, вызываемой подавлением «постыдных импульсов», — Фрейд распространил на объяснение многих явлений нормальной человеческой жизнедеятельности. Метод «психоанализа» был перенесен на изучение жизни людей и на явления истории культуры.

Это перенесение впервые было испробовано Фрейдом в его обширном труде «Толкование сновидений» (1900)¹. Здесь Фрейд сделал первую, как бы пробную попытку выйти за пределы собственно неврологии и психиатрии и вторгнуться в область толкования явлений культуры. В своей следующей книге «Психопатология обыденной жизни»² Фрейд сделал еще один том же

---

¹ Freud S. Die Traumdeutung. — Gesammelte Werke. Bd. I–XVII. London, 1940–1952. Bd. II–III, 1942 (сокр. русс. пер.: Фрейд З. Психология сна, 2-е изд. М., 1926; есть полный русский перевод).

² Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Iber Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und

направлении — попытался объяснить с точки зрения своей теории «вытесненных импульсов» повседневно повторяющиеся бытовые явления, разные обмолвки, оговорки, описки, забывание имен и пр.: все это-де есть проявление импульсов вытесненных из сознания и пребывающих где-то в подсознательной сфере. Вскоре затем появилась его книга «Остроумие и его отношение к бессознательному»¹, где тот же метод применен к объяснению шуток, острот, анекдотов. В 1910 г. Фрейд напечатал книгу о творчестве Леонардо да Винчи², предприняв новую попытку применить психоаналитический метод к толкованию явлений культуры. Наконец, в 1913 г. выходит в свет его книга, имеющая уже самое прямое отношение к этнографии, «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии»³. Рассмотрим содержание этой книги.

I

Исходной и самой общей идеей, на которой построена названная книга (и на ней строились впоследствии все сочинения фрейдистов), была мысль, что есть некое существенное сходство между «психологией первобытных народов», известной по этнографическим описаниям, и «психологией невротиков», разъясняемой психоанализом⁴. Из этого следует, что можно «этнографические» факты интерпретировать на основе данных психоанализа, полученных в неврологических клиниках. И вот в «Тотем и табу» Фрейд пытается дать свое психоаналитическое объяснение некоторых явлений, понимание которых с трудом дается этнографам — обычаев экзогамии, «избегания» определенных родственников, разного рода табуации, магии, анимизма, наконец, тотемизма.

Известно, что перечисленные явления до сих пор вызывают споры между этнографами, и отдельные из них, например экзогамия, даже и сейчас не получили удовлетворительного объяснения. Как же объясняет их Фрейд, насколько удовлетворит его объяснения?

В отношении экзогамии «психоаналитический» метод Фрейда не дает, как он и сам признает⁵, ничего существенно нового против прежних попыток объяснить экзогамию «боязнью инцеста». Боязнь-то боязнь, но откуда она появилась? Вот вопрос. Фрейд отвечает, что-де у невротиков наблюдается подавленное и запрещенное стремление к инцесту (с матерью, сестрой). Допустим, но было ли такое стремление действительно когда-то всеобщим? И потому ли именно было оно запрещено обычаем экзогамии и обычаем «избегания»? Такое предположение ничем не доказано.

Irrtum). — *Gesammelte Werke*, Bd. IV, (русс. пер.: 4-е изд., М., 1926).

¹ *Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten.* — *Gesammelte Werke*, Bd. VI, 1940 (русс., пер. М., 1925).

² *Freud S. Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci.* — *Gesammelte Werke*, Bd. VIII, 1943 (русс., пер.: Фрейд З. Леонардо да Винчи. М., 1912).

³ *Freud S. Totem und Tabu* — *Gesammelte Werke*, Bd. IX, 1940 (русс. пер. М.-Пг. [1923]).

⁴ См. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.-Пг., 1923, с. 15.

⁵ См. Фрейд З. Тотем и табу, с. 31.

Что касается обычаев табуации, то и их Фрейд пытается вывести из своей теории вытеснения «постыдных» импульсов. Табуации, то есть запретам, подвергались те предметы и действия, относительно которых у человека имелись какие-то недозволенные желания. Например, табу на вождей, королей, жрецов — порождено тем, что людям очень хотелось «убивать своих королей и священников»; табу на трупы — тем, что им хотелось «терзать умерших», и т.д.¹ К сожалению, и это объяснение лишено всякой убедительности.

Рассмотрение Фрейдом магии и анимизма приводит к еще более туманным и бесполезным выводам. Присоединившись к взглядам Фрэзера на соотношение магии и религии (первая — предшественница второй), Фрейд пытается установить аналогию с фазами развития детского либидо: фазе нарциссизма соответствует анимизм (скорее уж магия, если держаться концепции Фрэзера), а фазе «любви к объекту» — религия². Трудно вообразить себе более бесплодное аналогизирование.

Наибольшее внимание привлекает в книге Фрейда глава о тотемизме («Инфантильное возвращение тотема»). Отметив (правильно) сложность проблемы и наличие многих друг другу противоречащих попыток решить ее, Фрейд делает смелое заявление, что-де «единственный луч света в эту тьму проливает психоаналитический опыт»³.

Рассуждения Фрейда здесь очень просты. «Отношение ребенка к животному имеет много сходного с отношением примитивного человека к животному»: ни тот, ни другой будто бы не отсекают себя резко от животных. Но «вдруг ребенок начинает бояться определенной породы животных... Возникает клиническая картина фобии животных, одно из самых распространенных среди психоневротических заболеваний этого возраста, и, может быть, самой ранней формы такого заболевания»⁴. Фрейд приводит примеры, которые, по его словам, очень многочисленны: один мальчик боялся собаки, другой — лошади, третий петуха.

Но откуда же эта боязнь животных? Согласно тезису Фрейда, психоанализ показывает, что животное — заместитель образа отца; а отец для маленького мальчика — это соперник в либидо к матери, но в то же время — некий идеал для подражания. Эта двойственность («амбивалентность») чувства в отношении отца переносится на животное, которое становится и предметом страха, и предметом некоторого обожания. А отсюда делается вывод, что и тотемическое животное у «примитивных народов» есть не что иное, как заместитель образа отца. «На основании этих наблюдений, — пишет Фрейд («наблюдения» делались исключительно в клиниках!), — мы считаем себя вправе вставить в формулу тотемизма на место животного-тотема мужчину-отца». В подкрепление этой мысли Фрейд замечает, что ведь и сами «примитивные народы» называют тотем «своим

---

¹ См. там же, с. 81.

² См. там же, с. 100.

³ Там же, с. 136.

⁴ Там же, с. 137.

предком и праотцем»¹. «Другими словами, — говорит он далее, — нам в этом случае удастся доказать вероятность того, что тотемистическая система произошла из условий комплекса Эдипа...»²

Конечно, Фрейд не может ограничиться этими совершенно бездоказательными заявлениями. Вторгаясь смело в область этнографических проблем, он, естественно, стремится опереться на мнения или хотя бы гипотезы самих этнографов. Главной опорой оказалась для него теория шотландского этнографа Аткинсона о так называемой циклопической семье. Что это за теория?

Еще в самом начале XX в. была опубликована работа Аткинсона «Первобытное право»³, где этот автор, ссылаясь в свою очередь на некоторые мысли Дарвина, выдвинул предположение, что первоначальной формой общежития предков человека была «циклопическая семья», состоявшая из одного старого самца и некоторого числа самок с детенышами; эти самки находились в его безраздельном подчинении и пользовании; молодых же взрослых самцов он изгонял из семьи, и они бродили где-то поодаль, быть может, в полиандрическом сожительстве с какой-нибудь захваченной самкой, пока один из них не сменял одряхлевшего отца.

Заимствуя у Аткинсона эту картину, Фрейд продолжает гипотезу следующим образом: «...в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием, дал им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей»⁴.

Эта древняя каннибальская трапеза, как полагает Фрейд, сохранилась впоследствии в виде ритуальной тотемической трапезы-жертвоприношения: первобытный клан убивал и торжественно поедал свое тотемическое животное, своего бога (так представлял себе происхождение жертвенных трапез Робертсон Смит, на которого опять-таки ссылается с одобрением Фрейд). Умерщвляемый тотем был заместителем отца, некогда убитого и съеденного восставшими сыновьями. Мало того, из этого древнего отцеубийства выросло и многое другое — «социальные организации, нравственные ограничения и религия»⁵.

Это произошло, по Фрейду, вот как: убив и съев своего отца, братья раскаялись в этом преступлении. Они наложили запрет на повторение подобного действия — никогда впредь не убивать отца; а для устранения самого повода к вражде против отца и повода к взаимной ревности они установили другой запрет — запрет брачно-полового общения с женщинами своего клана, то есть экзогамию.

---

¹ Фрейд З. Тотем и табу, с. 141.

² Там же, с. 142.

³ Atkinson J. Primal Law. — Lang A. Social Origins. London, 1903.

⁴ Фрейд З. Тотем и табу, с. 151.

⁵ Там же.

Образ убитого отца был заменен тотемическим животным. На него и был поэтому перенесен запрет — тотем нельзя убивать. Но во время периодически устраиваемых родовых праздников тотемическое животное убивают и торжественно поедают. «Праздник — это разрешенный, больше — обязательный эксцесс, торжественное нарушение запрещения. Не потому, что люди, весело настроенные, следуя какому-нибудь предписанию, предаются излишества, а потому, что эксцесс составляет сущность праздника. Праздничное настроение вызывается разрешением обычно запрещенного»¹. «Психоанализ открыл нам, что животное-тотем действительно является заменой отца, и этому соответствует противоречие, что обычно запрещается его убивать и что умерщвление его становится праздником, что животное убивают и все же оплакивают его»².

Таким-то путем старается Фрейд связать основные тезисы своего психоанализа — эдипов комплекс, вражда к отцу, тайное желание его смерти, тайное либидинозное влечение к матери — с предполагаемыми этапами ранней истории человечества. Таким путем пытается он объяснить тотемизм, и больше того — всякую вообще религию. «Тотемистическая религия произошла, — пишет он, — из сознания вины сыновей как попытка успокоить это чувство и умиловить оскорбленного отца поздним послушанием. Все последующие религии (NB! — *C. T.*) были попытками разрешить ту же проблему, — различными — в зависимости от культурного состояния, в котором они предпринимались, и от путей, которыми шли, — но все они преследовали и ту же цель — реакцию на великое событие, с которого началась культура и которое с тех пор не дает покоя человечеству»³.

Неправдоподобие всей этой концепции Фрейда бросается в глаза. Едва ли нужна даже и критика этого натянутого — попросту фантастического — предположения о сыновьях, съевших своего отца и тут же раскаявшихся. Экстравагантная гипотеза Аткинсона никем из этнографов не разделялась и не разделяется. Фрейд и сам в какой-то мере признавал маловероятность своего предположения. В конце книги он неожиданно отступает от своей (вернее аткинсоновской) гипотезы и предлагает другую, менее фантастическую: быть может, говорит он, убийства и съедения отца и не было, а было лишь бессознательное, с детства подавленное желание смерти отца. «...Одних только импульсов, враждебных отцу, существования в фантазии желания убить его и съесть могло быть уже достаточно, чтобы вызвать моральные реакции, создавшие тотем и табу»⁴. Отступив, таким образом, на более скромные позиции, Фрейд тем самым теряет опору в виде тех историко-этнографических теорий (Робертсон Смит, Аткинсон), которыми он пользовался, как бы слабы они ни были. Остается у него лишь прежний тезис — голословный и неубедительный, — что всякому, даже

---

¹ Там же, с. 150.

² Там же.

³ *Фрейд З.* Тотем и табу, с. 154.

⁴ Там же, с. 168.

вполне нормальному, человеку в раннем детстве свойственно желание смерти отца и полового союза с матерью.

К чести Зигмунда Фрейда надо, однако, сказать, что он вовсе не покушался решать своим психоаналитическим методом все вообще проблемы этнографии или истории религий. Он прямо оговаривался (во введении к последней главе «Тотема и табу»), что не считает психоанализ единственным или даже главным методом объяснения религии: наряду с этим «источником» религия имела, как признает Фрейд, и другие, которые психоанализ открыть не в состоянии¹.

«Тотем и табу» осталось единственным сочинением Фрейда, посвященным чисто этнографическим темам, больше он к ним не возвращался. Однако нарисованная здесь мрачная картина доисторического отцеубийства осталась как некий незримый символ висеть над всеми писаниями Фрейда и его последователей, когда они касались вопросов культуры. На эту свою книгу Фрейд опирался и в своем последнем — очень интересном — этюде о происхождении еврейского монотеизма, напечатанном незадолго до его смерти и имеющем тоже некоторое отношение к этнографии.

Книга Фрейда о Моисее и монотеизме² по-своему очень показательна и для общей оценки значения самого психоаналитического метода. Сочинение это резко распадается на две части, которые и печатались отдельно — в 1937 и в 1939 гг. В первой части Фрейд излагает свой взгляд на происхождение религии Моисея — взгляд очень оригинальный и интересный, но не имеющий никакого отношения к психоанализу: по мнению Фрейда, Моисей был не евреем, а египтянином, одним из приближенных и сподвижников фараона Аменхотепа IV (Эхнатона), пытавшегося, как известно, ввести в Египте монотеизм — культ солнечного бога Атона. После смерти Эхнатона и последовавшей за этим жреческой реакции, уничтожившей следы реформы, Моисей ушел к евреям и попытался — притом с большим успехом — ввести монотеистическое почитание Атона у них. Не обошлось, конечно, без длительных смут, во время которых сам Моисей был евреями убит, но появился второй законодатель, тоже по имени Моисей; древнееврейский божок Ягве приобрел черты единого мирового бога Атона, и монотеистическая религия наконец восторжествовала.

Такова в самых кратких словах концепция Фрейда, изложенная в первой части его этюда о Моисее, — концепция, конечно, очень шаткая (она опирается лишь на некоторые двусмысленные намеки в тексте Библии), но все же интересная. Однако психоанализ тут совершенно не при чем; сам автор признает, что на основе изучения только одной еврейской (и египетской) истории никаких более широких выводов нельзя сделать; однако он тут же напоминает, что сделал эти выводы в уже известной нам книге «Тотем и табу».

---

¹ См. там же, с. 110.

² Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion. — Gesammelte Werke, Bd. XVI, 1950.

В 1938–1939 гг. появилась вторая часть работы о Моисее, которую автор сначала не решался публиковать, боясь, что она оттолкнет от него многих его последователей, особенно католиков. Но после резкой перемены политической ситуации в Европе (Гитлер аннексировал Австрию, Фрейд как еврей попал в гетто, но вскоре был выкуплен своими иностранными почитателями и поселился в Лондоне) он решил, что ему теперь «нечего терять», и напечатал; в предисловии он пишет о своих колебаниях и опасениях потерять многих своих сторонников, ибо в этом сочинении он развенчивает и иудейские, и христианские святыни. Так оно и есть: во второй части своего этюда Фрейд ставит точки над «и» и интерпретирует всю историю и ветхозаветной, и христианской религии со своей психоаналитической точки зрения.

Если верить автору, то оказывается, что налицо полная аналогия между этапами развития неврозов у человека и этапами становления еврейского монотеизма. В раннем возрасте эротические эмоции, тайное желание смерти отца и пр., словом — эдипов комплекс; с 5-летнего возраста симптомы его пропадают, наступает «латентный период» (*Latenzzeit*); а с наступлением зрелости проявляются в невропатологической форме подавленные в детстве импульсы. История человечества началась по Фрейду, — как мы уже видели, — с убийства отца, засим раскаянье, запрет впредь убивать отца, замена его образом животного-тотема, запрет убивать тотем, экзогамия и т.д. А у древних евреев эта трагедия повторилась: возмущившийся народ своего отца-пророка (Моисея), но спустя некоторое время (*Latenzzeit*) раскаялся, признал его святым, принял его религию, Бог Моисея и сам Моисей — как в древности тотем — это тот же умерщвленный, а потом оплаканный и обожествленный отец.

Мало того, такое же умерщвление отца-бога произошло и в начале истории христианства: убитый, а потом оплаканный и обожествленный Христос — это тот же доисторический отец. Учение апостола Павла о «первородном грехе» (*Erbsünde*) имеет в себе то же самое содержание: «первородный грех» — это не непослушание Адама и Евы богу (как учит церковь), а убийство отца в доисторические времена.

Христианское таинство причастия Фрейд считает отголоском древней тотемической трапезы (мысль, впрочем, высказывавшаяся не раз и другими исследователями и, видимо, правильная). Христианство, по идее, должно было стать религией примирения с богом-отцом, но на деле оно означало вытеснение бога-отца богом-сыном. Христианство не удержалось на высоте монотеистической идеи, сделав много уступок политеизму, введя культ божьей матери и т.д.

«Когда Моисей, — пишет Фрейд, — принес народу идею единого бога, это вовсе не было чем-то новым, это означало возрождение переживаний (*Wiederbelebung der Erlebnisse*) из первобытных времен человеческой семьи, которые давно исчезли из сознательной памяти людей»¹.

---

¹ *Freud S. Des Mann Moses und die monotheistische Religion, S. 238.*

При всем остроумии, при всей смелости гипотезы Фрейда относительно происхождения и еврейской, и христианской религии очень трудно признать ее убедительной. Попытка связать исторические события II и I тысячелетий до н. э. в Палестине и Египте с этапами развития невроза у пациентов венской клиники — по меньшей мере натянута. Никаких новых аргументов в пользу своего метода Фрейд в этой своей предсмертной работе не привел, он ограничился ссылкой на то, что будто бы доказал в книге «Тотем и табу».

Но мы видели выше, что и там его доказательства были чрезвычайно слабы.

*История и психология.
М., 1971, с. 319–326*

Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений

Ф. Бассин, В. Рожнов, М. Рожнова

В последние десятилетия особенно напряженный характер приобрела борьба между методологически противоположными подходами к исследованию проблемы сознания и основных общих закономерностей психической деятельности человека, имеющей важное значение для всего цикла гуманитарных наук. Диалектико-материалистическому пониманию этой проблемы противопоставляется целый ряд порой примитивных, порой утонченных идеалистических трактовок, среди которых на первый план выдвигаются психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда и разнообразные ее модификации.

Эта концепция противостоит диалектико-материалистическим взглядам не только в области психопатологии, но и в самых различных сферах общественной жизни; она в специфической форме выразила характерные черты буржуазного мировоззрения и достигла в современных капиталистических странах огромной популярности и общественного влияния. Пройдя сложный путь преобразований, она превратила из скромной клинической гипотезы в мировоззренческую доктрину, став ярким выразителем и инструментом буржуазной идеологии. В связи с этим выявление ее научной несостоятельности и политической реакционности приобретает в современных условиях особую актуальность.

Теория психоанализа была создана на рубеже прошлого и нынешнего веков австрийским психоневрологом З. Фрейдом (1856–1939) и имела вначале чисто прикладной, медицинский характер. Психоанализом был назван особый метод психотерапии больных неврозами, задачей которого было обнаружение скрытых от сознания больного причин его страданий.

В то время, когда Фрейд занялся лечением неврозов, подлинного понимания причин этих заболеваний не существовало. Они определялись чисто негативно, то есть как такие расстройства, при которых никакими доступными методами невозможно обнаружить органическое нарушение в нервной системе, и поэтому не удается найти вызывающие их объективные морфофизиологические причины. Несмотря, однако, на отсутствие видимой материальной основы неврозов, они являются подчас серьезным заболеванием, проявляющимся в форме тягостных симптомов. Среди характерных жалоб невротиков — резкое снижение работоспособности, повышенная раздражительность, вспыльчивость, невозможность сосредоточиться, постоянно испытываемое чувство напряжения или страха, подавленное настроение, бессонница, частые головные боли и т.п. Объективные симптомы неврозов также очень разнообразны. Они могут носить характер расстройств сердечно-сосудистой деятельности, повышения кровяного давления, спазмов желудка или кишечника, нарушения половой функции, заикания, потери голоса, даже временной потери зрения, тяжелых расстройств моторики и т.п.

Фрейд предположил, что в основе каждого из подобных проявлений невроза лежит какое-то конкретное перенесенное ранее тяжелое переживание — стремление или влечение, которое не смогло быть по каким-либо причинам реализовано в поведении и поэтому было «вытеснено» больным из сферы сознания, однако продолжает оказывать болезненное воздействие на его психику. Для излечения, по мысли Фрейда, необходимо, чтобы больной это «вытесненное» стремление вновь осознал, вспомнил о нем, разработал целый ряд приемов (истолкование сновидений, обмолвок, описок, очиток, острот и др.), с помощью которых пытался проникнуть в глубины психики больных, чтобы выявить причины тяготивших их клинических расстройств.

Особую роль в происхождении неврозов Фрейд приписывал подавленным еще в раннем детстве инстинктивным влечениям. Главные из них, по Фрейду, — это инстинкт продолжения жизни (или сексуальный) и инстинкт смерти (или влечение к агрессии). Оба эти влечения ищут удовлетворения, но, поскольку они противоречат во многих случаях нормам морали и интересам общества, не всегда находят естественный выход введении и вытесняются в специальную, так называемую бессознательную сферу человеческой психики. Скрывшись там, они, однако, не остаются нейтральными. Напротив, чем сильнее они подавляются, тем в большей степени заряжаются особой «психической» энергией и скрыто от сознания движут помыслами, желаниями, чувствами, поведением индивидов. Неявные и потому особенно опасные вытесненные инстинктивные влечения как бы

ждут только повода, чтобы вырваться из плена, в котором их держит «цензура» сознания. В моменты, когда жизненная ситуация складывается неблагоприятно — потеря или тяжелая болезнь близкого человека, неудача в любви, материальные трудности, конфликты на работе или в быту и т.п., — подавленные влечения активизируются, приводя к неврозу. Более благоприятным, но тоже в какой-то мере неврозоподобным выходом для инстинктов Фрейд считал так называемую сублимацию, при которой «психическая» энергия вытесненных влечений выступает как стимулятор умственной деятельности, творчества.

Эту схему Фрейд использовал в дальнейшем без особых изменений ее существа для объяснения различных проявлений общественной жизни — религии, искусства, истории народов и культур, морали и нравов. Тем самым грубо биологизаторский подход к истолкованию механизмов психической деятельности человека был распространен им и на понимание процессов общественного развития. Главные причины трагедий человечества — социальной несправедливости, классовой эксплуатации, войн и т.д. — коренятся, по мнению Фрейда, все в той же биологической основе поведения людей, в подавлении врожденных аффектов, волнующих стремлений и переживаний. Например, в 1932 году Фрейд, отвечая на призыв А.Эйнштейна принять участие в борьбе за сохранение мира, в открытом письме заявил, что война, по-видимому, вполне естественная вещь, ибо «агрессивный или разрушительный инстинкт... действует в каждом живом существе, стараясь разрушить его, свести жизнь к ее первоначальному состоянию неодушевленной материи» (*Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 16, Frankfurt a. M., 1968, S. 22*).

А размышляя о последствиях первой мировой войны, он писал: «...наша боль и горькое разочарование в связи с не соответствующим нормам культуры поведением наших современников в этой войне были неоправданны. Они покоились на иллюзии, во власти которой мы находимся. В действительности наши современники не пали так низко, как боялись, потому что отнюдь не поднимались так высоко, как мы полагали. То, что выдающиеся деятели, народы и государства нарушили моральные ограничения, послужило понятным для них побуждением избежать на какое-то время давления, оказываемого на них культурой, и дать преходящее удовлетворение их подавляемым влечениям» (*Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 10, Frankfurt a. M., 1967, S. 336*).

Картина природы человека, нарисованная Фрейдом, не только мрачна и принципиально неверна. Она, кроме того, по существу, глубоко аморальна. Если, например, человек совершает преступление, то в этом проявляются, по Фрейду, только неискоренимые зовы, исходящие из глубин его существа. Единственное же, в чем можно обвинить общество, так это лишь в том, что оно зашло слишком далеко в своем развитии, выработав этику, требования которой неосуществимы из-за их чрезмерной строгости. Обилие трагедий в жизни народов и отдельных людей, согласно теории психоанализа, лишь

следствие того, что усвоенные нормы нравственности заставляют постоянно вытеснять естественные порывы в тесные глубины бессознательного. А удерживать в этих глубинах подобные порывы удается лишь ценой здоровья, и то только до поры до времени.

Несомненно, это своеобразное узаконивание животного начала в человеке как чего-то принципиально неустранимого значительно способствовало оправданию и распространению аморальности там, где фрейдизм оказал через художественную и научную литературу и искусство широкое влияние на умы и сердца нескольких поколений. И никто поэтому не сможет отрицать определенную моральную ответственность, которую несет психоанализ, созданная им теория подчинения человека его примитивным влечениям, за проявления душевной опустошенности, деградации и варварства, разгула насилия, в таком богатом ассортименте представленные в капиталистическом мире нашей эпохи — от Лидице и Хатыни до Сонгми.

Недостатки ортодоксального фрейдизма как грубо биологизирующей теоретической концепции проявились постепенно в настолько очевидной форме, что побудило некоторых учеников Фрейда к пересмотру отдельных положений его системы, обусловившему появление в литературе 40-х и 60-х годов течения, известного как неофрейдизм. Некоторые из неофрейдистов (наиболее видные из них К. Хорни, Э. Фромм, Г. Салливан) внешне радикально отмежевываются от Фрейда, решительно отвергают его пансексуализм (истолкование эротичности как ведущего элемента в системе мотивов деятельности), подчеркивают в разных формах значение, которое имеют в формировании личности факторы социального, культурного, исторического порядка, критикуют предложенные Фрейдом принципы объяснения и методы исследования клинических расстройств. И в то же время они сохраняют то что составляет суть, ядро психоанализа, — мистификацию бессознательного, которое понимается неизменно как сила, подчиняющая себе сознание, предоставляя последнему довольствоваться лишь видимостью самостоятельности и свободы.

Так, Хорни в реконструировании ортодоксальной схемы Фрейда ограничилась лишь тем, что в качестве главного управляющего человеком бессознательного побуждения стала рассматривать не сексуальный и агрессивный инстинкты, а стремление к безопасности, уходящее своими корнями в детскую беспомощность, в первичный детский страх. Фромм же в своей книге «Бегство от свободы» представил человека как существо, подвластное множеству различных иррациональных сил, главная из которых, по его мнению, — потребность освободиться от чувства одиночества. Чтобы достичь этой цели, человек, по Фромму, пытается господствовать над другими, проявляет агрессивность, деструктивные, разрушительные тенденции или, напротив, приспособленчество, конформизм. Конечной же причиной этих особенностей его поведения являются все те же неосознанные элементы его психики, все то же господствующее над ним бессознательное.

Подвергнув ортодоксальный фрейдизм довольно резко осуждению,

неофрейдисты закончили, таким образом, созданием лишь новых вариантов все того же психоаналитического направления. Поэтому довольно точной оценкой неофрейдизма является утверждение одного из его критиков на предпоследнем международном психоаналитическом конгрессе, который сказал, что чем больше неофрейдисты стараются отдалиться от Фрейда, тем в большей степени обнаруживают себя стоящими на его плечах. Образ столь же яркий, сколь и справедливый.

II

Несмотря на то, что фрейдизм с самого начала своего существования натолкнулся на довольно резкую оппозицию со стороны многих ведущих психиатров в целом ряде стран (С.С.Корсаков, В.П.Сербский, П.П.Кащенко, П.Б.Ганнушкин, Крепелин, Груле, Майер-Гросс, Кронфельд и многие другие), он получил чрезвычайно широкое распространение, оказал и продолжает оказывать воздействие на большой круг как буржуазных идеологов, так и ученых и деятелей литературы искусства капиталистических стран.

В современной буржуазной литературе стало тривиальным приравнивание имени Фрейда по глубине влияния, оказанного его идеями на сознание и мироощущение «западного человека», к имени Коперника, Дарвина, Эйнштейна. В специальных исследованиях распространенности психоаналитических идей можно встретить утверждение, что только мировые религии (христианство, буддизм, ислам) вовлекли в сферу своего влияния большие людские контингенты, чем это удалось сделать Фрейду и его последователям. Во множестве публикаций, появившихся за рубежом в связи со столетием со дня рождения Фрейда, подчеркивается, что психоанализ оказался единственной из созданных человечеством концепций, по поводу которой трудно сказать, в какой области ее влияние проявилось сильнее — в науке ли, искусстве или в стихийно формируемом мироощущении «рядового» человека, далекого от интереса к каким-либо психологически ориентированным интеллектуальным толкованиям.

Что же касается проникновения фрейдистских представлений в науку, то о его масштабах говорит обширнейшая психоаналитически ориентированная литература по вопросам психологии, неврологии, психотерапии и психиатрии, появившаяся на протяжении последних десятилетий не только в основной цитадели психоанализа — США, но и в Канаде, странах Латинской Америки, Франции, ФРГ; материалы многих крупных совещаний последних лет, особенно таких, как международные психиатрические конгрессы 1950, 1961, 1966 годов, III Международный конгресс по психосоматической медицине и гипнозу (Париж, 1965 год), Международный психотерапевтический конгресс (Лондон, 1964 год); значительное усиление влияния в США, Канаде, Франции, преимущественно психоаналитически ориентированной, так называемой психосоматической медицины. Характерно в этом отношении содержание недавно

опубликованного в ФРГ первого тома многотомного руководства по общей патологии («Handbuch der allgemeinen Pathologie». Bd. I. Prolegomena einer allgemeinen Pathologie. Red.: F. Вьchner, E. Letterer, F. Roulet. Berlin—Heidelberg—N. Y., 1969). Всего лишь 10–15 лет назад подобное проникновение психоаналитических представлений в монографию, посвященную проблемам морфологии патогенеза грубо-органических клинических расстройств, не наблюдалось.

Главная причина столь широкой экспансии концепции Фрейда и ее новейших модификаций в капиталистических странах состоит в том, что она воплотила в себе наиболее характерные черты, свойственные буржуазной идеологии в подходе к изучению проблем сознания: антиисторизм и иррационализм, биологизацию социального, игнорирование роли общественно-исторической практики в формировании сознания, антидиалектичность в понимании сложных связей и закономерностей в работе мозга и в психической деятельности человека. В силу этого фрейдизм, как одно из разветвлений буржуазной идеологии, получал и получает поддержку явных и скрытых адептов капитализма.

Вместе с тем, разоблачая научную несостоятельность фрейдизма, вскрывая его реакционную идеологическую сущность, нельзя забывать что, как и у всякого иного идеалистического построения, у него есть свои гносеологические корни.

Следует иметь в виду, что Фрейдом в его ранних клинических работах был поставлен ряд важных психологических проблем, в первую очередь проблема бессознательного, скрытых мотивов поведения человека и роль этого фактора в клинике. Он привлек внимание к сложности и значимости «внутреннего мира» человека, к интимным переживаниям здоровых и невротиков, к вопросу о последствиях подавленного влечения, к конфликтам напряженных стремлений, к подчас трагическим противоречиям между сферами «желаемого» и «должного». Именно эта обращенность психоаналитической концепции к тому, что выступает в душевной жизни каждого человека как наиболее «значительное», эмоционально насыщенное, связанное не с аффективно безразличными ситуациями традиционных форм лабораторного психологического или клинического обследования, а с волнующими мотивами и смыслами повседневной практической деятельности, с жизнью во всем ее объеме, с ее радостями и печалью, тревогами и надеждами, целями и стремлениями, вызвала у ряда исследователей сочувственное внимание к идеям психоанализа.

Фрейдизм пытался к тому же построить лечение болезней, непосредственно увязывая клиническое расстройство с его предполагаемой причиной; Фрейд, обладая наблюдательностью, клинической интуицией, обоснованно подчеркивал важность для развития и преодоления болезни эмоционально напряженных переживаний. Он создавал надежду на исцеление, требуя всего лишь наведения определенного «порядка» в душе. Тем самым он как бы шел навстречу глубоким душевным запросам определенных общественных групп, их тоске по разъяснению непонятого,

их стремлению получить помощь в состояниях душевной подавленности, и это также способствовало его шумному успеху.

Однако, взявшись за разработку ряда важных проблем, Фрейд и его последователи не поняли их существа. Вся теоретическая деятельность Фрейда протекала под глубоким влиянием философского идеализма конца XIX — начала XX века. Вследствие этого исследования экспериментального характера в области психологии, неврологии, психиатрии и психотерапии оказались чуждыми фрейдизму. Теоретически построения Фрейда, опирающиеся на априорные, порой причудливы гипотезы, метафоры и аналогии, которые заменяли отсутствовавшие у него строгие доказательства, привели к созданию множества мифов о работе мозга. А тот, кто веру в эти мифы разделял, не только отдалялся от понимания подлинных закономерностей мозговой деятельности, но и превращался в приверженца одной из наиболее мистифицированных систем социальной психологии и одновременно в последователя одного из наиболее реакционных мировоззрений.

Кажущаяся убедительность, понятность фрейдистской концепции бессознательного для буржуазной среды, широко распространившееся убеждение в том, что проблема неосознаваемых форм психической деятельности может быть решена лишь с психоаналитических позиций, на долгий срок задержали научную разработку важного раздела психологии, психотерапии и психиатрии. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает необходимость в борьбе с психоаналитической концепцией не ограничиваться раскрытием ее псевдонаучности и реакционности, но давать и позитивное решение тех проблем — в первую очередь проблемы бессознательного, которую фрейдизм поставил, однако оказался не в состоянии решить.

III

Советская психология, физиология и психотерапия, опираясь на методологию диалектического материализма, наметили пути плодотворно, подлинно научного исследования проблемы бессознательного. Марксистско-ленинская теория всесторонне обосновала, что научное понимание человеческой психики и поведения может быть достигнуто лишь с учетом как биологической природы, так и социального существа человека. При этом, однако, следует всегда иметь в виду, что социальная активность человека — главный доминирующий фактор формирования его психики; мировоззрение личности, ее психологические черты и способности формируются в семье, школе, в процессе трудовой и общественной деятельности. Разносторонняя систематическая деятельность по освоению, творческому преобразованию внешнего мира способствует становлению личности, раскрытию ее новых особенностей. В то же время невозможно проникнуть в сущность психической деятельности человека, не связав ее исследование с изучением закономерностей работы мозга как органа этой

деятельности. Поэтому ни изучение активности сознания, ни анализ неосознаваемых форм психической деятельности не могут сами по себе быть достаточными для выяснения законов, управляющих поведением человека. Человек может быть понят лишь как деятельная личность, как психофизиологическая целостность, в которой находит свое отражение вся сложность и качественное своеобразие его неисчислимых связей с миром.

Подход к человеку с этих позиций, диктуемых марксистско-ленинским пониманием, лежит в основе развития гуманитарных и медицинских наук, происшедшего в нашей стране за последние десятилетия.

В обосновании современных клинических, физиологических и психологических представлений огромное значение имеет *павловское учение о нервизме*. Благодаря атому учению была заложена основа научного понимания целостности организма в условиях расстройства отдельных его функций; созданы теоретические предпосылки для всего последующего развития представлений об управляющих воздействиях, которые оказывает на различные физиологические и патофизиологические процессы центральная нервная система; был поставлен и разработан в рамках теории советской медицины ряд важных положений общей концепции биологического регулирования. На основе идеи нервизма были тем самым выявлены и конкретно исследованы сложные влияния, которые нервная деятельность в своих высших, второсигнальных формах, опирающихся на функции речи и обобщения и тесно связанных с аффективной жизнью, оказывает на самые разнообразные проявления физиологической активности человеческого организма.

Одновременно в результате работ, выполненных в рамках психологии советскими исследователями Д.Н.Узнадзе, Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, А.Н.Леонтьевым, А.Р.Лурия, а также рядом иностранных ученых (Ж.Пиаже, А.Валлоном и др.), была показана исключительная сложность структуры и функций сознания человека, прогресс медицинской мысли подчеркнул значение, которое эмоциональный фактор имеет в клинике, в индивидуальной своеобразии развития клинических синдромов, в хорошо знакомых каждому врачу отклонениях течения болезней от их «типических», усредненных стандартов, отклонениях, причины которых связаны с личностью больного, с его отношением к окружающему и т.п.

Чтобы понять эти в высшей степени сложные отношения и зависимости, оказался необходимым определенный шаг вперед в развитии общей теории сознания, состоящий в признании реальности бессознательного, иначе говоря, в раскрытии специфических форм психической деятельности, остающихся неосознаваемыми, но являющихся необходимым механизмом целенаправленного поведения человека.

Эта неосознаваемая активность мозга играет особенно важную роль в познавательной деятельности человека. Огромное количество информации усваивается и перерабатывается нервной системой без участия высших уровней в иерархии ее управляющих систем, то есть без участия сознания.

Это находит свое выражение, например, в некоторых особенностях научного и художественного творчества, в проявлениях так называемой интуиции, в автоматическом развертывании определенных форм восприятия и деятельности. Продукты этой активности, скрытой от сознания, предстают обычно перед ним в виде готовых, логически последовательных, но неизвестно каким образом сформировавшихся ярких образов (имея иногда характер своеобразия «озарений», «наитии» и питая тем самым мистические настроения, религию, иррационализм вплоть до наиболее его рафинированных философских проявлений).

Неосознаваемая психическая активность играет также определенную роль в возникновении и преодолении болезней.

Все это развитие теоретических представлений подчеркнуло важность исследования аффективно окрашенных переживаний, насыщенных глубоким смыслом для индивида, осознаваемых и неосознаваемых психологических установок, а также закономерностей, на основе которых психологический факт, будучи определенным образом переработан сознанием, приобретает значение детерминанты клинической состояния.

Учитывая эти обстоятельства, Академия медицинских наук СССР начала в конце 50-х годов всестороннюю критику психоаналитической школы. Состоялись выступления советских ученых на ряде международных конгрессов, были опубликованы в нашей и зарубежной печати полемические статьи. Советские ученые исходят из того, что надуманность, фиктивность психоаналитических трактовок бессознательного должна не заслонять от нас определенные специфические стороны психической деятельности, а, напротив, побуждать к концентрации внимания на этих сторонах, чтобы дать им строго научное диалектико-материалистическое объяснение. Советскими авторами неизменно подчеркивалась принципиальная несовместимость диалектико-материалистического подхода ни с одним из существующих вариантов психоаналитической концепции, методологическая несостоятельность и бесперспективность любых попыток ее дальнейшего развития. Вместе с тем указывалось на необходимость углубленной разработки теории неосознаваемых форм психической деятельности (бессознательного).

Работы по исследованию проблемы бессознательного, ведущиеся в настоящее время в ряде научно-исследовательских учреждений нашей страны (Институт психологии имени Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР, Институт неврологии АМН СССР, кафедра психотерапии Центрального института усовершенствования врачей и др.), осуществляются на основе разных методик и не во всем совпадающих исходных специальных теоретических представлений. Задачи их в главном, однако, сходны: дать принципиальное обоснование реальности бессознательного как важного психофизиологического фактора, углубить понимание конкретных закономерностей, определяющих активность этого фактора в условиях нормального поведения и клиники, способствуя тем самым постепенному формированию диалектико-материалистической теории неосознаваемых

форм психической деятельности человека. Решение этих задач позволяет раскрыть всю исключительную сложность проявлений бессознательного, их глубокую социальную обусловленность, их зависимость от конкретного исторического развития психики, от реальных, а не от надуманных мотивов, смыслов и ценностей, определяющих формирование личности и поведения и одновременно их связь с физиологическими закономерностями механизмами, на основе которых активность «внутреннего мира», являющаяся определенной стороной деятельности мозга, фактически реализуется.

Данные, полученные при исследовании неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, характеризуются тем, что они заставляют отвергнуть то, что психоаналитическая концепция так настойчиво пыталась утвердить, обосновывают то, что теория психоанализа отклонила, наконец, подчеркивают моменты, которые эта теория игнорировала. Приведем примеры, конкретизирующие это общее положение.

Прежде всего остановимся на вопросе о характере взаимоотношений, существующих между бессознательным и сознанием.

Известно, что противоречивые взаимоотношения сознания и бессознательного были сведены теорией психоанализа к единственной динамической тенденции — к их функциональному антагонизму (в частности к учению о «вытеснении») и к представлению о символике (сновидений, описок, оговорок и «языка тела») как о главном способе преодоления бессознательным разнообразных запретов, которые на него налагает сознание.

Этой односторонней, идеалистической схеме исследователи неосознаваемых форм психической деятельности, руководствующиеся диалектико-материалистической методологией, противопоставляют понимание, подчеркивающее сложный диалектический характер взаимодействия между сознанием и бессознательным, которое включает не только возникающее при определенных условиях, аномальных преимущественно ситуациях, их взаимное торможение, но и их взаимосвязь, сотрудничество, лежащее в основе самых различных форм нормального поведения (обучение, выработка психологических автоматизмов, профессиональных навыков, проявления интуиции и т.д.). В процессе этого взаимодействия за сознанием всегда остается, в условиях нормы, ведущая роль.

Особенностью такого понимания является то, что оно замещает жесткую связь определенных психологических феноменов с бессознательным, постулируемую психоаналитической концепцией, представлением о гораздо более гибких, изменчивых, подвижных отношениях сознанию любых переживаний. Для психоанализа сознание и бессознательное — это как бы две несообщающиеся или лишь с большим трудом сообщающиеся сферы. С точки же зрения теории неосознаваемых форм психической деятельности то, что в какой-то момент выступает в форме осознаваемого психического феномена, может затем, утратив качество

осознаваемости, легко проявиться в форме непереживаемого процесса, в форме неосознаваемой установки, чтобы спустя какое-то время вновь выступить в своем первом обличье и т.д.

Такое понимание имеет важный методологический смысл, поскольку направлено против истолкования сознания и бессознательного как двух разнородных «сущностей», которое специфично как для ортодоксального фрейдизма, так и для любых его новейших вариаций является подлинным краеугольным камнем наиболее реакционных философских и социологических концепций, опирающихся на раб психоаналитической школы.

Не снимая проблемы бессознательного, подобное понимание направлено против того, что делает фрейдизм столь привлекательным для реакционеров всех мастей: его неискоренимое стремление изображать бессознательное как начало, стоящее «над» сознанием, поднимать на щит идею господства инстинктов над разумом и тем самым, независимо от доброй или злой воли его адептов, открывать дорогу апологетике социального пессимизма и культу насилия во всех его формах. Ярким примером того, как звучит фрейдистское решение вопроса о взаимоотношениях сознания и бессознательного в аспекте проблем социальной психологии, могут служить, в частности, материалы 27-го Международного психоаналитического конгресса (Вена, июль 1971 года). Основным теоретическим вопросом, которому этот конгресс счел целесообразным уделить внимание, затрагивая тему «сознание — бессознательное», явился миф о врожденной агрессивности человека.

Чтобы еще на одном примере проиллюстрировать принципиальные различия, существующие в подходе к проблеме бессознательного, между психоаналитической концепцией и теорией неосознаваемых форм психической деятельности, остановимся на вопросе о «функциональной единице» (элементарной форме проявления) бессознательного.

«Функциональной единицей» бессознательного в его психоаналитическом понимании является «вытесненное переживание». Легко заметить изначальную алогичность этого понятия, допускающего существование переживания, которое... не имеет своего субъекта; это понятие основано на наивном представлении о «вытеснении» переживаний как о простом их перемещении, происходящем без изменения их существа в какую-то особую сферу, куда сознание не имеет доступа. Это один из характерных фрейдизма приемов механистического решения вставших перед ним сложнейших психологических проблем, исключаящий саму постановку важного вопроса о том, во что превращается «вытесненное переживание».

Подход к ответу на этот вопрос содержится в теории психологической установки Д.Н.Узнадзе. Под установкой понимается обуславливаемое предшествующим опытом изменение функционального состояния отдельных физиологических систем организма или организма в целом, которое подготавливает и направляет последующую его активность, как бы заранее

настраивает организм, создает в нем готовность действовать определенным образом. Исследования Д.Н.Узнадзе и его учеников показали, что как процесс формирования установки, так и последующее исполнение ею функции управления деятельностью могут оставаться совершенно неосознаваемыми.

Модельный эксперимент, применяемый для демонстрации феномена установки в его простейшей форме, таков. Испытуемый многократно получает в каждую из рук по шару равного веса, но разного объема, причем шар большего объема дается всегда в одну и ту же руку. Затем испытуемому даются шары одинакового веса и объема. На вопрос, какой шар больше, он отвечает, как правило, что больше шар, находящийся в той руке, которая раньше получала шар меньших размеров.

В основе этой иллюзии и лежит феномен психологической установки. Для подобных установок характерно то, что, во-первых, они возникают в ответ на определенную стимуляцию; во-вторых, они могут быть экспериментально выявлены как некие закономерные и объективные факты, но *непосредственно субъектом не осознаются и не переживаются*; в-третьих, они влияют на последующие осознаваемые переживания и поведение, предопределяя их характер и динамику; в-четвертых, в их основе лежат изменения функционального состояния определенных физиологических систем, также могущие быть объективированными, и, наконец, в-пятых, они проявляются отнюдь не только в лабораторных условиях, но и выступают как *важнейшие компоненты осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности* в широком понимании, как компоненты любой целенаправленной активности.

Представление об установке устраняет парадокс «непереживаемого переживания», оказавшийся роковым для всех предыдущих теорий бессознательного. Оно позволяет понять, во что *трансформируется* переживание после того, как оно перестает переживаться. Тем самым теория установки раскрывает существо бессознательного как фактора, за которым остается функция регулирования, хотя этот фактор ни *аффектом*, ни *мыслью*, ни *осознаваемым стремлением может и не быть*.

Как бы, однако, ни была существенна роль теории, созданной Д. Н. Узнадзе, в обосновании диалектико-материалистического понимания проблемы бессознательного, нельзя не отметить, что ряд положений этой теории остается еще неясным и требует дальнейшего обсуждения.

Особенно важно уточнить дискуссионные представления об отношении психологических установок к сознанию. Последователи Д.Н.Узнадзе подчеркивают, что установки изначально *всегда* являются неосознаваемыми. С подобным утверждением согласиться нельзя. Допуская одновременно, что установки всегда неосознаваемы и что под их регулирующим влиянием находятся наиболее сложные формы поведения, мы вынуждены прийти либо к недооценке активной роли сознания, либо к необходимости отказа от пользования идеей установки, когда прослеживаются истоки высших, то есть заведомо осознаваемых, форм регуляции деятельности.

Спорным является также представление об установке как о состоянии всегда «целостном», то есть неспособном разыгрываться, хотя бы преимущественно, в рамках лишь отдельных, четко ограниченных функциональных систем. Современные представления о регулировании подчеркивают, напротив, дифференцированность строения управляющих и управляемых систем, существование определенной иерархии уровней управления, плохо согласующийся с концепцией глобального, «целостного» сдвига, каким изображается установка в работах учеников Д.Н.Узнадзе. Их представления о физиологической основе установок также имеют подчас спорный характер.

Подход к проблеме бессознательного с позиций ее диалектико-материалистического понимания нашел свое выражение в работах, естественно, не только последователей Д. Н. Узнадзе. Немало здесь было сделано и другими советскими исследователями, наметившими оригинальные подступы к этой проблеме в теоретическом, клиническом и экспериментальном плане.

Интересные мысли об отношении к проблеме бессознательного современной кибернетики были высказаны А.Н.Колмогоровым. Отметив, что в области моделирования нервной деятельности человека нейрокибернетика освоила только механизмы условных рефлексов и формального логического мышления, он подчеркнул, что в развитом сознании человека подобные механизмы отнюдь не главенствуют. Это скорее, по его мнению, лишь «вспомогательные вычислительные устройства». Сходным образом условные рефлексы в их элементарной форме (то есть без того их глубокого преобразования, которое обуславливается активностью второй сигнальной системы) также мало дают для понимания высших форм психической деятельности. «...Кибернетический анализ работы развитого человеческого сознания в его взаимодействии с подсознательной сферой, — заключает отсюда А.Н.Колмогоров, — еще не начат» (*Колмогоров А. Н. Жизнь и мышление с точки зрения кибернетики. М., 1962, с. 7*). Вместе с тем, имея в виду возможность создания вычислительных машин особого типа, А. Н. Колмогоров полагает, что эти устройства позволят моделировать неосознаваемую психическую деятельность человека, лежащую в основе художественного и научного творчества.

Подобное понимание, представляющееся на первый взгляд неожиданным — сближение активности ЭВМ с процессом, происходящим в бессознательном, — уходит, однако, своими корнями в представления, ставшие на протяжении уже многих лет характерными как для кибернетики (ее принципиальный отказ от пользования понятием «сознания»), так и для психологии (ее все более настойчивые попытки понять умственную деятельность независимо от того, является ли она осознаваемой или бессознательной, как подчиненную определенным формализуемым закономерностям, определенным алгоритмам или эвристикам). И в рамках этого общего понимания советскими исследователями было выполнено

немало работ психологического, кибернетического и логико-математического характера, позволивших уточнить представления если не о конкретных мозговых механизмах, реализующих активность бессознательного, то, во всяком случае, об особенностях функциональной структуры этих механизмов, об общих принципах их строения («модель будущего», «акцептор действия» и т.п.), об их внутренней «логике», позволяющей осуществляться приспособительному поведению в его не только осознаваемых, но и неосознаваемых формах. Это теоретическое направление мысли связано в нашей литературе с именами в первую очередь Н.А.Бернштейна и П.К.Анохина. Благодаря экспериментальным исследованиям П.К.Анохина и его сотрудников была достигнута в последние годы и физиологическая конкретизация ряда представлений, способная углубить существующий гипотезы о мозговой основе бессознательного.

Диалектико-материалистический подход к проблеме неосознаваемых форм психической и высшей нервной деятельности отличается от подхода психоаналитического не только в своих теоретических основах, но и в плане методическом. Так, если психоанализ отверг, по существу, эксперимент как прием изучения бессознательного, то в нашей стране именно экспериментальный метод анализа проявлений бессознательного был выдвинут на передний план. Это проявилось в широком разнообразии конкретных направлений, по которым пошли в данном случае советские исследователи. Только в качестве примера этих направлений можно назвать работы, в которых систематически изучались: особенности неосознаваемого восприятия речи при так называемой функциональной глухоте и неосознаваемого восприятия световых сигналов при так называемой функциональной слепоте; зависимость сновидений от состояния организма спящего и внешней стимуляции; Возможность восприятия речи спящим; способность к спонтанному пробуждению в заданный срок; физиологические и психологические эффекты влияний, оказываемых в условиях бодрствования подпороговыми стимулами (то есть раздражениями настолько малыми, что они осознанно не воспринимаются); роль, которую бессознательное играет в научном, художественном, в том числе сценическом, творчестве; влияния, которые оказывают неосознаваемые формы высшей нервной деятельности на динамику безусловно- и условнорефлекторных реакций самого разного типа; связь, которую имеет с бессознательным интрацепция (раздражения, исходящие из глубин тела); проблема неосознаваемости так называемой автоматизированной деятельности (автоматизированных навыков); связь работы мозга с неосознаваемым вероятностным прогнозированием; нарушения осознания переживаний, характерные для различных клинических форм расстройств сознания, и т.д.

Работы этого типа оказались при всей разноликости их конкретного содержания логически объединенными связью с проблемой бессознательного в ее широком понимании. И в настоящее время стало совершенно бесспорным, что в значительной степени именно благодаря этим

разносторонним экспериментальным подходам оказалось возможным превратить проблему бессознательного вопреки всем зигзагам, трудностям и парадоксам ее предшествующей истории в предмет объективного, научного исследования.

Получить новые данные о закономерностях работы бессознательного удалось в последнее время, используя методы эвристического анализа, анализа так называемой стратегии решения задач и, что оказалось особенно интересным и важным, исследуя состояния, обусловленные гипнотически.

В плане экспериментального изучения соотношений сознания и бессознательного гипноз уже давно получил признание у многих выдающихся психотерапевтов прошлого. Достаточно вспомнить опыты Бернгейма и П. Жане с внушением в гипнозе так называемых отрицательных галлюцинаций или изучение постгипнотических внушений.

Любопытно, что в начале своей деятельности и Фрейд использовал гипноз для проникновения в бессознательное своих пациентов, так называемый метод гипнокатарсиса. Но затем он отошел от гипноза, и это лишило его экспериментальной базы, на которую могло бы опираться изучение неосознаваемых форм психической деятельности.

С совершенно особой стороны проблема бессознательного раскрывается при изучении влияния на поведение отсроченных постгипнотических внушений (включая и анализ преград, экспериментально создаваемых для реализации этих внушений), а также при исследовании разнообразных других экспериментальных воздействий на загипнотизированного.

Принципиальные различия, существующие между строго научным подходом к проблеме бессознательного и подходом психоаналитическим, можно проследить и во многих других аспектах. Эти различия выступают, например, при интерпретации причин разного рода невротических расстройств, которые психоаналитическая концепция пытается объяснить на основе надуманного принципа «символизации» (символического выражения на «языке» физиологических систем тела содержания «вытесненных» аффектов). Как было многократно показано, подобные расстройства связаны в действительности, как правило, с процессами самовнушения, основанными на так называемых «роковых», по выражению И.П.Павлова, физиологических отношениях, характерных для нервной деятельности и психики невротиков. Не менее отчетливо эти различия выступают при истолковании явлений так называемой «психологической защиты», являющейся важным механизмом приспособительного поведения, своеобразно дополняющим механизмы «физиологической защиты», подробно описанные в павловской школе, и многих других¹.

---

¹ Примером того, что психоаналитическая школа рассматривает как символический «язык тела», может служить возникновение у больной (истерией) паралича, избавляющего ее от какого-то неприятного для нее посещения или от выполнения ею какой-то неприятной работы. Роль аутогипнотизации в возникновении подобных функциональных расстройств была показана во многих работах павловской школы.

Психологическая же защита выражается обычно сдвигом в системе психологических установок (тесно связанной с системой мнений, представлений, оценок), который происходит у человека в связи с какими-либо постигшими его неудачами или неприятностями. В результате этого меняется субъективное,

Следует учитывать, что психоаналитическое течение переживает в настоящее время кризис, затрагивающий его основы. Убедительные примеры тому дал последний Международный психоаналитический конгресс (1971 год), обнаруживший существование в рамках самого психоаналитического направления серьезной оппозиции традиционным теоретическим установкам фрейдизма.

Все это побуждает советских ученых активизировать критику воззрений зарубежных деятелей, отстаивающих прямо или косвенно те или иные положения психоанализа, раскрывать подлинно научные пути решения важной и сложной проблемы бессознательного.

Благодаря использованию в психологии, психотерапии и психиатрии диалектико-материалистической методологии выявляется ускользавшая до последнего времени в ряде отношений сложность структур человеческого сознания, существование в этой структуре как осознаваемых, так и неосознаваемых компонентов, переплетение при любом клиническом процессе детерминаций психических с детерминациями грубо соматическими, без потери при этом как теми, так и другими специфических особенностей своего регулирующего влияния. Можно с уверенностью сказать, что, не учитывая подобные представления, игнорируя факты, лежащие в их основе, нельзя дать на современном этапе научное истолкование проблем природы человеческого сознания. Вместе с тем разработка этих представлений создает необходимую научную базу для аргументированной критики субъективно-идеалистической психоаналитической школы, отрывающей человеческую психику от ее физиологической основы и социальной реальности. Подобной критикой будет показана вся необоснованность претензии этой школы на монопольную разработку проблем, способ решения которых имеет далеко идущие последствия в мировоззренческом плане.

Поэтому дальнейшее углубленное исследование проблемы бессознательного с позиций диалектико-материалистической методологии — одна из перспективных и важных задач, которую призваны решить наши ученые.

Коммунист, 1972, с. 94–106

эмоциональное отношение человека либо к объективной ситуации, либо к самому себе. В обоих случаях изменение системы установок может иметь защитный характер, ослабить отрицательные психологические и физиологические последствия неприятного события, повысить способность человека к активному преодолению препятствия. Если же такой защитный сдвиг и-за косности психологических установок не происходит, то конфликтная ситуация для человека оказывается субъективно неразрешимой, а отрицательные психологические и физиологические последствия тягостного переживания могут приобрести застойный характер и оказаться трудно устранимыми даже в условиях специального лечения.

Фрейдистские концепции

Е. А. Будилова

Среди разных программ построения марксистской психологической теории, большей частью поведенческих, особое место по своей направленности занимали концепции, предлагавшие использовать учение З. Фрейда и развивать его на основе диалектико-материалистической методологии. В обращении к фрейдизму была своя логика: фрейдизм выступал против интроспективной психологии. В этом усматривалась общность с ним марксистской психологической теории. Поведенчество, следовавшее механистической формуле стимул — реакция, отвергало не только сознание, но и всю психологию личности, снимало проблему мотивации, так как принимало непосредственную зависимость реакции от внешнего стимула. Психологи, которые не соглашались с тем, что можно отказаться от изучения психики, находили во фрейдизме систему взглядов, по-новому объяснявших психологию личности.

Учение Фрейда привлекало психологов, во-первых, своим противостоянием субъективной эмпирической психологии, открытием новой области — бессознательного; во-вторых, задачей изучения цельной личности, ее потребностей, стремлений, мотивации поведения. Психологи и философы, пытавшиеся соединить фрейдизм с марксизмом, справедливо выделяли весь комплекс этих вопросов как имеющих первостепенное значение для психологической теории. В-третьих, учение Фрейда представлялось системой монистической психологии, сводящей детерминацию психического к единой причинности, связывавшей две стороны жизни человека: органическую с биологическими потребностями и побуждениями и социальную, общественную. Как известно, фрейдизм простирает свои выводы на социальные явления и это усиливало интерес к нему, вызывая стремление связать его с историческим материализмом и таким путем ввести марксизм в психологию¹. Пропагандистам фрейдизма казалось, что это учение проникнуто “монизмом, материализмом... и диалектикой, то есть методологическими принципами диалектического материализма”², поэтому задачи психологии, поставленные теорией исторического материализма, могут быть решены применением психоаналитического метода Фрейда³. Предлагалось исследовать исходные

---

¹ Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма. — В кн. «Психология и марксизм».

² Б. Быховский. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 11–12, стр. 169.

³ См. М. А. Рейснер. Проблемы психологии и теория исторического материализма. — «Вестник социалистической академии», 1923, № 3.

методологические посылки и итоговые выводы “психоаналитического учения в свете диалектического материализма”¹.

Учение Фрейда трактовалось тогда как материалистически-монистическое представление о цельном организме. “Психоанализ, перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в цельном человеческом организме, резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлексах человека) твердый фундамент психологии материалистического монизма...”² Психоанализ, считали психологи, увлеченные в то время фрейдизмом, отвечает задаче, поставленной перед психологией марксистской философией, — материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики, они полагали, что фрейдизм, “исследуя поведение личности, ее бессознательные мотивы и их связь с органическими состояниями... идет по пути к созданию монистического учения о поведении личности”³.

Довод о зависимости психики от органических причин (“психологическая телеология заменяется органической каузальностью...”⁴) казался тогда наиболее убедительным для пропагандистов фрейдовского учения как базы марксистской психологии, поскольку положение о психике как свойстве высокоорганизованной материи реализовалось в утверждении ее детерминации внутриорганическими причинами. “В системе психоанализа особенно подчеркивается зависимость психических функций от раздражении органического порядка; психика вводится в систему организма, изучение ее теряет свою изолированность, которой она отличалась в старой школьной психологии, стремившейся представить психику как нечто не связанное с общей жизнью всего организма и изучавшей мозг вне всяких влияний на него отдельных органов тела (желез внутренней секреции и др.) и общей динамики всего организма. Эта-то попытка ввести психику в общую систему интерреляции органов, рассматривать мозг и его деятельность не оторванно, но наравне с другими органами тела, дать психологии крепкую биологическую базу и тем окончательно порвать с метафизическим подходом к ней — эта попытка составляет крупнейшую заслугу психоанализа”⁵.

Сферу психики, которую интроспективная психология ограничивала сознанием, фрейдизм расширил областью бессознательного и предсознательного. Сознание Фрейд подчинил бессознательным органическим влечениям. Таким путем делалась попытка найти новый подход к детерминации сознания и к его соотнесенности с внешним миром. Соответственно в обширном фрейдистском учении выделялась

---

¹ Б. Быховский. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 11–12, стр. 163.

² А. Р. Лурия. Психоанализ как система монистической психологии. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 79.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 66.

характеристика психического аппарата как защитного механизма, оберегающего организм от всевозможных внешних раздражений, регулирующего поступающие раздражения. Место и роль психического аппарата, согласно этому учению, заключается в том, чтобы снизить приходящие извне раздражения, тормозить их доступ в организм, а также снизить тонус раздражения, исходящих из влечений, и привести организм в состояние наименьшего тонуса возбуждения. Психический аппарат подчинен, следовательно, двоякого рода целесообразности — биологической, внутренней, органической и внешней. Движущие силы развития относятся ко внутренним условиям, вся сложность психической деятельности определяется влечениями, которые понимаются как следствие органического процесса, являющегося раздражителем для психики. Фрейдизм занимал, таким образом, позицию, противоположную поведенчеству.

Психика, согласно фрейдистским построениям, мыслится как взаимодействие функций разных систем психического аппарата — бессознательное, предсознательное и сознательное. Причем центральным становится взаимодействие бессознательного и сознательного при ведущей роли бессознательного, являющегося выражением органических потребностей человека.

Новое понимание сознания, казалось, находило ему детерминистическое объяснение. А принцип реальности, подчиненный в системе психоанализа принципу удовольствия, выделялся на первый план теми, кто хотел соединить фрейдизм с марксизмом и прийти к выводу, что психика все же обуславливается реальной действительностью¹.

Был и другой довод у сторонников фрейдизма в советской психологии. Это учение, полагали они, связывает возникновение психических явлений с биологическими потребностями и тем самым дополняет исторический материализм. «Исторический материализм связывает психологию человека с социологией, психоанализ — с биологией. Выражаясь точнее, исторический материализм показывает, как социальное создает психологическое, психоанализ же показывает, каким образом биологическое под влиянием социального превращается в психологическое»².

Последователи фрейдизма считали, что он методологически продолжает исторический материализм, общность с ним фрейдизма они видели в признании потребностей источником деятельности человека. Извращая исторический материализм, они полагали, что марксизм идет к изучению сложных явлений общественной жизни от изучения органических потребностей человека, а психоанализ — к процессам возникновения желаний и способам образования стремления.

Критика психоанализа и попыток объединить фрейдизм с марксизмом шла в советской психологии во второй половине 20-х гг. в русле

---

¹ См. Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 141 и др.

² Там же, стр. 159.

политической и философской борьбы с ним¹. На первый план выступала критика социологических взглядов Фрейда и выявление реакционной сущности его учения, но вместе с тем критике подверглось и положение о ведущей роли бессознательного и сексуальных мотивов в детерминации поведения человека.

К концу 20-х гг. фрейдизм уже перестал оказывать сколько-нибудь заметное влияние на развитие советской психологии.

*Будилова Е. А. Философские проблемы
в советской психологии. М.,
“Наука”, 1972, с. 55–58*

Проблема искусства в мировоззрении Зигмунда Фрейда (фрагмент)

Р. Ф. Додельцев

ФРЕЙДОВСКИЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА

Антропология Фрейда исходит не из сознания, как у Декарта или Канта, а из «естественного» (страдающего, томящегося, наполненного желаниями, действующего) человека Гёте, романтиков, Шопенгауэра и Ницше. Центральной проблемой для Фрейда, как и для его предшественников, является вопрос о соотношении природного и культурного. Нарастающий психологизм романтической философской традиции отражается в переводе Фрейдом этой проблемы в сугубо индивидуальный план. Фрейдовский индивид с необходимостью расколот на два слоя, и вся антропология Фрейда направлена на установление связей между «бессознательным» и «сознательным». Но поскольку он решает проблему «естественного» на основе метапсихологических представлений, определяющим в этом отношении остаются архаически понятые «природные» влечения. Соответственно, «культуре» отводится служебная роль ограничения влечений и компенсации вытесненного. Если первое относится к культуре в целом, то второе выдвигается при рассмотрении конкретных областей культуры.

Неспособность Фрейда подойти к проблеме «естественно и «культурного» социально-исторически искажает их реальное соотношение и

---

¹ Обстоятельный анализ попыток соединить марксизм с фрейдовским учением и внести это учение в советскую психологию, а также разбор критики психоанализа см.: *А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. II, § 2.*

выливается в представление о конфликтной основе психической жизни человека. Он переносит романтическую антиномию «естества» и «культуры» из области умозрений и спекуляций в пределы эмпирически ориентированной психологии, создавая картину сложных взаимоотношений и антагонизмов Оно, Я и Сверх-Я.

Имея дело с больными, психические конфликты которых проявлялись в неадекватных поступках и объяснениях, Фрейд стал принципиальным теоретиком двуплановости человеческой психики: «подполья», образованного антисоциальными влечениями, и «сознания», поверхностной пленки над бездной страстей. Иногда утверждают, что Фрейд сводил все детерминанты человеческого поведения к иррациональным факторам психики. В действительности дело обстоит сложнее: начав с объяснения истерии не как притворства или формы дегенерации, а как конфликта психических сил, он кладет в основу своей модели личности динамический конфликт различных психических инстанций, где разуму или общественным требованиям отводится немалая роль, поскольку они могут пользоваться мощностью энергии «бессознательного» для своих целей. Именно конфликтная суть человека и необходимость решения этих конфликтов — исходная точка фрейдовского понимания душевной жизни человека и ее продуктов, а не один простой культ иррационального.

Фрейд выступил против классической рационалистической психологии, представляющей человека как сумму расчлененных и устойчивых свойств и состояний, упрощенно трактующей мотивацию поведения и неспособной уловить индивидуальные черты человека. Как и романтики, он сосредоточился на анализе цельных по своему характеру аффективно-эмоциональных элементов психики. Влечениям, переживаниям, эмоциям Фрейд отвел по сравнению с рациональными дискретными мотивами главенствующую роль. Он писал: «Единственно ценными в психической жизни являются чувствования, все психические силы получают свое значение только благодаря своей способности будить чувства»¹. Тем самым Фрейд сделал важное для современной ему психологии расширение детерминант человеческого поведения — в нашей литературе это уже отмечалось Лурией, Бассиным и другими.

Однако, признавая заслуги Фрейда в плане постановки и конкретизации проблемы, нельзя не сказать о принципиальных недостатках его модели личности, создаваемой на переоценке аффективных элементов психики. В этой модели выделяются две системы: Оно и Я, к которым позднее присоединяется и третья, Сверх-Я. В различных определениях «бессознательного» — Оно — существенно, что это — психический материал, чрезвычайно активный, вытесненный, то есть антагонистический к требованиям общества и его представителя в психике — разума. Далекое не новая мысль о необходимости ограничения индивидуальных стремлений или

---

¹ Фрейд З. Бред и сны в Градиве. — В кн.: В. Йенсен, Градива. Фантастические приключения в Помпее, Одесса, 1912, с. 113.

даже отказа от них трактуется Фрейдом односторонне, ибо, правильно предполагая наличие «вытеснения» определенных влечений на периферию сознания и возможность этиологических последствий этого процесса, он неверно заключает, что отношение сознания и всего комплекса «бессознательного» исключительно антагонистично (подробнее см. книгу Ф. Бассина «Проблема бессознательного», М., 1968, где дается марксистское понимание «бессознательной» регуляции поведения).

Сознательное Я человека — это тонкая пленка, посредник между Оно и реальностью, сформировавшийся в ходе социализации индивида. Доводы разума, согласно Фрейд, неспособны поколебать напор влечений, Я слишком слабо, чтобы прямо вступать в конфликт с Оно. Однако сила Оно не абсолютна.

Во-первых, требования общественной жизни создают в психике специальную цензуру, Сверх-Я, которая не пропускает антиобщественные влечения в сознание, вытесняет их в глубину психики, откуда они пытаются вырваться прямо или опосредованно. Сила Сверх-Я в том, что оно само — концентрат бессознательных влечений, результат конфликтного эмоционального отношения к отцу, переживания преклонения перед его совершенством и страха перед его способным карать могуществом. Во-вторых, сознательное Я способно увеличивать свою силу путем использования законов «бессознательного». Фрейд пишет об отношении сознания и бессознательных влечений: «Мы представляем себе Я беспомощным по отношению к Оно, но когда Я восстает против какого-нибудь влечения в Оно, то достаточно ему дать сигнал неудовольствия, чтобы достичь своей цели при помощи почти всемогущей инстанции принципа удовольствия. Если мы на минуту станем изолированно рассматривать эту ситуацию, то сможем иллюстрировать ее примером из другой области. В каком-либо государстве известная клика противится мероприятиям, принятие которых соответствовало бы желаниям масс. Это меньшинство овладевает тогда прессой, обрабатывает при ее помощи суверенное «общественное мнение» и таким образом добивается того, что предполагаемое решение не состоится»¹. На место Оно может стать Я, потому что Я способно использовать для своих целей законы «бессознательного». Будущая свобода и процветание возможны, если сознание расширит свое, непрочное и наполненное страхом влияние на Оно.

Итак, когда Фрейд пишет: «Сущность нашей личности образуется скрытым Оно, которое не имеет непосредственных связей с внешним миром», это не тождественно культу «воли» у Шопенгауэра или Диониса у Ницше. Как и эти мыслители, он идеалистически определяет характер и поведение человека через внутреннюю аффективную напряженность, но пытается трактовать эту напряженность конкретно и психологически, а главное, для него эта напряженность порождается антагонистическим конфликтом, антагонизмом бессознательного и сознательного, напора

---

¹ Фрейд З. Страх, М., «Современные проблемы», 1921, с. 9–10.

влечений к реализации и требований Сверх-Я, да и само Сверх-Я — застывшее конфликтное переживание. Фрейдовский человек органичен и целен только в своей биологической основе, которая неизменна, а если изменялась, то крайне незначительно. Однако рай давно позади, а современный человек в изображении Фрейда состоит из противоборствующих частей и глубоких разрывов (что-то вроде «Плачущей женщины» Пикассо, только в черно-белом исполнении), разрывов и антагонизма чувства и разума, глубокою человеческого порыва и трезвого расчета.

Одностороннее и узкое понимание бессознательных сторон психики и их отношения к сознанию логически приводит Фрейда к драматизации человеческой духовной жизни. Высшая психическая деятельность представляется в качестве продукта и средства ослабления психических антагонизмов. В действительности ситуация не столь трагична. Можно сослаться на понятие «установки», которое описывает целостное, часто бессознательное состояние, соединяющее как сознательные, так и эмоциональные элементы и отнюдь не в качестве противопоставленных частей.

Вышесказанное показывает односторонность и принципиальный идеализм фрейдовского понимания источников духовной деятельности и функции ее продуктов. Недостатки модели усугубляются фрейдовским пониманием основных импульсов и законов психической жизни человека.

Фрейд исходит из того, что психическое развитие не уничтожает низшие формы психики, они сосуществуют с высшими и, более того, именно они существенны, поскольку высшие формы образуются как отклонение низших пракультурных влечений от их первоначальных целей. Оговаривая наличие таких «влечений» Я, как «потребности голода, жажды, стремления к свободе», Фрейд полагает, что принципиальное содержание «природы» человека образуют либидозные и агрессивные влечения. Фрейд понимает «либидо» широко, как окрашенное удовольствием влечение, привязанность к другому человеку, где половое влечение лишь его ядро. О втором роде влечений он писал: «Существование склонности к агрессии, которую мы можем чувствовать у самих себя и с полным правом предполагать у других, является моментом, который нарушает наши отношения к ближнему и вынуждает культуру к ее затратам. Вследствие этой изначальной враждебности людей друг к Другу культурное общество находится под угрозой распада»¹. Фрейд решает социологическую проблему прежде всего биологически и поэтому описывает человека как существо сугубо эгоистическое. Адекватным естеству такого человека состоянием является нарциссизм, самоудовлетворенность. Именно отправление Фрейда от биологических, досоциальных элементов психики, закрывающее от него проблему исторического и индивидуального развития потребностей, а тем самым и проблему специфически человеческого, составляет

---

¹ Freud S. Das Unbewusste, S. 380.

принципиальную ошибку психоаналитической теории влечений. «Пансексуализм», за который она очень часто критикуется, — лишь форма, обусловленная, по словам Л.С.Выготского, таким состоянием психологии, когда открытие в ее конкретной области приобретало характер конституирующего принципа.

Надо добавить и следующее: фрейдовская теория влечений обусловлена слабым уровнем современных ему исследований инстинктивной жизни человека и находится в определенном противоречии с представлением Фрейда о перспективах человеческой культуры. Не случайно последователь Фрейда Эрих Фромм ревизует фрейдовскую концепцию влечений, говоря, что человеческие влечения обладают своим человеческим, только им присущим качеством, и пытается проследить, как очищение инстинктов, уменьшение их роли в душевной жизни приводит к «здоровому обществу», новой культуре свободного труда в сотрудничестве и любви.

Характерна позиция и Г.Маркузе, который, в отличие от Фромма, не пытается соединить психоанализ с социологией, а развивает и формулирует тенденции самого фрейдизма. В книге «Эрос и цивилизация» Маркузе пишет: «... наслаждение отличается от слепого удовлетворения потребностей тем, что сам инстинкт отказывается исчерпать себя в непосредственном удовлетворении, что самому инстинкту присуща способность устанавливать себе пределы, используя эти пределы для усиления удовольствия»¹. Позиция весьма абстрактная, но внешне более логичная, чем взгляд на влечение самого Фрейда.

Фрейдовское противопоставление сферы влечений и сознания проявляется и в коренном различии их регулирующих принципов. Для него первичным и старейшим принципом, направляющим человеческую психику, является принцип удовольствия. Этот принцип является некоторое время «единственной формой душевных переживаний»: например, у человеческого зародыша в яйцеклетке или у ребенка, кормящегося молоком матери. Развитие ребенка и соответствующее возрастание роли внешней реальности приводит к формированию второго принципа: принципа реальности. Удовольствие и неудовольствие, вытеснение вызывающих неудовольствие представлений перестают быть единственными ориентирами психической жизни. Возникает другой критерий: соответствие или несоответствие определенных представлений реальности. Этот критерий основывается на механизме сознания, формирующего на основе анализа данных органов чувств о внешнем мире суждения о правильности или неправильности представлений; принцип удовольствия основывался на данных о внутренних состояниях субъекта. И все-таки принцип удовольствия остается определяющим. «В действительности замена принципа удовольствия принципом реальности, — пишет Фрейд, — не означает вовсе устранения принципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего»².

¹ Marcuse H. Eros and civilization: a philosophical inquiry in to Freud, Boston, 1955, p. 227.

² Фрейд З. Положения о двух принципах психической деятельности — В кн.: «Психологическая хрестоматия». Под ред. Б. Корнилова, М.—Л., 1927, с. 118.

Полной свободой человек Фрейда обладает только в раннем детстве, когда в его психике властвует принцип удовольствия, а среда адекватна этому принципу. Социализация человека состоит в постепенном и последовательном отказе от попыток непосредственного удовлетворения своих стремлений, во все большем ограничении их. Человек все больше отказывается от своего «естества», защищая его права обходными путями, облакая свои стремления в культурные формы.

С введением принципа реальности в духовной деятельности человека остается и обособляется вид мыслительной деятельности, свободный от критерия реальности и подчиненный исключительно принципу удовольствия — фантазирование. Когда Фрейд особым образом связывает фантазию с миром эмоций и говорит о ее отличии от реалистического мышления, с ним частично можно согласиться. Если вы в темноте принимаете куст за человека с дубинкой, то несомненно зависимость воображения от вашего состояния напряженности и тревоги, более того, ваши иллюзорные представления наполняют вас вполне реальным ощущением страха. Однако кроме того, что ваша тревога — сама продукт реалистического мышления, ясна и необязательность механизма компенсации, столь подчеркиваемого Фрейдом и следующего из его необоснованной теории влечений. Ясно и другое, что хотя деятельность фантазии и не подвержена прямо практическому критерию, дальнейшая судьба ее результатов, особенно в искусстве, значительно определяется практикой.

Совершенно необоснованна фрейдовская идея об особой связи фантазии с сексуальными эмоциями. Ход его рассуждения таков: поскольку замена принципа удовольствия принципом реальности занимает довольно продолжительное время, в течение которого сексуальные влечения либо аутоэротичны, либо проходят скрытый период своего существования, они в значительной степени и надолго уклоняются от критерия реальности, который подчиняет себе влечения Я (голод, жажда и т.п.). «В результате, — пишет Фрейд, — устанавливается более тесная связь, с одной стороны, между половым влечением и фантазией, с другой, — между влечениями личного Я и деятельностью сознания»¹. Хотя идея в рамках принятых Фрейдом посылок вполне логична, в большинстве случаев он сам трактует механизмы фантазии более широко; он подчеркивает ее зависимость от всех отвергнутых принципом реальности влечений.

Чтобы объяснить духовную жизнь человека, Фрейд необходимо перейти от замкнутого в своих влечениях индивида к человеку как члену определенной «культуры». На уровне психологии индивида две основные, по его мнению, функции культуры — ограничение и представление «запасных выходов» — выступают в виде процессов вытеснения и сублимации влечений. Большая часть влечений вытесняется. «Культура» для Фрейда, не только буржуазная, но и любая другая, в силу своего «надличностного характера» может обострить процесс вытеснения, делая его патогенным.

---

¹ Там же, с. 117.

Фрейд подчеркивает, что культура может быть излишне репрессивной и поэтому критерием ее развития является та часть человека, на которой, собственно, и строится его культурная оболочка. И хотя этот остаток фактически биологизируется, симпатия Фрейда на стороне личности в ее конфликте со ставшей экстерриториальной «культурой».

Часть влечений может уничтожаться таким образом, что на их место «выступает нечто, что мы называем у отдельного индивида чертами характера»¹. Поэтому даже контролирующая влечения инстанция, Сверх-Я, совесть, возникает из интроецированного агрессивного влечения, которое, будучи загнанным внутрь, проявляет ту же самую склонность к агрессии, ограничивая или вытесняя потребности человека. Развитие этих соображений приводит Фрейда к чисто умозрительным построениям: педантизм как черта характера выводится из уничтожения анальных форм эротики, развитие культуры связывается с заменой страха перед внешней силой страхом перед некоторой внутренней инстанцией, то есть чувство страха, вины объявляется необходимой платой за культурный прогресс.

Наконец, судьба инстинктов может принимать и другой характер: некоторые инстинкты так видоизменяются, что становятся иными условия их удовлетворения. Путь их удовлетворения — сублимация, то есть использование энергии элементарных влечений для более высоких, духовных целей. По мнению Фрейда, именно сублимация делает возможной научную, художественную, идеологическую деятельность. Вероятно, симпатии Фрейда должны быть отданы данному выходу, предлагаемому культурой элементарным влечениям. Но фактически он сам ограничивает возможности сублимации. Во-первых, по своей интенсивности она неспособна полностью поколебать грубые, первоначальные влечения, она неспособна полностью исчерпать нашу телесность. Во-вторых, сублимация в науке и искусстве доступна не всем людям, степень этой способности врожденна. В конечном итоге практический вывод Фрейда весьма тривиален: человек может добиться счастья через множественность, богатство жизнедеятельности.

Акцент Фрейда на «естественных», спонтанных психических состояниях логически приводит его к пересмотру взгляда традиционной психологии, согласно которому действительная жизнь человека начинается с поры его половой зрелости, его умственного созревания. Фрейд увидел в детстве содержательный и значительный период жизни человека, в который не только складываются его основные навыки, умения и знания, но и формируются важные элементы чувств и комплексов переживания взрослого. Однако, отмечая, что умение увидеть серьезность и проблемность детства составляет несомненную заслугу Фрейда, надо добавить, что он допустил значительное искажение этого периода. Такое искажение связано, во-первых, с его представлениями об эволюции как процессе, где первая стадия содержит в себе принципы и структуру конечного зрелого этапа процесса. Такое представление не учитывает качественного своеобразия этапов и содержания

---

¹ Freud S. Das Unbewusste, S. 371.

промежуточных стадий. Во-вторых, Фрейд видел в детских годах прежде всего их аффектную сторону. Переживания конфликтов влечений в детстве, безусловно, часто ярче и больше определяют психику, чем это происходит в зрелом возрасте. Однако, признавая значение некоторых ярких переживаний детства, нельзя сводить к ним, как делает Фрейд, всю психическую жизнь взрослых, которая значительно модифицирует эти переживания, включая их в совершенно новую структуру представлений, умений, способностей, потребностей.

Как будет показано ниже, существенные идеи фрейдовской философии культуры и антропологии — односторонний акцент на психологическом содержании и функции явлений духовной культуры, сведение смысла психической деятельности к компромиссу между «естественными» и «культурными» сферами психики, необоснованное представление о драматической конфликтности человеческой психики, идеалистическая переоценка аффективной жизни человека, особенно в его детские годы, конструирование архаической и произвольной теории влечений — определяют его психологию искусства. В его художественной теории сохраняются и принципиальные методологические пороки мировоззрения: антиисторизм и вызванный им метапсихологизм, индивидуально-психологическая ориентация и неверное понимание роли элементов сознания в психической деятельности <...>.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ ДУШЕВНОЙ ТЕРАПИИ

Фрейд рассматривает не только общие проблемы искусства, но и конкретные механизмы его создания и восприятия на уровне индивида. Здесь он наиболее часто обращается к самой слабой части своей психологии, учению о влечениях. Забегая вперед, можно сказать, что это полностью обесценивает его соображения об источниках художественной фантазии и о восприятии искусства отдельным индивидом. Ему удается зафиксировать некоторые реальные аспекты лишь в общей характеристике положения художника, которое он рассматривает как вневременное, но фактически отражающее некоторые специфические особенности духовной жизни буржуазного общества.

Фрейд в эпоху «дегуманизации» пытается отстоять с романтических позиций богатство и цельность человека и в этой борьбе за человека серьезную роль отводит художнику. Художник является той личностью, которой удастся развернуть свой действительный внутренний мир наиболее полно, поэтому он не только сам спасается от психической болезни, но и помогает другим индивидам приблизиться к гармоничности психики. Соответственно главной проблемой фрейдовской теории художественного творчества является вопрос: невротик и художник.

Художник отличается от обычного человека силой инстинктивных влечений, которые не могут быть полностью удовлетворены практической

действительностью; поэтому он, как и невротик, обращается к миру фантазии, мечты, чтобы там найти замену непосредственному удовлетворению желаний. Однако если невротик отрывает мир своих внутренних переживаний от всякой объективности и целиком переселяется в нереальный снопоподобный мир персонифицированных страданий, то художник благодаря высокоразвитой способности к сублимации превращает свои неудовлетворенные желания в цели, достижимые на путях душевной деятельности. Одновременно он устанавливает, в отличие от невротика, связь мира своих нереалистических желаний с реальным миром.

Итак, художник — особая личность, высокочувствительная, с неординарной подвижностью психических процессов, стоящая на грани между здоровьем и болезнями эпохи, это — личность, способная к самоизлечению и освобождению многих людей от их психических напряженностей. Уже это принципиальное описание Фрейдом положения художника в обществе страдает односторонностью, которая в его конкретных анализах выльется в парадокс. Фрейд видит в художнике потенциально больного или болезненного человека, который только в силу удивительной способности к сублимации спасается от перспективы впасть в безумие. Борьба с безумием является главной задачей художника. Конкретная практика искусства показывает, что такой подход к художнику по крайней мере узок и является необоснованной генерализацией специфических условий капитализма. Например, античную греческую скульптуру или живопись французского классицизма XVIII века никаким образом нельзя связать с неприятием художником внешнего мира, наоборот, эти примеры доказывают, что именно ощущение полноты жизни, гармоничности внутреннего мира и реальной действительности вдохновляют художников, образуют то внутреннее напряжение, которое заставляет человека стать художником. Художник Фрейда, неспособный соединить свои внутренние потенции и возможности с требованиями общественного мира, — продукт вполне определенных периодов развития искусства, и в этом отношении создатель психоанализа создает не просто домыслы. Действительное бегство от реального мира, вдохновляющее представителей искусства романтизма, подлинные конфликты честных и глубоко воспринимающих действительное положение художников, приводящие их на грань безумия (например, Гёльдерлин), Фрейд превращает в универсальную модель.

Быть художником для Фрейда означает способность человека лучше, чем большинство людей, осознавать собственные конфликты и недостатки. Художественное творчество требует, таким образом, известного мужества. Художник — это человек способный преодолеть автоматизм витального существования путем определенной концентрации, не обязательно осознания, неоформленных эмоциональных конфликтов, типичных для эпохи. Более того, для фрейдовского художника характерна не только большая сила влечений, но и большее нежелание отказаться от их реализации. Быть художником означает для Фрейда быть нонконформистом. Эти положения

имплицитно содержатся во фрейдовском образе художника, и именно они привлекли некоторых современных художников, которые думали о своем творчестве не только как об исцелении недугов, порожденных миром, но и как о «борьбе» за «подлинную человечность».

В условиях, когда современные художники Запада, не разделяющие марксистской идеологии, поставлены перед другой альтернативой — быть апологетами, служащими «индустрии развлечений», создателями «массового искусства», оболванивающего зрителей, даже такая абстрактно-гуманистическая критика капитализма может иметь прогрессивный смысл.

Хотя взгляды Фрейда на художественную фантазию представляют собой наиболее слабую часть его психологии искусства, для полноты картины на них следует остановиться специально. Как и иенские романтики, Фрейд обращает внимание исключительно на синтетичность и мощь творческого процесса в искусстве. Он сводит творчество к некоторому первоначальному целостному акту. Принимая во внимание, что у некоторых художников начальный творческий импульс играет значительную роль, нельзя не видеть, что в создании художественного произведения серьезную роль играют анализ и сознание. Впрочем, об этой стороне дела убедительно писал в своей книге «Сознание и творчество» советский литературовед Вяч.Полонский.

Как и в понимании сущности искусства, Фрейд в трактовке фантазии исходит из представления об игре душевных сил, приобретающей важное психологическое значение. По его мнению, фантазия вырастает из игры, когда ребенок годами «душевных усилий» научается воспринимать действительную жизнь с надлежащей серьезностью. С помощью игры ребенок пытается избежать гнета критического разума, освободиться от навязываемого ему воспитанием принуждения к «правильному» мышлению и отделения действительного от желаемого. Этот протест сохраняется и в периоды зрелости. «Веселой бессмыслицей пьяной болтовни студент пытается спасти для себя удовольствие, которое он получает от свободы мышления и которая становится для него все более и более недоступной благодаря влиянию университетских лекций»¹. Такого рода игровое отношение имеет значение и для деятельности художественной фантазии.

Дети играют открыто, они в игре стремятся овладеть тем, чего они лишены в реальности: стать взрослыми. В отличие от них «взрослый стыдится своих фантазий и прячет их от других», потому что знает: от него ждут не игры, а практических действий. К тому же ему есть чего стыдиться: вдохновляющие его фантазии желания не признаются или не удовлетворяются обществом. Поэт, как и играющий ребенок, относится к своей деятельности серьезно, увлеченно, он резко отделяет созданный им мир от действительного, но, в отличие от ребенка, не пытается найти опору ему в реальных объектах.

---

¹ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному, с. 179.

Концепция фантазии как игры не является изобретением Фрейда, он только вносит в нее две модернизации — отмечает ее затаенный, интимный характер и говорит о ее психологическом значении. Заявление о том, что фантазий стыдятся, Фрейд затем связывает с характером стимулов фантазии. Фрейд обнаружил, что в своей игре дети нередко добровольно повторяют мучительные ситуации, он объяснил этот факт тем, что таким образом эти мучительные не подчиняющиеся ситуации оказываются в сфере власти играющих, которые этим способом овладевают ими («По ту сторону принципа удовольствия»). Он распространяет этот принцип и на объяснение того удовольствия, которое мы получаем, видя на подмостках театра сцены ужаса и смерти, которые должны были бы вызвать болезненное впечатление. Он пишет: «...из нереальности поэтического мира проистекают очень важные для художественной техники последствия, так как многое, что в действительности не могло бы доставить наслаждения, дает его в игре; многие, сами по себе собственно неприятные, впечатления могут явиться источником наслаждения для слушателей или зрителей поэтического произведения»¹. Фрейд не чужд аристотелевской теории трагедии как духовного и морального очищения. Однако он не сделал теорию катарсиса в ее чистом, непсихологизированном виде основой своей теории, объясняющей художественное наслаждение, хотя, безусловно, ее схема очень заметна во взглядах Фрейда на восприятие художественного произведения.

Анализируя фантазию, Фрейд обратил внимание лишь на ее стимулы и материал. Он рисует следующую картину: творчество начинается с сильного переживания в настоящем, это переживание будит в поэте желание, имеющее свои глубочайшие корни в его эмоциональной жизни детского возраста — ребенок, живущий по принципу удовольствия, испытывает наиболее сильные аффективные конфликты с реальностью; затем художник с помощью фантазии создает ситуацию будущего, в которой желание осуществляется. В итоге искусство — воплощение неудовлетворенного желания, корни которого уходят в детство, вполне соответствует логике Фрейда, но никак не вяжется с конкретными фактами. Ведь именно из этой логики следует, что основу творчества Достоевского образует его детское желание гибели отца (см. статью «Достоевский и отцеубийство»). Желание как потенциально направленная активность психики играет важную роль во всех видах человеческой деятельности, но Фрейд, ограниченный концепциями либидо и эдипова комплекса, понимает желание чрезвычайно узко, а потому его конкретные анализы поражают своим однообразием. Получается, что любое художественное произведение проистекает из сексуального или кровосмесительного желания.

Принципиально Фрейд сводит, таким образом, стимулы творческой деятельности художника к индивидуальному опыту переживания того или иного творца искусства. Задачу художественного произведения он видит в решении некоторых индивидуальных проблем его создателя. Это положение

---

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды, М., 1912, с. 28.

он пытается подтвердить примерами из «непритязательных романов и новелл», где в центре произведения стоит герой, которого автор всячески оберегает и к которому он всеми силами пытается вызвать симпатию. Конечно, пишет он, многие произведения довольно далеко отстоят от таких образцов, но можно построить посредствующие звенья, которые покажут, что любое художественно произведение эгоистично и эгоцентрично, что автор печется лишь о реализации своих неудовлетворенных сексуальных и честолюбивых желаний. Вероятно, такая модель и может иметь значение для творчества графоманов, к подлинно же художественным произведениям это не имеет никакого отношения.

Фрейд не проводит серьезного различия между проблемами создания и восприятия художественного произведения. В обоих случаях в центре его внимания некоторое цельное и спонтанное эмоциональное состояние. В анализе художественного восприятия Фрейда интересует не то впечатление, которое зритель испытывает от элементов художественного произведения и которое он может более или менее связно изложить, а тот глубокий и цельный эффект, который вызывает в нас произведение и который связан с невысказанным, неопределенным в понятиях. Он видит в искусстве чисто психологическое средство обнаружения и разрешения человеческих бессознательных влечений. Эта логика заставляет Фрейда разделить эстетическое наслаждение и подлинный психологический эффект художественного произведения.

По его мнению, глубокий эффект художественного произведения связан с освобождением зрителя от напряжения душевных сил. Чтобы обеспечить такое освобождение, недостаточно просто выразить свои бессознательные влечения прямо и без обиняков, такое выражение способно только оттолкнуть зрителя. Писатель сообщает нам свое бессознательное в смягченной, «рационализированной» форме и «подкупает нас чисто формальными, то есть эстетическими наслаждениями, которые он дает при изображении своих фантазий»¹. Подлинному эффекту художественного произведения должно предшествовать «преднаслаждение», «заманивающее наслаждение», получаемое от формы художественного произведения. На этот счет Фрейд пишет: «Такое наслаждение, данное нам с целью вызвать этим путем из глубоко лежащих психических источников еще большее наслаждение, называется заманивающей премией или преддверием наслаждения. Я того мнения, что всякое эстетическое наслаждение, данное нам писателем, носит характер этого «преддверия наслаждения» и что настоящее наслаждение от поэтического произведения объясняется освобождением от напряжения душевных сил. Быть может, этому немало способствует и то обстоятельство, что писатель приводит нас в такое состояние, когда мы можем тут же получать удовольствие от собственных фантазий, не испытывая ни стыда, ни упреков за них»². Снятие скрытого

---

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды, с. 26.

² Там же, с. 28.

напряжения может совершаться только в случае нахождения соответствующей художественной формы. По мнению Фрейда, анализ остроумия, этой интеллектуальной деятельности, пользующейся теми же механизмами, что и искусство, показывает, что с заменой одной техники выражения другой исчезает характерность и эффект остроты¹ и что мысль сама по себе, не переведенная в форму остроты, не вызывает никакого особого удовольствия. Он пишет: «...одна техника не достаточна для характеристики остроты. К технике должно присоединяться еще нечто другое, чего мы до сих пор не открыли. Но, с другой стороны, все-таки, неоспоримо, что с упразднением техники исчезает и острота»². Фрейд, кроме того, констатирует, что если в нетенденциозной остроте все удовольствие так или иначе связано с техникой, то в тенденциозной остроте техника выполняет функцию фасадного образования — вспомним о заманивающей премии в искусстве. В случае если словесный материал или работа мышления не дают возможности создать такое образование, то внутренние напряженности не могут быть отреагированы. Другими словами, социализуются только те бессознательные влечения, которые могут быть выражены в некоторых формальных структурах. Работа остроумия и заключается в создании этих формальных словесных структур, позволяющих удовольствию от скрытого бессознательного пройти мимо бдительного ока Сверх-Я в сознание.

Таким образом, складывается определенная двойственность личности остряка, как, впрочем, и художника. С одной стороны, это человек необычайно чуткий к голосу своего внутреннего мира и переоценивающий значение этого мира, с другой стороны, он владеет техникой, умением делать коммуникабельными влечения и представления этого мира. Диагноз Фрейда в адрес остроумного человека тот же, что и в адрес художника: «...остряк является раздвоенной и предрасположенной к невротическим заболеваниям личностью»³. Однако в своих анализах искусства Фрейд оказался совершенно бессилён перед проблемой художественной формы, ограничившись общими соображениями, следующими из его концепции рационализации. И это отмечается даже весьма благосклонными к нему западными критиками. Один из них, Арнольд Хаузер, пишет: «Аналитическая теория искусства не проявляет никакого интереса к автономному смыслу и не обладает никаким средством для обнаружения «внутренней логики» художественного произведения. Исследование его формальных качеств лежит вне его компетенции, и Фрейд сам рассматривал художественную форму, непосредственное воздействие которой он не мог и не хотел объяснить, как нечто само по себе не существенное, то есть как простое возбуждающее средство для пробуждения читателя или зрителя. Психоанализ — теория целеустремленных субъективных действий, а не учение об объективных взаимосвязях. Он объясняет душевные механизмы, но не объективации, которые обязаны мотивам своим смыслом и влиянием и

---

¹ См.: Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному, с. 22.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 191.

которые лежат вне психологии художника»¹. Психический редуционизм в отношении продуктов интеллектуальной деятельности приводит Фрейда в теории искусства к представлениям, объясняющим художественную форму как простое возбуждающее средство для пробуждения внимания зрителя.

Эта неспособность психоанализа к раскрытию формы художественных произведений логически приводит к тому, что фрейдовская психология искусства беспомощно останавливается перед одной из важнейших проблем эстетики и теории искусства, перед проблемой стиля. Сам Фрейд не высказывает по поводу этой проблемы никаких собственных суждений, он просто присоединяется к кажущейся ему наиболее близкой по методу концепции Морелли. Морелли считал, что индивидуальные особенности творческого метода художника проявляются в тех мелких, редко привлекающих внимание как зрителя, так и художника деталях, которые в наименьшей степени являются продуктом сознательной работы. Например, по тому, как написан ноготь человека, можно отличить одного автора от другого с большей достоверностью, чем по их манере расположения фигуры или фигур. Этот искусствоведческий метод показался Фрейду аналогичным его практике толкования сновидений и рассказов невротиков, и он с одобрением писал, что «его (Морелли. — Р. Д.) опыты близки технике врачебного психоанализа». В центре внимания Морелли индивидуальные стилевые особенности, а не проблема стиля эпохи или школы. Впрочем, в таком плане Фрейд проблему даже не затрагивал, поскольку развитие стиля, художественная традиция не сводимы к психологии отдельных художников и поскольку стиль не является психологическим понятием (хотя некоторые последователи Фрейда и сопоставляли натурализм с либидозными стремлениями, а классицизм — с агрессивными, так как в одном случае, по их мнению, мы имеем дело с преданностью всему живому в мире, в другом — с его осуждением) <...>.

*Додельцев Р. Ф. Проблема искусства
в мировоззрении Зигмунда Фрейда /
О современной буржуазной эстетике.
Сб. статей. Вып. 3. М., 1972,
с. 73–81, 99–107*

---

¹ Hauser A. Philosophie der Kunstgeschichte, München, 1958, S. 81, 82.

Сознательное и бессознательное в творчестве

А. Г. Спиркин

ПОНЯТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Наряду с сознательными формами отражения и деятельности для человека характерны и такие, которые находятся как бы за «порогом» сознания, не достигают надлежащей степени интенсивности или напряженности, чтобы обратить на себя внимание. Термины «бессознательное», «подсознательное», «неосознанное» часто встречаются в научной и художественной литературе, а также в обыденной жизни. Говорят: «Он сделал это неосознанно», «Он не хотел этого, но так получилось» и пр. Повседневный опыт знакомит нас с мыслями, которые всплывают у нас в голове, но неизвестно, откуда и как они возникают.

Анализируя в своем романе состояние духа Ивана Карамазова, Ф.М.Достоевский настойчиво подчеркивает, что Иван сам не знал о причине своего скверного настроения, подобно тому, как люди часто раздражаются по поводу какого-нибудь пустяка — уроненного на пол платка или не поставленной в шкаф книги, не сознавая этой причины.

Как уже отмечалось, понятие психического значительно шире понятия сознания, которое обладает не поддающимися практическому учету градациями уровней, начиная от высшей степени ясности, доходящей до удивительной силы прозорливости и глубины понимания сути вещей, и кончая полусознательным состоянием. Один ученый насчитал около двадцати ступеней сознания. Это число, видимо, можно свободно удвоить или даже утроить.

Психическая деятельность может находиться в фокусе сознания; иногда не достигает уровня сознания (*досознательное*, или *предсознательное* состояние) или опускается ниже порога сознания (*подсознательное*). Совокупность психических явлений, состояний и действий, не представленных в сознании человека, лежащих вне сферы его разума, безотчетных и не поддающихся, по крайней мере в данный момент, контролю, охватывается понятием *бессознательного*.

Зона максимально ясного сознания в психической деятельности сравнительно невелика. За ней идет полоса просто ясного сознания, а потом — минимального сознания, за которой следует уже неосознанное. Последнее выступает то как установка, инстинкт, влечение, то как ощущение, восприятие, представление и мышление, то как сомнамбулизм, то как интуиция, то как гипнотическое состояние или сновидение, состояние аффекта или невменяемости.

К бессознательным явлениям относят и подражание, и творческое вдохновение, сопровождающееся внезапным «озарением» новой идеей, рождающейся как бы от какого-то толчка изнутри, случаи мгновенного

решения задач, долго не поддававшихся сознательным усилиям, произвольные воспоминания о том, что казалось прочно забытым, и пр. Бессознательное — не мистика, а реальность духовной жизни. С физиологической точки зрения бессознательные процессы выполняют своего рода *охранительную функцию*: они разгружают мозг от постоянного напряжения сознания там, где в этом нет необходимости.

Человеческий разум нес бы на себе непомерно тяжелый груз, если бы он вынужден был контролировать каждый психический акт, каждое движение и действие. Человек не мог бы ни результативно думать, ни разумно действовать, если бы все элементы его жизнедеятельности одновременно потребовали осознания.

Что же такое бессознательное? Каким образом происходит смена динамических состояний сознания, переходы от полного душевного мрака к необыкновенному ощущению жизни?

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Общая идея о бессознательном встречается еще в древнеиндийском учении Потанджали, в котором бессознательное трактовалось как высший уровень познания, как интуиция и даже как движущая сила вселенной. Оно восходит к демонию Сократа, утверждавшего, что он постоянно прислушивается к своему внутреннему голосу, как к своего рода велению совести и непререкаемому авторитету. Проблема бессознательного нашла отражение в учении Платона о познании как воспоминании, тесно связанном с идеей о наличии в душе скрытых, неосознанных знаний, о которых сам субъект может даже совсем ничего и не подозревать. Платон полагал, что человек не искал бы того, что ему еще по известно, если бы он предварительно не имел его бессознательно в своей душе. Августин анализировал бессознательное в «Исповеди», где он сравнивает сферу воспоминаний с необозримым, скрытым от сознания внутренним помещением. То, что находится за пределами обозримого для субъекта в сфере его душевной деятельности, составляет неосознанное.

Иное освещение вопрос о бессознательном приобрел в концепции Декарта, который исходил из тождества психики и сознания. Отсюда идея о том, что за пределами сознания протекают лишь чисто физиологические, а не психические процессы. Спиноза утверждал, что люди осознают свои желания, но не причины, которые их определяют. Само существование бессознательных мотиваций составляет человеческое бремя. Достижение же свободы основано на осознании человеком реальности внутри и вне себя. В истории философской и психологической мысли впервые лишь Лейбницу удалось вполне отчетливо сформулировать концепцию бессознательного как низшей формы духовной деятельности. Лейбниц полагал, что все явления сознания возникают в бессознательной жизни и что в бодрствующем состоянии наряду с наиболее ярко выступающими сознательными

представлениями существуют как бы спящие или угасшие представления — малые перцепции. По Лейбницу, в уме нет ничего, что уже не дремало бы в виде представления в темной душе. Бессознательными бывают врожденные идеи, приобретенные и вытесненные из сознания идеи, так называемые малые переживания, которые не осознаются из-за своей незначительности. Кант связывал понятие бессознательного с чувственным познанием, с интуицией. Он указывал на наличие сферы восприятия и чувств, которые не осознаются, хотя и можно прийти к выводу об их существовании. Бессознательное — это темные представления в человеке, число которых безгранично. На огромной карте нашего духа «освящены только немногие пункты,— это обстоятельство может возбуждать у нас удивление перед нашим собственным существом; ведь если бы некая высшая сила сказала: да будет свет!, то без малейшего содействия с нашей стороны перед нашими глазами открылось бы как бы полмира (если, например, мы возьмем писателя со всем тем, что он имеет в своей памяти)»¹.

В противоположность принципам рационализма представители теории романтизма развивали идею бессознательного как глубинного источника прежде всего художественного творчества. Шопенгауэр, например, выдвинул иррационалистическую концепцию бессознательного, рассматривая его как волю в природе, источник жизни, стихийное жизненное начало, которому противостоит беспомощное сознание. Продолжателем иррационалистических идей выступил Э.Гартман, который придерживался панпсихизма, признавая основой всего сущего бессознательное духовное начало, образующее абсолютное единство воли и идеи. Жизнь мира — не разумный, но целенаправленный процесс, в котором сознание — лишь орудие слепой мировой воли как движущей силы развития. Э.Гартман положил в основу своей философии биологизированное понятие бессознательного, трактуемое им как «жизненная сила», проявляющаяся в инстинкте, в рефлексорных движениях как целительное начало природы, открывающаяся в чувствах, характере, в нравственности, одаряющая человека всеми совершенствами и ведущая его к красоте и счастью, создающая язык и религию, вдохновляющая поэтов и художников, совершающая великие открытия в науке и направляющая всемирно-исторический процесс. Бессознательное незаметно управляет человеческим разумом.

В иррационалистическом духе трактовал бессознательное и Ф.Ницше. Он считал, что вера в человеческий разум есть величайшее заблуждение: разум играет вторую роль и осужден историей на то, чтобы в конечном счете быть может исчезнуть и уступить место полнейшему автоматизму, то есть деятельности, осуществляющейся бессознательно. «Наш духовный мир похож на Египет — пустыня и громадные пирамиды, а в этих пирамидах, большей частью недоступных, только жалкие трупы»². В концепции Ницше

---

¹ *И. Кант. Соч.*, т. 6. М., 1966, с. 366.

² *Ф. Ницше. Собр. соч.*, т. III, с. 226.

действительности противопоставлено погружение в темное, неопределенное состояние, опьянение, экстаз.

Такие психологи, как Герbart, Фехнер, Вундт и другие, положили начало психологическому исследованию проблемы бессознательного. Согласно Герbartу, который ввел динамическую характеристику психического, несовместимые идеи могут вступать между собой в конфликт. При этом более слабые психические явления вытесняются из сознания, продолжая, однако, воздействовать на него. Вундту принадлежит образное уподобление сознания полю зрения, в котором имеется сфера наиболее четкого видения, окаймленная удаляющимися по периферию кругами с убывающей ясностью ощущения и переживания, вплоть до их полного угасания. Вундт считал, что восприятие и сознание базируются на неосознаваемых логических процессах. Он пытался установить связь законов логического развития мысли с бессознательными явлениями, утверждая существование не только осознаваемого, но и неосознаваемого мышления. Он проводил различие между фокусом сознания, где объект ясно осознается, и остальным полем сознания, где он или осознается неясно, или совсем не осознается. Границы между этими пунктами относительны и подвижны¹.

Рассматривая границу между актуальным и потенциальным состоянием сознания как нечто расплывчатое, У. Джемс считал невозможным точно установить, что именно осознанно и находится в кругу интересов, а что теряется в сфере невнимания.

Существенным толчком в исследовании бессознательного явились работы в области психиатрии, прежде всего французских психиатров Шарко и Жане, которые в лечебных целях стали применять гипнотические методы воздействия на сферу сознательного. Эти работы дали возможность выявить отличную от сознательной психическую деятельность патогенного свойства, не осознаваемую больным.

И.М.Сеченов прямо выступил против концепций, отождествлявших психическое и сознательное. «...В прежние времена *психическим* было только *сознательное*...»² Он выявил наличие «темных или смутных» ощущений, либо частью сознаваемых, либо вовсе не сознаваемых. И.П.Павлов отмечал, что «мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»³. Явления бессознательного Павлов связывал с работой тех участков мозга, которые обладают минимальной возбудимостью.

Бессознательному пристальное внимание уделял К.С.Станиславский, считая, что оно играет существенную роль в процессе творчества.

В советской психологии проблема бессознательного разрабатывалась главным образом школой Д.Н.Узнадзе в Грузии, приверженцы которой скрупулезно и упорно проводят исследования бессознательного в виде установки. Психофизиологические аспекты бессознательного широко

---

¹ В. Вундт. Введение в психологию. Одесса, 1912, с. 16–17.

² И. М. Сеченов. Избр. произв., т. I. М., 1952, с. 208.

³ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 1, с. 105.

исследуются в современной науке в связи с анализом сна и гипнотических состояний, корковых и подкорковых образований, явлений автоматизма в трудовой и спортивной деятельности и т.п. В последнее время обсуждаются возможности применения кибернетических представлений и методов моделирования бессознательного. При всем этом целостной теории, объясняющей механизм и структуру бессознательного, до настоящего времени построить не удалось.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ФРЕЙДИЗМ

На необходимости исследования сферы бессознательного, его места и роли в поведении человека, особенно в протекании различного рода душевных заболеваний, пожалуй, больше всех настаивал австрийский психиатр З.Фрейд. Сам он считал, что привел нас к вершине, вулкана и заставил заглянуть в кипящий кратер бессознательного.

Интерес к работам Фрейда, прежде всего на Западе, дискуссии вокруг его идей то утихают, то разгораются с новой силой. Одни опровергают систему его взглядов, считая, что она не отличается логической стройностью и научной доказательностью, а другие, напротив, пытаются представить его одним из властителей дум современной эпохи. Таковы крайности, одинаково далекие от истины.

Научно-исторический метод исследования предполагает выявление не только негативных сторон в воззрениях ученого, но и позитивного содержания (если оно есть), продуктивных гипотез, ценных постановок вопросов и пр. В отличие от указанных крайностей, например, И.П.Павлов по-иному подошел к учению Фрейда: он немало критиковал его за идеалистические, дуалистические воззрения и ошибочные, ненаучные положения, выразившиеся прежде всего в рассмотрении психики как имманентного, замкнутого в самом себе начала. Вместе с тем Павлов ценил его творческие усилия: «Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы — человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света...»¹

Мы не ставим своей задачей подробно анализировать здесь воззрения Фрейда и давать им развернутую оценку. Это особая и чрезвычайно сложная проблема. Нам представляется, что наиболее адекватное освещение она получила в «Философской энциклопедии»². Остановимся лишь на том, что непосредственно относится к нашей теме.

Теоретическими источниками фрейдовской концепции бессознательного являются существовавшие в XIX в. учения о психике, о

---

¹ Цит. по кн.: Г. Узлс. Павлов и Фрейд. М., 1959, с. 5.

² См. статьи «Фрейд», «Фрейдизм», «Неофрейдизм». «Философская энциклопедия».

гипнотическом внушении, о символике сновидений, о мифологии, о врожденном психическом наследии, о сексологии, о философии и психологии бессознательного, биологический волюнтаризм, особенно А.Шопенгауэра, и др. Об этом сам Фрейд говорил так: «...мы незаметно причаляли к пристани философии Шопенгауэра, для которого смерть является... целью жизни, сексуальное влечение — осуществлением стремления к жизни»¹.

Осуществляя психиатрическую практику, Фрейд с самого начала был поражен некоторыми гипнотическими опытами, которые показывали, как человек в состоянии транса способен легко уверовать в реальность совершенно нереального. Вместе с тем часто не соответствуют реальности и многие идеи у лиц, не находящихся в трансе, тогда как большая часть реального остается ими неосознанной. Согласно Фрейду, душевная деятельность подобна айсбергу, большая часть которого скрыта под водой и который управляется подводными течениями. В ней имеются не только осознанные, но и темные, даже дикие элементы, которые загнаны разумом и социальными нормами в подполье и ждут лишь момента слабости и страха, чтобы проявить свои демонические силы.

Фрейд разработал эмпирический метод *психоанализа*, основанный на наблюдении и самонаблюдении, на изучении подсознательных состояний психики путем расшифровки того, как они проявляются в символах, сновидениях, свободных ассоциациях, фантазиях, обмолвках и описках, зарисовках, симптоматических действиях, невротических симптомах и т.п.— этих своего рода смотровых окнах в мир бессознательного. Метод психоанализа позволил Фрейду проникнуть в чрезвычайно запутанный клубок болезненных состояний, выявить источники некоторых невротических переживаний.

Однако этот метод, плодотворно применяемый первоначально к выявлению генезиса определенных психических расстройств, Фрейд неправомерно перенес на изучение психики вообще, а затем даже на исторический процесс развития культуры и общества в целом. В этом своем последнем качестве психоанализ не только совершенно несостоятелен научно, но и порочен, подвергся критике как в нашей стране, так и за рубежом, причем даже со стороны некоторых последователей самого Фрейда.

На этом основании, однако, вряд ли было бы правильно отвергать все, что связано с именем Фрейда. Свою концепцию бессознательного Фрейд построил на большом клиническом материале, преломленном через призму его общей концепции психики человека. Он выявил психологическую природу конфликтов между «желанием и долгом» и их роль в генезисе неврозов, раскрыл явления сублимации сексуальной энергии, различные формы вытеснения переживаний, выдвинул эффективный принцип лечения душевных болезней путем выявления и осознания первоначально

---

¹ З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925, с. 49.

неосознаваемых большим переживаний. Фрейд показал, что в структуре здоровой психики содержатся болезненные элементы, проявляющиеся в так называемой «патологии обыденной жизни».

Фрейд создал свою схему структуры психики, разделив ее на три основных пласта. Самый нижний пласт и самый мощный так называемое «Оно» находится за пределами сознания. Там хранятся прошлый опыт, различного рода биологические импульсивные влечения и страсти, неосознанные эмоции. На этом массивном фундаменте бессознательного воздвигается сравнительно небольшой этаж сознательного — того, с чем человек актуально имеет дело и чем постоянно оперирует. Это его «Я». И, наконец, третий и последний этаж человеческого духа — «сверх-Я», нечто, находящееся над «Я», выработанное историей человечества и существующее в системе науки, морали, искусства, культуры. Это идеалы общества, социальные нормы, система всевозможных запретов и правил, иными словами все то, что человек усваивает и с чем он вынужден считаться. Главным стражем «Я» является нравственная сфера личности — «сверх-Я». В ответ на греховные неосознанные побуждения оно терзает «Я» упреками, чувством вины.

Сама по себе фрейдовская схема структуры психики не лишена смысла, хотя ее общая интерпретация и характеристика взаимоотношения составляющих ее сфер в системе фрейдизма научно несостоятельны. В основе данной иерархии элементов духовной структуры личности лежит идея о первичности и управляющей роли бессознательного. Именно от «Оно», считает Фрейд, берет свое начало все, что именуется психическим, и, завершив свое движение в сфере индивидуального и социального разума, психическое вновь возвращается туда же.

Именно эта сфера, подчиненная принципу наслаждения, оказывает, с точки зрения Фрейда, решающее влияние на поведение человека, определяя его мысли и чувства, а через них и действия. Сознательное будто бы лишь тонкая, воздушная кисея, парящая над глубоким омутом бессознательного, который скрыт не только от взора наблюдателя, но и от самого субъекта. Сознание в отношении психики подобно отблескам света прожектора на темной поверхности необъятной реки.

Научная несостоятельность фрейдизма проявляется в принижении роли разума и биологизации социальных явлений. Если вся история прогрессивной философии и психологии провозглашала и провозглашает мощь человеческого разума, то фрейдизм провозглашает мощь инстинктов. Фрейд разрушил уходящее своими корнями еще в античную культуру представление о человеке как о существе, поведение которого определяется прежде всего духовными идеалами, разумом. Фрейд нарисовал иную картину, согласно которой позади логики, идеалов и разума стоят их скрытые, но подлинные властители: слепые инстинкты и примитивные влечения¹.

---

¹ См. *H. Baruk. Entretiens de Bichat* (vol. Médecine). Paris 1965.

Учение Фрейда о влечениях вытекает из понимания бессознательного как определяющего фактора всей жизнедеятельности человека. Человека он считал сложной машиной, наделенной энергией влечений, специфика которых состоит в том, что в них фиксировано не действие в целом, как это имеет место в инстинктах, а лишь импульс к действию. Влечение полностью детерминируется внутренним органическим источником и независимо от объекта, на который оно направлено. По Фрейду, не внешние воздействия, а именно влечения, которые властно требуют своего удовлетворения, являются подлинными двигателями индивидуального и социального прогресса: они — ведущие стимулы деятельности, подчиненной принципу наслаждения.

Фрейд различал сексуальные влечения и влечения смерти. Если одна сторона бессознательного направлена на утверждение жизни, то вторая ориентирована на разрушение и смерть. Основное внимание Фрейд сосредоточил на анализе сексуальности. Определенный объект приобщается к влечению лишь благодаря своей способности доставлять наслаждение.

Человек настолько зависит от своих влечений, что их характер и динамика определяют судьбу человека: от них невозможно спастись никаким бегством. Однако прямое и каждый раз немедленное удовлетворение влечения не всегда возможно: социальные нормы налагают свой запрет, подвергают его цензуре. Человек по природе своей антисоциален: он находится в постоянном стремлении к удовлетворению своих желаний, влечений, а общество составляет враждебное окружение, которое призвано направлять, контролировать и подавлять человеческие стимулы и инстинкты, ограничить или полностью лишить человека удовлетворения его страстей.

Будучи подавленными и загнанными в подполье бессознательного, влечения превращаются в стремления, которые имеют уже культурную ценность. Фрейд назвал это сублимацией. Он нарисовал своеобразную картину развития сексуального влечения в онтогенезе: появляясь в раннем детском возрасте, сексуальность проходит через всю его последующую жизнь. В различные возрастные периоды она имеет лишь иной характер и иной объект, на который направлена.

Итак, человек, по Фрейду, — машина, движимая относительно постоянным комплексом сексуальной энергии (либидо), безумящим душу эросом, постоянно пронзающим человека своими стрелами. Либидо подвержено болезненным напряжениям и разрядам. Динамический механизм, ведущий от напряжения к высвобождению, от страдания к удовольствию, Фрейд назвал принципом удовольствия. От него отличается принцип реальности, который направляет человека, заставляя его избегать всего, что может угрожать его существованию. Эти принципы часто вступают в конфликт между собой, а равновесие между ними — необходимое условие психического здоровья. Нарушение этого равновесия ведет к невротическим и психическим расстройствам.

Поскольку господствующими мотивами поведения, по Фрейду, являются сексуальные мотивы, лишь через неудачи в любви возможна творческая трансформация. Сознание создает различного рода нормы,

законы, заповеди, правила, которые подавляют подсознательную сферу, являясь для нее цензурой духа. Подсознательная сфера может проявлять себя только в области аномальных (сновидения, случайные оговорки, описки и пр.) или прямо ненормальных (неврозы, психозы и др.) явлений. Между сознательным началом и бессознательными силами существует постоянный конфликт: разум враждебен индивидуальности. Он подобен «всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, опираясь на заимствованные из внешнего мира силы»¹.

Этот конфликт с особой остротой протекает у нервных больных и тем более психически больных, когда «Я» наталкивается, по мнению Фрейда, на границы своего могущества в своем собственном доме — душе. «Вдруг возникают мысли, о которых не знаешь, откуда они, и ничего нельзя сделать, чтобы прогнать их. Начинает казаться, что эти чужие гости оказываются даже сильнее, чем те, которые подчиняются «Я»: они в состоянии противостоять всем испытанным средствам воздействия воли, их не сбивают все логические возражения, не трогают противоположные показания реальности»². Констатировав этот поразительный и вполне достоверный феномен человеческой психики, Фрейд утверждал, что ему удалось нанести одну из самых тяжелых ран по самолюбию и гордыне человека. Первую аналогичную рану нанес в свое время Коперник, доказавший, что не земля — центр вселенной. Вторую — Ч. Дарвин, давший человеку обезьян в качестве родственников. Третью же он, Фрейд, установив, «что человек не является хозяином в своем собственном доме». Согласно концепции Фрейда, бессознательное безраздельно властвует над сознательным, разум плетется на поводу у влечений и страстей. Воля и разум бессильны перед могучим и властным зовом биологического инстинкта. Потребности живой плоти рушат все утонченные кордоны цивилизации.

Научного внимания в теории Фрейда заслуживает главным образом концепция *вытеснения* — особого защитного механизма психики И.П.Павлов наиболее одобрительно относился именно к этой гипотезе.

Что же такое вытеснение? С физиологической точки зрения — это процесс торможения возбудимых очагов, а с психологической — механизм сдерживания и подавления определенных влечений, побуждений, мыслей и чувств. Бессознательное и есть та особая психическая область, все элементы которой пребывают в вытесненном состоянии, не находят выхода в открытом поведении.

Особую категорию бессознательного составляет то, что неприемлемо для сознания человека. Психиатры отмечают, что некоторые, наиболее тягостные для душевнобольного факты действительности он не принимает, отвергает. Мать, заболевшая душевно в связи с гибелью ребенка, ведет себя так, будто бы она не знает, что ее ребенок погиб.

---

¹ З. Фрейд. Я и Оно. М., 1924, с. 22.

² З. Фрейд. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923, с. 196.

Но идеи, изгнанные из сферы сознания, не теряют своих динамических сил: они продолжают активно воздействовать на сферу сознания, имеют свой специфический энергетический заряд. Если вытесненное влечение не может преодолеть сопротивления разума, то стремится пробраться к свету обходными путями, в замаскированной форме. Это своего рода жидкость под большим давлением непременно где-то прорвется и изольется наружу.

Вытеснение, по Фрейд, не ведет «беспричинной» борьбы с идеями и аффектами вообще, а выполняет важные жизненные функции биологическую — охраняет «Я» от неприятных воспоминаний, социальную — подавляет неприемлемые влечения. Процесс вытеснения наблюдается уже в раннем детстве, когда формируются первые представления о недозволенном.

Как общественно развитое существо человек знает и чувствует, что определенные побуждения должны сдерживаться, подавляться, находиться под контролем разума. Особо болезненные, несовместимые с нормами данного общества и точного мировоззрения мысли, чувства и побуждения вытесняются таким путем из сознания в сферу бессознательного, забываются. Сознание не исключает и не отвергает эти психические явления. Оно их сдерживает, подавляет, переключает их на иные, разумные формы проявления. Однако в особо острых обстоятельствах, когда «сдают нервы», когда для установления равновесия оказывается недостаточно вытеснения неудовлетворенных влечений, тогда неизбежным результатом оказывается невроз. Бессознательная сфера может прорвать плотину разума и излиться в виде панического состояния, безрассудных действий, как это иногда бывает при алкогольном опьянении, повышенном половом возбуждении, в напряженной ситуации, связанной с взаимными оскорблениями и пр.

Фрейд ошибочно считал, что не только характер личности и ее поведение, но и искусство, наука и культура в целом определяются влечениями. Искусство, по Фрейд, одна из форм сублимации неудовлетворенного чувства наслаждения, переключения его из сексуальной сферы в сферу эстетическую, проявлением чего служит сопереживание происходящему на сцене, полотне, экране, воображение при чтении. Такое переключение происходит якобы в глубинах психики и не всегда осознанно.

К защитным механизмам психики Фрейд относил такие явления, как *рационализация* (обоснование аргументами своих инстинктивных влечений), *вымещение*, выражающееся в переориентации определенного чувства, навязчивой идеи на другого человека или какой-либо объект, *обращенные реакции* (возникновение реакции обратной той, которую можно было бы ожидать в данной ситуации).

Однако Фрейд ограничился лишь внутриличностными коллизиями между различными элементами в структуре психики, искусственно изолировав человека от внешнего мира, от социальной реальности. Принципиальной его ошибкой было рассмотрение социального как чего-то только внешнего и даже враждебного по отношению к сознанию человека. Он представил бессознательное как самостоятельное психическое начало, которое живет в душе человека своей собственной жизнью и постоянно враждует

с сознанием, преследует свои особые цели, все время хитрит, прибегает к различным уловкам, маскируется, чтобы усыпить бдительность сознания, выискивает различные обходные пути для своего внешнего выражения, ценит только то, что можно осуществить немедленно, обладает удивительной нетерпеливостью и не довольствуется отдаленными возможностями удовлетворения потребностей. Всеми своими действиями бессознательное напоминает поведение неумной, но хитрой и невероятно капризной женщины. Его ошибка состояла в подчеркивании безраздельного господства бессознательного над сознательным, констатации лишь *антагонистических* взаимоотношений между ними, что лишало человека надежды на его конечное освобождение от власти будто бы господствующих над ним инстинктивных, иррациональных сил. При этом фрейдизм акцентировал свое внимание только на тех феноменах бессознательного, которые по своему содержанию *неприемлемы* для человеческого разума и которые могут прорваться в сферу сознания только путем уловок символизма.

Существует ли резкое и острое противоречие между сознанием и бессознательным? Да, существует. Это наблюдается в особых условиях, прежде всего в случаях патологии, например, при истерии, а также в состоянии стресса. Но жизненный опыт и специальные исследования доказывают наличие *согласованности* и *взаимного благоприятного влияния* бессознательного на сознание и наоборот. Функциональная координация обоих этих факторов лежит в основе самых разнообразных форм человеческой активности: обучения, выработки навыков, явления интуиции, в процессе научного и художественного творчества¹.

Другая ошибка Фрейда и его последователей заключается в том, что они не просто придают большое значение бессознательным процессам в душевной жизни человека, какое эти процессы действительно имеют, а *гипертрофировали роль бессознательного* вообще, сексуальных влечений в особенности. Фрейд настолько увлекся проблемой бессознательного, что склонен был свести к нему всю психику: «Все душевные процессы по существу бессознательны, сознательные процессы являются только отдельными проявлениями всей нашей душевной деятельности»².

Эти положения фрейдизма находятся в явном противоречии с данными науки. Человек — прежде всего сознательное существо: не только мышление, но и эмоции его пронизаны сознанием. Конечно, в момент, когда он бросается на помощь другому, спасает утопающего, вытаскивает ребенка из огня, рискуя собственной жизнью, человек не думает о значимости своего поступка, не рассчитывает, не обобщает, не размышляет — он действует мгновенно, под влиянием эмоций. Но сами эти эмоции исторически сформировались на почве коллективистских навыков, разумных стремлений, трудовой взаимопомощи. Под эмоциональным порывом, казалось бы безотчетным, лежат глубокие пласты «снятой» сознательной жизни.

---

¹ Ф. В. Бассин. Проблема бессознательного М., 1968.

² З. Фрейд. Лекции по введению в психоанализ, т. I. М., 1923, с. 28.

Ошибки Фрейда — не в постановке проблем, а в способе их решения. Его концепция является примером того, как применение ложной методологии извращает обобщение и трактовку самих фактов.

СТРУКТУРА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Бессознательное как психическое явление характеризуется не просто негативно в смысле чего-то неосознанного (скрытого в данный момент, но способного в известных условиях выявиться в сознании или обреченного оставаться навсегда невыявленным). Оно имеет и *позитивную* характеристику: это специфическое отражение действительности, выражение потребностей организма и переживание определенной модальности, оно способно к различению, выбору, угадыванию, творчеству.

Бессознательное не аморфно. Оно имеет *структуру*, элементы которой связаны как между собой, так и с сознанием и действием, оказывая влияние на них и в свою очередь испытывая их влияние на себе.

Рассмотрим последовательно некоторые структурные компоненты бессознательного. Начнем с *ощущений*. Мы ощущаем все, что воздействует на нас. Но далеко не все становится при этом фактом сознания. Возможно образование условных рефлексов на различные раздражения внутренних органов, которые доходят до коры головного мозга, но не превращаются в ощущение как таковое, оказывая, однако, влияние на поведение организма. Существуют подсознательные ощущения. Интересное исследование подсознательных зрительных ощущений проводилось с помощью так называемой малой экспозиции при показе рисунков с последующим воспроизведением виденного, а также путем демонстрации кинокадров, куда была вмонтирована рекламная пленка. При просмотре кинокартины зритель не мог видеть рекламируемого на пленке мыла, слишком велика была частота кадров. Но после просмотра картины немалое число людей покупало именно это мыло.

Получая одновременно множество впечатлений, люди легко упускают из виду некоторые из них. Передвигаясь по улице, мы видим огромное число событий, слышим множество звуков, которые ориентируют нас в потоке уличного движения. Но мы фиксируем на них внимание лишь в случае какого-то затруднения или необычности. Бесчисленное множество вещей, явлений, свойств и отношений, существуя объективно и постоянно «мозоля» нам глаза, не осознаются нами. Если бы на каждое воздействие человек должен был реагировать осознанно, он не справился бы с подобной задачей, будучи не в состоянии мгновенно переключаться с одного воздействия на другое или держать в фокусе своего внимания практически бесчисленные раздражители. К счастью, мы обладаем способностью отключаться от одних воздействий и сосредоточиваться на других, вовсе не замечая третьих.

Деятельность человека в обычных условиях является сознательной. Вместе с тем отдельные ее элементы осуществляются бессознательно или

полубессознательно, *автоматизирование*. Просыпаясь утром, мы машинально производим длинный ряд действий — одеваемся, умываемся, едим, пьем чай и др. В жизни у человека формируются сложные привычки, навыки и умения, в которых сознание одновременно и присутствует и отсутствует, оставаясь как бы нейтральным. Любое автоматизированное действие носит неосознанный характер, хотя не всякое неосознанное действие является автоматизированным.

Свидригайлов из «Преступления и наказания» Достоевского назначает свидание Раскольникову в определенный час в трактире на Забалканском проспекте. Два дня после этого Раскольников ходит, погруженный в страшные глубины своего духа, ничего не помня ни о месте свидания, ни об его часе. Но вот, бродя по Сенной, он почему-то вдруг видит Свидригайлова в окне трактира. По этому поводу Свидригайлов говорит: «А насчет чуда скажу вам, что вы, кажется, эти последние два-три дня проспали. Я вам сам назначил этот трактир и никакого тут чуда не было, что вы прямо пришли; сам растолковал всю дорогу, рассказал место, где он стоит, и часы, в которые можно меня здесь застать. Помните?» — «Забыл», — отвечал с удивлением Раскольников. — «Верю. Два раза я вам говорил. Адрес отчеканился у вас в памяти механически. Вы и повернули сюда механически, а между тем строго по адресу, сами того не зная. Я, и говоря-то вам тогда, не надеялся, что вы меня поняли»¹.

Сознательная деятельность индивида возможна лишь при условии, когда максимальное число ее элементов осуществляется автоматически. Полностью сосредоточить внимание на содержании, например, в устной речи может лишь тот, у кого выработался автоматизм самого процесса произнесения речи. Для того чтобы творчески исполнять музыку, надо иметь хорошие навыки игры на музыкальных инструментах. Изучение различных видов автоматизма показало, что он далек от простой машиннообразности, поскольку ему присуща способность перестраиваться «на ходу». Вместе с тем в психической деятельности имеются уровни, неперебиваемые в область автоматизма. Например, нельзя свести к автоматизму весь процесс игры на каком-либо музыкальном инструменте.

Автоматизация различных функций составляет существенную и необходимую особенность многих психических процессов (процесс мышления, восприятия, речи, запоминания, практических операций и пр.). Их нарушение может парализовать, извратить нормальное течение психических процессов. Автоматизмы оттачивают и облегчают различные виды деятельности, в ряде умственных и практических действий обслуживают высшие формы сознательной деятельности. Механизмы психической автоматизации избавляют сознание от постоянного наблюдения и ненужного контроля над каждым фрагментом действия.

По словам Гегеля, когда мы учимся читать и писать, всякая буква и всякая черта составляют очень заметное представление, когда же путем

---

¹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 5. М., 1957, с. 486–487.

продолжительных упражнений мы вполне научимся читать и писать, мы замечаем лишь целое, а не единичное. Привычка распространяется на все виды деятельности, в том числе и на мышление. В бессознательных действиях наше сознание присутствует, но оно не проявляет пристальности своего внимания за всеми деталями действия, а следит лишь за общей картиной. Вместе с тем сознание, осуществляя как бы суммарное самонаблюдение, в любое мгновение может взять под контроль автоматизированное действие, остановить его, ускорить или замедлить. Но гипертрофированный самоконтроль может привести к дезорганизации нормального хода деятельности, к психастеническим сомнениям, страхам, мучительной нерешительности, нарушению гладкости речи и пр. Опережающее опасение, например не подведет ли память на экзамене, может привести к забыванию нужного материала. Недоверие к своим возможностям может помешать их реализации.

Мысль, что за идущим неотступно наблюдают, может привести к нарушению походки. «...Стоит только думать во время ходьбы о каждом моменте движения, и ходьба становится несвободной и натянутой»¹. Возникает психогенная скованность движений.

Как глубокий психолог, Л.Н.Толстой тонко описал это в романе «Анна Каренина». Левин косил и «чаще и чаще приходили то минуты бессознательного состояния, когда можно было не думать о том, что делаешь. Коса резала сама собой... В середине его работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко, и в эти же самые минуты ряд его выходил почти так же ровен и хорош, как и у Тита. Но только что он вспоминал о том, что он делает, и начинал стараться сделать лучше, тотчас же он испытывал всю тяжесть труда и ряд выходил дурен»². Нередко некоторые болезненные состояния проявляются в излишнем вмешательстве сознания в автоматизированные или вообще подсознательные действия³. Образно-символическим выражением этого является мудрая сказка Оскара Уайльда о сороконожке, которую спросили, как она ходит. Она задумалась и... перестала ходить.

Бессознательное проявляется и в так называемых *импульсивных действиях*, когда человек не дает себе отчета в последствиях своих поступков.

Человеческая деятельность сознательна в отношении тех результатов, которые первоначально существовали в замысле, намерении как цель. Но далеко не все последствия поступков являются адекватной реализацией намерения, благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают. Поступок в качестве положенной во внешнее бытие цели отдается во власть внешним силам, которые приводят с ним в связь нечто совершенно

---

¹ Пьер Жане. Психический автоматизм. М., 1931, с. 2.

² Л. Н. Толстой. Собр. соч. в двадцати томах, т. 8. М., 1963, с. 296, 297.

³ См. А. А. Меграбян. О природе индивидуального сознания. Ереван, 1959.

другое, чем то, что он есть сам по себе, и заставляют его катиться дальше, переходить в отдаленные, нередко чуждые ему последствия.

Бессознательное находит свое проявление и в *информации*, которая накапливается в течение всей жизни в качестве *опыта* и оседает в памяти. Из всей суммы имеющихся знаний в каждый данный момент в фокусе сознания светится лишь небольшая их доля. О некоторых хранящихся в мозгу сведениях люди даже и не подозревают. В регулировании поведения человека играют немаловажную роль многие впечатления, полученные в раннем детстве и прочно осевшие в глубинах неосознанной психики.

Кардинальной формой проявления бессознательного является *установка*. Этот психический феномен, направляющий течение мыслей и чувств личности, обстоятельно изучен грузинской школой психологов¹. Установка представляет собой целостное состояние человека, выражающее динамическую определенность психической жизни, направленность личности на активность в каком-либо виде деятельности, общее предрасположение к действию, устойчивую ориентацию по отношению к определенным объектам. Устойчивая ориентация к объекту сохраняется, поскольку ожидания оправдываются. Человек, очевидно, перестал бы остерегаться волка, если бы при каждой встрече с ним волк ласково вилял хвостом у его ног. Если у человека плохая репутация, то даже самые повинные его поступки вызывают подозрение. Иногда установка принимает негибкий, чрезвычайно устойчивый, болезненно навязчивый характер, именуемый *фиксацией*. Человек может испытывать непреодолимый страх перед мышью, осознавая всю нелепость этого чувства.

Богатейшей сферой бессознательной душевной жизни является иллюзорный *мир сновидений*, в котором картины реальности, как правило, разорваны, не сцеплены звеньями логики. С философско-психологической точки зрения сон выступает как временная потеря человеком чувства своего собственного бытия в мире. Сон есть то состояние, когда человек не осознает входящее в его духовный мир содержание, когда он ничего не знает о внешнем мире: он уходит от мира и как бы отстраняет от себя его раздражения. Психологической целью сна является отдых.

Известно, что загипнотизированный человек какое-то время удерживает под порогом своего сознания весьма сложные инструкции и реализует их, если наступают те объективные условия, при которых они по указанию гипнотизера должны быть выполнены. Некоторые люди обладают способностью обучаться во сне, причем такую способность можно развивать путем самовнушения и внушения в состоянии бодрствования, а также с помощью гипнотического внушения. Это явление именуется *гипнопедией*, с

---

¹ См. Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961; А. Т. Бочаршвили. Проблема бессознательного в психологии. Тбилиси, 1961; А. Шерозия. К проблеме сознания и бессознательного психического. Тбилиси, 1969; Ш. Н. Чхортишвили. Проблема бессознательного в советской психологии. Тбилиси, 1966.

помощью которой неоднократно пытались обучать людей, например, иностранным языкам.

*Спиркин А. Г. Сознание и самосознание.
М., Политиздат, 1972, с. 170–190*

К критике методологических основ фрейдизма, неофрейдизма и психосоматической медицины

Г. Х. Шингаров

С точки зрения критики современной буржуазной идеологии фрейдизм и его различные разновидности представляют для нас несомненный интерес. И этот интерес определяется не только тем, что по своей идеологической направленности и в своих методологических принципах фрейдизм несовместим с марксистско-ленинской теорией, но и потому, что в настоящее время он находит все большее распространение на западе не только среди деятелей медицины и здравоохранения, но и среди представителей других наук и культуры. Фрейдизм является одним из основных идеологических течений, при помощи которого делаются бесчисленные попытки ревизии марксизма, его «дополнения», «исправления», «гуманизации» и т.д.

В руках многих антикоммунистов фрейдизм является орудием первостепенной важности. Достаточно в этом отношении вспомнить попытки «творческого преодоления» «односторонности» К.Маркса и З.Фрейда для их «плодотворного синтеза» в работах Э.Фромма, Маркузе, Ж.П.Сартра и т.д. В настоящее время психоанализ — это не только метод изучения и лечения отдельного индивида, но и метод «изучения» и «лечения» общества как социального целого от всех его недугов.

В то же самое время надо отметить, что все современные последователи З. Фрейда начинают с критики фрейдизма и, отправляясь от своей «критической точки зрения», приходят к «подтверждению» основных положений классического фрейдизма.

Это явление определяется прежде всего тем, что в основе всех этих концепций лежит психоаналитический метод Фрейда. А для интерпретации явлений, полученных при помощи психоаналитического метода, нет другой теории, кроме метапсихологии Фрейда. В данной статье мы попытаемся показать внутреннюю взаимосвязь между методом познания и теорией фрейдизма и показать их научную несостоятельность как особого типа познания действительности с точки зрения современного развития науки.

ПСИХОАНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО, ЛИЧНОСТИ И ПРИЧИН ЗАБОЛЕВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Очень часто понятия «фрейдизм» и «психоанализ» употребляются как синонимы. Однако это отождествление понятий не соответствует их содержанию и не дает возможности разобраться в логической структуре самого фрейдизма и взаимоотношений классического фрейдизма и современных его модификаций.

Психоанализ как направление в современной буржуазной психологии, медицине, педагогике, искусствоведении, историографии и ряде других областей человеческого познания характеризуется не изучаемым им предметом, а методом, техникой, при помощи которой он изучает свой предмет.

«Психоанализ как наука, — пишет З.Фрейд, — характеризует не разрабатываемый им предмет, а техника, при помощи которой он работает. Не насилуя его сущности, психоанализ можно применять с таким же успехом к истории культур, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах. Цель у него только одна — открыть бессознательное в душевной жизни»¹. Психоанализ как метод изучения психической деятельности человека вырос из врачебной практики венского психоневролога З. Фрейда и первоначально сводился к изучению и лечению неврозов, но впоследствии как метод исследования и теоретических построений он стал применяться далеко за пределами медицины: в области истории культуры, религии, мифологии, искусства, морали и т.д. Проблема «бессознательного» для психологии XIX века была не новой. Многие крупные психологи и философы до Фрейда пытались подойти к ее решению. З. Фрейд обратился к ней не из чисто академического интереса, а из некоторых реальных проблем, стоящих перед медицинской практикой.

При этом он хорошо понимал, что методы и средства изучения «бессознательного» в психологии того времени для фактического изучения реально стоящей проблемы малопригодны. Поэтому З. Фрейд искал новые подходы.

Психотерапевтическая практика З. Фрейда подсказывала ему некоторые пути для исследования этой малоизученной области человеческой психики.

Еще первые наблюдения Брейера показывали некоторую определенную взаимосвязь между неотреагированными аффектами и характером клинических симптомов. Впоследствии З.Фрейд стал рассматривать символическую связь между клиническими симптомами и событиями, их вызывающими, как раскрытие содержания «бессознательного» в человеческой психике. Раскрывая связь симптома со скрывающимися за ним «бессознательными» процессами, З. Фрейд пытался объяснить причину симптома, его приспособительное значение для личности. В этом заключается «смысл» симптома. Эта трактовка сущности симптомов

---

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1922, т. 2, с. 177.

психоанализом имеет важнейшее значение для понимания сущности и критики многих концепций современной психосоматической медицины. «Под понятием “смысл симптома”, — пишет З. Фрейд, — мы объединили двоякого рода представления: откуда он берется и куда, к чему он ведет, то есть впечатления и переживания, которые его порождают, и цели, которым он служит.

Вопрос, откуда берется симптом, разъясняется впечатлениями, бывшими сначала сознательными и ставшими впоследствии, благодаря забвению, бессознательными. Цель симптома, его тенденция представляют из себя каждый раз эндопсихический процесс, который, может быть, сперва был сознаваем, но не менее вероятно, что он никогда и не был в сознании и оставался бессознательным... причина зависимости симптома от бессознательного заключается в цели его тенденции, которая с самого начала может быть бессознательна...»¹. Цель образования любого симптома, как и отдельных заболеваний, для З. Фрейда состоит в «бегстве» от действительности, в замене реально существующей действительности иллюзорной, выросшей из преобразования внутренних психических процессов человека. Здоровые люди удовлетворяют, как правило, свои инстинкты изменением действительности и, таким образом, происходит нормальное проявление бессознательных процессов в сознании. У больного нет такой возможности. Реальная действительность для сознания больного должна быть заменена чем-то другим. Такой заменой действительности является симптом. Отсюда проистекают и задачи психоаналитической терапии: обратный путь от симптома к явлению, символом которого он является, выявление в сознании бессознательной причины патологического процесса (катарсис).

Символическую связь симптомов с бессознательными процессами, способ возникновения и лечения невротических симптомов З. Фрейд описывает следующим образом. «Образование симптомов, — пишет он, — представляет из себя замену чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы должны были бы нормальным образом развиваться так, чтобы они стали известны сознанию. Но этого не случилось, но зато из прерванных и каким-то образом нарушенных процессов, вынужденных остаться бессознательными, произошел симптом. Случилось как бы нечто вроде замены; если удастся восстановить то, что было до замены, то вместе с этим терапия невротических симптомов и разрешит свою задачу»². Толкование смысла симптома (открытие его причины и его цели) явилось одним из путей анализа «глубокой», «скрытой» сущности бессознательного и человеческой личности вообще.

Другим путем достижения этой цели было толкование сновидений. Снотолкование для З. Фрейда имело первостепенное значение для проникновения в тайну «бессознательного». «Снотолкование, — пишет он,

---

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ». М., 1922, т. 2, с. 74.

² Там же, с. 69–70.

— есть *via regia* к познанию бессознательного, самое верное основание психоанализа и та область, в которой всякий работник должен получить свою убежденность и свое образование. Когда меня спрашивают, как можно сделаться психоаналитиком, я всегда отвечаю: с помощью изучения своих собственных снов»¹. Толкование сновидений имеет своей целью раскрытие символической связи явного содержания сна с каким-либо бессознательным процессом. Явное содержание сна, которое человек вспоминает при пробуждении, согласно Фрейду, можно определить как замаскированное выполнение вытесненных желаний.

Большое значение в изучении бессознательного З.Фрейд придавал методу свободных ассоциаций. При помощи этого метода, как он считает, можно открыть как причину заболеваний, так и движущие силы человеческой личности.

Когда хотят подчеркнуть «строго научный» подход З.Фрейда к изучаемым явлениям, то обычно указывают на тот факт, что З.Фрейд всегда пытался объяснить причину, найти смысл даже таких бессмысленных явлений психической деятельности человека, как оговорки, ошибки, опуски и произвольных действий. Толкование смысла этих явлений являлось для З.Фрейда одним из подходов раскрытия содержания принципов деятельности бессознательного. Однако, как увидим в дальнейшем изложении, это совсем не является доказательством детерминистического, научного подхода в изучении явлений человеческой психической деятельности.

Другим видом подхода к изучению бессознательного является так называемый *перенос*.

Особенно важным для исследования бессознательного и человеческой творческой деятельности способом анализа является фрейдовское понятие о *сублимации*. Он считал, что при его помощи можно понять и вывести все человеческое творчество из биологических инстинктов, составляющих содержание бессознательного. Сущность сублимации и ее значение для возникновения патологических процессов и сохранения здоровья человека (защитных сил Я) З. Фрейд описывает следующим образом: «Далее, частные влечения сексуальности, так же составленные из них сексуальные побуждения, обладают большой способностью менять свой объект, заменять его другим, в том числе и таким, которого легче достигнуть: это способность передвигаться и готовность принимать суррогаты должна сильно противодействовать патогенному влиянию «несостоятельности». Из числа этих процессов, защищающих от заболевания вследствие лишения, один приобрел особенно большое культурное значение. Он состоит в том, что сексуальное побуждение отказывается от своей цели, состоящей в получении наслаждения от удовлетворения частичного влечения или удовлетворения влечения к продолжению рода, и ставит себе другую цель, имеющую только генетическую связь с той, от которой пришлось отказаться, но само по себе

---

¹ Фрейд З. О психоанализе. М., 1913, с. 36.

уже не сексуальную, а заслуживающую названия социальной. Этот процесс мы называем «сублимированием»¹.

Очень часто и совершенно неправильно идеи «саногенного», «очищающего», защитного значения человеческой творческой деятельности связывают исключительно с именем З. Фрейда. Как значение творческой деятельности для здоровья человека, так и механизмы ее плодотворного действия на нормальную психическую деятельность практически были известны и теоретически осознаны задолго до появления фрейдизма. В этом отношении достаточно вспомнить о соответствующих работах Аристотеля, Канта, Гегеля и Брейера. Достаточно полное описание этого явления дал в свое время Гегель. Созерцание, осознание, объективирование внутренних тяжелых переживаний составляют основу процесса защиты Я. При этом человек превращает нечто внутреннее и не поддающееся его непосредственному контролю в нечто внешнее, чуждое, и тем самым в той или другой степени безразличное ему. Особенно Гегель подчеркивал роль искусства в этом отношении. «И если даже искусство, — пишет он, — ограничивается изображением страстей для созерцания, если даже оно льстит им, то уже и в этом заключена смягчающая сила; этим доводится до сознания человека то, что он *представляет собой* непосредственно. Теперь человек созерцает свои влечения и склонности, и, в то время как раньше он поддавался им без всякого размышления, теперь он видит их вне себя и уже начинает освобождаться от них, так как они противостоят ему как нечто объективное.

Поэтому часто художник, одолеваемый печалью, смягчает и ослабляет для себя интенсивность своего чувства тем, что изображает его... Смягчение силы страстей имеет своей общей причиной то обстоятельство, что человек избавляется от непосредственной зависимости от какого-либо чувства и начинает сознавать это чувство как нечто внешнее ему, как то, к чему следует относиться теперь мысленно, идеально. Искусство своими изображениями освобождает в пределах чувствительной сферы от власти чувственности»².

Эту длинную цитату мы приводим для того, чтобы показать, что заслуга Фрейда в постановке и даже способе решения проблемы значения творчества для защиты Я от бессознательных импульсов по сути дела мало отличались от имеющихся до него в истории философии. Его заслугой является то, что он понимал эту творческую деятельность человека как замену, «сублимацию», сексуальных влечений. И его заслугой является еще и то, что как его последователи, так и его критики не знают или не хотят знать о достижениях истории человеческой мысли и все положительное в этом отношении приписывается З.Фрейду. Поэтому иногда получается странное зрелище при критике фрейдизма. Вначале приписывают З.Фрейду все

---

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1942, т. 2, с. 135–136.

² Гегель. Эстетика. М., 1968, т. 1, с. 54–55. См. также: Гегель. Сочинения. М., 1956, т. 3, с. 121–125 и с. 248.

ценное, что было достигнуто до него в этой области, а потом в порядке «добросовестной критики» отмечают «эти его заслуги».

Раскрытие смысла всех отмеченных выше проявлений психической деятельности (симптом, сновидения, свободные ассоциации, ошибки, описки, оговорки, перенесение и сублимация) является как бы «окошком», «фистулой», при помощи которой психоаналитик заглядывает и проникает в сущность бессознательного. Весь смысл психоанализа и заключается в раскрытии символической связи этих явлений с когда-то вытесненными представлениями и переживаниями. Однако между наблюдаемыми явлениями и бессознательными процессами, служащими их причиной, нет непосредственной однозначной связи. Эту связь психоаналитик должен еще отыскать, он должен истолковать смысл наблюдаемого явления с точки зрения какой-то общей схемы, общего представления. Когда начинается это толкование, психоаналитический метод перерастает в теорию, психоанализ превращается в метапсихологию З. Фрейда. Между методом психоанализа и метапсихологической теорией З. Фрейда существует глубокая и неразрывная внутренняя связь и это ярче всего показывают результаты, к которым приходят «реформаторы», «обновители», «социологизаторы» фрейдизма. Приняв психоаналитический метод, они не могут выйти за пределы основных концепций «глубинной» метапсихологии З. Фрейда, и, наоборот, приняв основные положения теории, для них нет другого способа изучения психических и социальных явлений, кроме психоанализа.

НАУЧНАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ З. ФРЕЙДА

Как уже отметили, З. Фрейд пытался найти связь между патологическими явлениями и их бессознательными причинами с точки зрения понимания психики как целостного образования со своей внутренней структурой и движущими силами. В этом заключается смысл метапсихологической теории З. Фрейда. «Мы знаем, — пишет он, — что при описании психических феноменов мы постепенно дошли до выявления, помимо динамической и топической, еще третьей, *экономической* точки зрения, стремящейся к тому, чтобы проследить судьбы количеств возбуждений и получить возможность, по крайней мере, относительно их оценивать. Мы найдем нужным обозначать особым названием точку зрения, являющуюся завершением психоаналитического исследования. Я предлагаю назвать метапсихологическим такое описание психического процесса, при котором нам удастся описать этот процесс *в динамическом, топическом и экономическом отношениях*»¹.

Возникновение и формирование метапсихологии З. Фрейда имеет свою эволюцию и логику становления. Общая тенденция этого развития заключается в движении от объяснения патологических симптомов непосред-

---

¹ Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923, с. 139–140.

ственно наблюдаемыми причинами к их пониманию, как проявления давно пройденных этапов в развитии человечества и отдельной человеческой личности в раннем детском возрасте (до 3–4 лет). Все нормальные и патологические проявления человеческой психики З. Фрейд описывает при помощи определенных понятий и с позиций понимания психики как структурированного целого с определенными динамическими взаимоотношениями между его частями. Согласно своему *топическому* принципу, З. Фрейд делит всю человеческую психику на три основных области: система бессознательного, система предсознательного и система сознания. Между ними существуют сложные взаимоотношения, но ведущую роль играет бессознательное. Согласно «динамическому» принципу, психика делится на Оно, Я и Сверх-Я.

Содержание бессознательного состоит из психических коррелятов биологических инстинктов. Оно характеризуется такими моментами, как: 1) отсутствие противоречий, 2) независимость от времени, 3) свое подчинение принципу удовольствия и 4) прежде всего свое символическое проявление, причем отдельные представления и переживания обладают способностью «сгущаться» и «замещать» друг друга. Они обладают большим энергетическим зарядом. «...*Отсутствие противоречия, первичный процесс* (подвижность активной силы), течение вне времени и замена внешней реальности психической — таковы признаки, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе бессознательного»¹.

Система Оно, так же как и «бессознательное», содержит в себе все бессознательные влечения. Значительную роль играет комплекс Эдипа. Оно является самой глубокой, неосознаваемой энергетической и направляющей основой человеческой личности. При помощи Сверх-Я оформляются социальные и моральные нормы и ограничения.

Энергетическим, движущим моментом всей психической деятельности человека является либидо. Либидо проходит несколько стадий своего развития и в зависимости от того, на какой стадии останавливается это развитие, определяется как сущность человеческой личности, так и характер патологии.

В своем развитии либидо проходит два основных периода: раннедетской и зрелой сексуальности. В раннедетской сексуальности З. Фрейд различает следующие фазы: 1) орально-каннибалистский, 2) анально-садистский и 3) фаллический.

Развитие либидо может задержаться на любой из этих фаз, и, таким образом, формируются различные характерологические особенности человека, патологические наклонности и болезненные симптомы. Возможен и процесс обратного развития либидо от более высших к более низким фазам — регрессия. Либидинозная энергия может быть направлена на внешний мир, объект, осуществляя связь с этим миром, и на Я («нарциссизм»).

---

¹ Там же, с. 145.

Сущность любого заболевания, согласно метапсихологическим представлениям, определяется взаимоотношением и взаимодействием между различными образованиями психики и способом вытеснения инстинктов из сознания. И сущность психоаналитического метода изучения больной и здоровой психики направлена на выяснение того, как взаимодействуют между собой отдельные системы психики и на какую из них направлена энергия либидо. Причинами заболеваний, находящимися за пределами этой замкнутой системы, З. Фрейд не интересуется. Для него имеет значение только раннее развитие психики, когда складывается ее структура и психоанализ должен открыть, как происходило формирование этой структуры и к каким фазам развития она возвращается при психических заболеваниях. При объяснении происхождения различных видов заболеваний З.Фрейд ищет три вида этиологических факторов: 1) условия, 2) провоцирующие, «дополнительные причины» и 3) специфические причины. Основную причину различных заболеваний З. Фрейд видит в расстройстве «экономики психической энергии» в зависимости от развития либидо. Так, например, для возникновения истерии страха решающую роль играет появление нежного эротического отношения к отцу с усиленным желанием идентификации с ним. В силу своего амбивалентного, то есть противоречиводвойственного, характера оно легко пробуждает кастрационный страх и чувство вины. Первоначально связанная с образом отца опасность за Я в дальнейшем вытесняется. Впоследствии образ отца заменяется каким-либо внешним объектом и внутренний страх переносится во внешний мир. Истерия страха возникает прежде всего у лиц с фаллической структурой характера.

При маниакально-депрессивном психозе, как считает З.Фрейд, бессознательный конфликт разыгрывается между Сверх-Я и Я. Этот конфликт возникает как следствие потери какого-либо до этого любимого внешнего объекта, с которым Я отождествлял себя, и поэтому привлекает к себе разрушительные и садистские порывы Сверх-Я, направленные на причинивший разочарование и огорчение внешний объект. Освобожденное, вовне направленное до этого либидо превращается в нарциссическое и приводит к регрессии, возврату более низших стадий развития. Направленная на Я враждебность Сверх-Я переживается как бред виновности, появляется стремление к самонаказанию и к самоунижению. В то время как при неврозах меняется отношение либидо к внешнему миру, при психозах происходит отход либидо от внешнего мира и его направление на Я.

З.Фрейд пытается объяснить сущность шизофрении противоположностью между Я и объектом. При так называемых неврозах перенесения (истерии страха и конверсионной истерии, неврозе навязчивости) нет ничего подобного. Поскольку при неврозе субъект не может овладеть предметом, то это приводит его к отказу от реального объекта и отнятое у реального объекта либидо возвращается к воображаемому объекту и дальше к вытесненному. Но привязанность к объектам вообще удерживается при этих болезнях с большой энергией. «При

шизофрении, — пишет З. Фрейд, — мы вынуждены были остановиться на предположении, что после процесса вытеснения, отнятое у объектов, либидо не ищет нового объекта, что в данном случае, следовательно, привязанность к объектам прекращается и снова восстанавливается примитивное состояние нарциссизма, при котором нет объектов»¹.

Таким образом, ясно, что сущность всех заболеваний, которые изучал З. Фрейд, он объясняет внутриспсихическими причинами, развитием и направленностью либидо на внутреннюю структуру психики или на внешний мир. Из этой общей схемы и принципиального подхода в понимании сущности личности, жизни общества и патология человека исходят и все неотрейдисты в своих теоретических построениях.

ПСИХОАНАЛИЗ И МЕТАПСИХОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НЕОФРЕЙДИЗМА

Как правило, все попытки «реформации», «социологизации», «творческого доразвития» фрейдизма сводятся к замене некоторых из его положений другими, более приемлемыми с точки зрения научных данных и здравого смысла. Основные усилия направлены прежде всего на замену фрейдовского комплекса Эдипа и чисто биологического понимания бессознательного. Эта тенденция ведет свое начало от Юнга и Адлера и является характерной и для современных неотрейдистов.

Одной из разновидностей неотрейдизма является так называемый «культурный» неотрейдизм. Главным его представителем является К.Хорни. Основным в ее критике фрейдизма является отрицание ведущей роли биологически врожденных инстинктов и признание ведущей роли общественной среды как для формирования характера человека, так и для появления его болезней. «Когда в 1932 г., — пишет она, — я приехала в США, я увидела, что неврозы и сам склад людей в этой стране во многом отличаются от того, что я наблюдала в европейских странах, и поняла, что это нужно объяснить только разницей цивилизации»².

К.Хорни обвиняет З.Фрейда в том, что он, пользуясь мнимобиологической терминологией, придает своим наблюдениям универсальный характер и не может понять, что нормы поведения, взгляды и чувства людей всегда характерны только для определенной «культуры, эпохи, класса и пола». Когда психоаналитик осознает всю важность «культурных условий» для возникновения неврозов, подчеркивает К.Хорни, биологические и анатомические условия, которые З.Фрейд считал основной причиной патологических явлений, отступают на задний план. Она особенно нападает на такие понятия метапсихологии З.Фрейда, как либидо, эдипов комплекс, инстинкт смерти и агрессии, определяющая роль детства с его инфантильно-сексуальными фазами (анальной, оральной и генитальной),

---

¹ Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923, с. 152.

² Horney K. Our inner conflicts. New York, 1937, p. 12.

фиксация, регрессия, нарциссизм и др. К.Хорни уделяет особенно большое внимание теории либидо, так как с ее помощью З.Фрейд не только распространяет понятие секса на все приятные ощущения, но, что более важно, выводит из нее все черты характера, склонности и особенности личности и причины ее патологии. Она подвергает также критике понимание З.Фрейдом психологических и гносеологических особенностей бессознательного. В позитивной части своей работы на место фрейдовского либидо и агрессивных инстинктивных стремлений К.Хорни ставит два основных побуждения, которые имеют частично врожденный, а частично приобретенный характер, то есть являются сочетанием биологического и социального, или, как она выражается, культурного фактора.

Эти два влечения — стремление к безопасности и стремление к удовлетворению имеют эмоционально-бессознательный характер. Принимая стремление к безопасности и удовлетворению как первооснову человеческой психики, К. Хорни в дальнейшем для выведения из них всей картины человеческой психики и причины ее болезней прибегает к основным постулатам метапсихологии З. Фрейда. Основную роль для нее играет фрейдовское понятие «вытеснение». Она определяет «вытеснение» как «вытаскивание из сознания аффекта или импульса», при котором подавленный аффект или импульс сохраняет свою энергию, как и до вытеснения.

Это понимание сущности «основной механики» психической деятельности человека показывает, что вследствие «реформы» фрейдизма К. Хорни в его основных положениях ничего не изменилось. Все сводится к замене фрейдовских бессознательных инстинктов борющимися между собой стремлениями к безопасности и удовлетворению, конфликт между которыми вызывает их подавление.

Поведение для К.Хорни является как бы первой стадией вытеснения. Для полного вытеснения из сознания и поведения неприемлемых стремлений требуются еще различные защитные механизмы Я, которые К.Хорни заимствует у А.Фрейда. Эти защитные механизмы — формирование реакций и проецирование. Защитные механизмы служат окольными путями, по которым подавленные импульсы, потребности, чувства проникают в сознание, но в сильно замаскированной форме. Другими окольными путями со своими формами маскировки являются непреднамеренные действия и выражения, сны, перенесения, фантазии и бессознательные ассоциации. На этих обходных путях, по которым подавленные импульсы проникают в сознание, маскировку обеспечивают символика и образы, которые служат обозначением какой-то потребности или импульса. Все это ясно показывает, что острая критика основных положений фрейдизма не приводит у К. Хорни к созданию новой, отличной по своей сущности от фрейдизма концепции. Вся концепция К. Хорни укладывается в логической схеме метапсихологии З. Фрейда и лишней раз показывает, что, принимая психоанализ как метод изучения человеческой психики и патологии, никакая критика биологизаторских тенденций фрейдизма не в состоянии вывести за рамки

общелогической метапсихологической схемы. Один и тот же метод познания непременно приводит к одним и тем же теоретическим построениям.

Такая же судьба постигла и другого виднейшего неофрейдиста Э.Фромма, о теоретических и политических взглядах которого говорилось в предыдущей статье.

Одной из самых характерных особенностей неофрейдистского варианта психоанализа Э.Фромма является его попытка использовать некоторые основные понятия политической экономики К. Маркса для «реконструкции» психоанализа З. Фрейда. С целью такой «реконструкции» Э.Фромм исходит из исторического факта, что человеческие характеры и типы заболеваний эпохи монополистического капитализма существенно отличаются от характеров людей XIX века, тем более эпохи раннего капитализма. На место врожденных и унаследованных от первобытной орды биологических инстинктов и эдипова комплекса Фромм ставит чувства и эмоции, порожденные классовой сущностью капитализма. На этом пути он пытается «реформировать» и «социологизировать» фрейдизм. Какие чувства лежат в основе всего психического уклада человека эпохи капитализма, откуда они берутся и как они определяют поведение человека, его взгляды, болезни и структуру социального целого, в котором человек живет? Вокруг этих вопросов построен фроммовский вариант психоанализа.

Для открытия основных движущих сил человеческой психики Э.Фромм ссылается на один из принципов исторического материализма, согласно которому в классовом обществе господствующими идеями являются идеи господствующего класса. Это положение Э.Фромм на свою фрейдистскую манеру переносит из сферы идей в сферу человеческих чувств и эмоций и утверждает, что господствующими в капиталистическом мире (как для капиталистов и пролетариев, так и для средних прослоек) являются якобы чувства одиночества, беспомощности и тревоги. Причиной возникновения этих чувств является отчуждение, которое Э.Фромм понимает как отрыв человека от орудий труда, природного сырья, от своих собратьев и, наконец, от самого себя. Все это — товар, предназначенный для продажи. Отчуждение привело к так называемой негативной свободе, к свободе от вещей, от других людей и от самого себя. Такая свобода не приносит ничего хорошего для человека, а лишь усугубляет чувства неуверенности, бессилия, одиночества и тревоги. Монополистический капитализм выступает в роли колоссального чудовища, перед лицом которого все слои населения, кроме монополистов, оказываются запуганными, терроризированными и ничтожными. Куда бы ни глянул человек этого мира — всюду тупик, безнадежность и нет выхода из этой прочной и безжалостной ловушки. Вот это положение человека в капиталистическом обществе создает в нем чувства, которые заменяют фрейдовские биологические инстинкты и определяют механизмы развития человеческой личности и возникновения человеческой патологии. Возникающие чувства одиночества, бессилия и тревоги автоматически регулируют поведение человека, они возникают не как реакция на внешние

события, а скорее как «дремлющие в личности тенденции, которые, так сказать, только ждут удобного случая для своего выражения»¹.

Для человека капиталистического общества нет другого выхода в его бегстве от негативной свободы, кроме бегства в болезнь. Психологические механизмы этого бегства, согласно Э. Фромму, сводятся к иррациональной насильственно навязанной мотивации. По своей сущности эта мотивация *компульсивна*, то есть она происходит помимо сознания и индивид как бы неповинен в ее последствиях. Нет качественной разницы между психикой здорового и душевнобольного человека. «Феномены, наблюдаемые нами у невротика, — пишет Э.Фромм, — в принципе не отличаются от тех, которые мы находим у нормальных людей... Они только более резко выражены, более отчетливы и зачастую более доступны...»². Взгляды Э.Фромма на соотношение нормальной и больной психики ничем не отличаются от взглядов З.Фрейда. И для того, и для другого это является основой превращения психоанализа в общепсихологическую теорию.

Индивид не может выносить чувства бессилия и одиночества, которые порождает в нем капиталистическое общество, и он должен подавить в себе эти мучительные чувства, он должен изгнать их за порог сознания и в то же время создать им замену и организовать защиту против них. Подавление рождаемых капитализмом невыносимых переживаний — это первый насильственно мотивированный акт. Далее следует выработка заменителей и средств защиты Я. Способ подавления невыносимых чувств и выработка заменителей и средств защиты Я как психологические механизмы бегства от негативной свободы определяют характер, индивидуальные особенности и болезнь каждого индивида. Для каждого индивида существует свой способ образования компульсивных механизмов, но все способы «бегства от негативной свободы» можно свести к трем основным: мазохизм — садизм, стремление к разрушению и конформизм автомата. Сущность мазохизма — садизма как компульсивного механизма сводится к тому, что охваченный страхом и одиночеством индивид ищет кого-нибудь или что-нибудь, кому или чему он мог бы подчиниться. Такой человек не может больше нести бремя своего отчужденного индивидуального Я и отчаянно пытается, как утверждает Э.Фромм, обрести чувство безопасности ценой отказа от этого измученного, одинокого и бессильного Я.

Мазохитско-садистский механизм заключается в неудержимом стремлении бегства от чувства одиночества и бессилия, путем подчинения себе другого человека и превращения его в беспомощное орудие своей воли, в стремлении сделаться в конце концов для него богом. На основе мазохитско-садистских механизмов Э.Фромм реконструирует эдипов комплекс З.Фрейда. В применении к изучению человеческих характеров мазохитско-садистский механизм Э.Фромма соответствует фрейдовской анальной и оральной структурам, а отсюда и соответствующей патологии.

---

¹ *Fromm E. Escape from Freedom*, p. 180.

² Там же, с. 198.

Вторым компульсивным механизмом является неудержимое стремление к разрушению. Он характеризуется стремлением человека разрушить отчужденный мир и таким образом освободиться от нестерпимого чувства одиночества и беспомощности.

Конформизм автомата — это компульсивный механизм, сущность которого заключается в том, что индивид перестает быть самим собой и принимает тот тип личности, какой ему предлагает общество, в котором он живет. Он становится точно таким же, как и все остальные, и делается тем, кем, по «их» мнению, он должен быть.

Все эти механизмы не исчерпывают сущности человеческой личности, они являются как бы видимым самообманом на пути решения стоящих перед человеком реальных задач. Истинными внутренними двигателями развития человеческой личности и ее болезней являются подавленные чувства и стремления. Единственным средством их открытия и «поднятия» до уровня сознания является психоаналитический метод З. Фрейда, классические фрейдовские технические приемы: свободные ассоциации, толкование сновидений и интерпретация таких явлений, как перенесение и непроизвольные действия. Искусство толкования фрагментов бессознательного включает в себя в качестве главного элемента «перевод», «чтение смысла» бессознательных символов.

И здесь видим, что Э.Фромм не мог вырваться из цепей фрейдистских теоретических спекуляций, так как методом изучения человеческой психики в его работах является психоанализ. Эту закономерную связь перехода метода в теорию мы попытаемся показать и при анализе взглядов некоторых представителей психосоматической медицины.

ФРЕЙДИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Психосоматическая медицина никогда не представляла собой более или менее однородное направление. Как предмет, так и задачи психосоматической медицины до настоящего времени еще не определены. Многие психосоматики считают, что предметом психосоматической медицины являются все человеческие заболевания. Другие считают, что есть специальные психосоматические заболевания, которые изучает эта наука. «Объект психосоматической медицины, — пишет Р.Цанк, — не нов, объект не меняется, меняются средства познания»¹.

Психосоматическое направление имеет, как об этом часто заявляют ее сторонники, множество идейных источников. «Современное психосоматическое движение, — пишет Ж.Деле, — представляет собой единство множества исследований, которые относятся к таким разнородным направлениям, как направление Кеннона, Павлова и Фрейда и дальше к

---

¹ Tzanck R. «Reflexions sur la médecine psychosomatique». Paris, 1964, p. 16.

таким также мало сравнимым направлениям, как направления Селье, Быкова и Александра»¹.

Множество причин привело к возникновению современной психосоматической медицины. Но как сторонники, так и критики этого направления сходятся в том, что психосоматическая медицина явилась результатом реакции на узколокалистическое понимание сущности человеческих заболеваний в клеточной патологии Р.Вирхова.

Эту тенденцию психосоматической медицины Ж.Деле определяет следующим образом: «В целом психосоматическое движение пытается преодолеть медицину органов... в пользу целостной медицины организма»². Вопреки множеству течений в психосоматической медицине, мы вправе говорить о фрейдистской по своей сущности методологической основе современной психосоматической медицины. Это определяется как способом изучения причин ряда заболеваний, так и пониманием множеством ее направлений сущности симптомов различных заболеваний как символов бессознательных процессов, профиля личности. В фундаменте теоретических взглядов многих психосоматиков лежат психоаналитический метод и метапсихологическая теория З.Фрейда.

Широкой популярностью пользуется в современной психосоматической медицине, введенное еще Адлером, понятие о «символическом языке органов». Согласно этой концепции, симптомы болезней являются символами бессознательных мыслей, бессознательное говорит символически при помощи расстройств функций различных органов человеческого тела.

Согласно представлениям психосоматика Шульца-Хенке, например, болезни сердца символизируют страх, болезни кишечника — скупость, болезни желудка — стяжательство, болезни печени — тоску и т.д.

Другой психосоматик Хайер рассматривает рвоту как символ неприемлемости психической ситуации, нарушения пищеварения, как невозможность переварить конфликтную психическую ситуацию, потерю аппетита, как эмоциональный голод и т.д. Близкой к концепции символического языка органов является концепция «вегетативных неврозов». Различные функциональные расстройства органов, согласно Александеру, связаны с различными эмоциональными реакциями на внешние ситуации. Александер считает, что психосоматическое заболевание — это не выражение и символизация эмоций, а физиологический ответ органа на хронически существующее или периодически повторяющееся эмоциональное состояние. Сдержанный гнев, например, вызывает изменения главным образом в сердечно-сосудистой системе, потребности к сближению в пищеварительной системе, а специфические конфликты между сексуальными желаниями — в дыхательном аппарате. Часть эмоций реализуется через симпатическую нервную систему, а другая — через

---

¹ Delay J. «Introduction a la médecine psychosomatique». Paris, 1961, p. 10–11.

² Там же, с. 5.

парасимпатическую. Первые ведут к таким заболеваниям, как гипертоническая болезнь, артриты, мигрень, диабет, гипертиреоз, а вторые — к язвенной болезни, бронхиальной астме, язвенному колиту и др. Одним из самых трудных и далеко нерешенных вопросов, который возникает при такой постановке, является так называемая эмоциональная специфичность, то есть избирательное поражение органов при определенных психических состояниях.

Довольно широкое распространение получила концепция профиля личности. Дамбар и некоторыми другими психосоматиками было замечено, что определенные психосоматические болезни коррелируют с определенными специфическими типами личности. Эту связь они открывают при помощи психоанализа З.Фрейда. Были предложены классификации личности, отличные от фрейдовской. У чрезмерно реагирующих лиц, например, чаще всего встречаются язвенная болезнь и коронарная недостаточность. У недостаточно реагирующих встречаются язвенный колит, дерматиты и ревматические артриты. Сдержанно реагирующие лица чаще всего болеют гипертонической болезнью, бронхиальной астмой, мигренью и гипертиреозом. Эти параллели доходят до того, что причиной переломов костей считается тип личности, склонной к приключениям, а несчастные случаи зависят от склонности человека к интеллектуальному труду; ревматизмом болеют люди с «мазохистической привязанностью к авторитетному родителю».

Согласно концепции, выдвинутой Коббом, вся деятельность организма делится на две части: одни функции обусловлены агрессивными импульсами («модель наступления»), другие — защитными импульсами («модель защиты»), а в комплексе и те и другие объединяются понятием «модели охранительной реакции». Характерным и сближающим с фрейдизмом эту концепцию моментом является то важное значение, которое этой теорией отводится раннему детству. В рамках психосоматической медицины существуют и другие концепции, объясняющие причины возникновения различных заболеваний. Однако все они, как правило, имеют в своей основе некоторые из основных положений фрейдизма.

Рассматривая в критическом освещении методологические основы современной психосоматической медицины, должны отметить, что для нас неприемлемыми являются те варианты решения психосоматической проблемы в медицине, которые существуют в настоящее время, а не сама проблема сложных взаимоотношений психосоматических факторов. Эта важная проблема ждет своего правильного решения с точки зрения диалектико-материалистической методологии. Мы не будем останавливаться на критике фактической несостоятельности многих из объяснений психосоматиков, а постараемся доказать, почему методологические основы психосоматической медицины и всего фрейдизма являются несостоятельными с точки зрения современного научного принципа познания действительности.

НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ФРЕЙДИЗМА КАК ТИПА ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Нередко в философской и в специальной научной литературе можно встретить утверждение, что теория З.Фрейда является целостным образованием и имеет свою логику. Однако встречается и противоположный взгляд, согласно которому фрейдизм является произвольной теоретической конструкцией и не имеет ничего общего с современной наукой. К сожалению, как этот, так и другой взгляды не раскрывают, в чем заключается научная сущность фрейдизма или почему он не имеет характера научной теории.

Надо сказать, что внешне, формально фрейдизм имеет характер научной теории. Под этим «внешне», «формально» мы понимаем тот факт, что фрейдизм представляет некоторую замкнутую категориальную систему, при помощи которой можно описать в каком-то соотношении наблюдаемые явления. Однако эта теория страдает двумя основными пороками: недоказанность ее основных постулатов и отсутствие строго закономерной необходимой причиной связи между явлениями, которые она объясняет. Правда теория З. Фрейда тоже пытается найти закономерную связь между изучаемыми ею явлениями, но открываемые фрейдизмом связи являются настолько несущественными, что их можно рассматривать в какой угодно зависимости. Утверждение, что якобы З.Фрейд стоял на позициях каузализма, с точки зрения понимания этого принципа в современной науке не соответствует действительности. Он везде искал смысловую причину психических явлений, а не подлинные причины психических явлений и заболеваний человека.

Поиск символической связи между симптомом, оговоркой, ошибкой, сновидениями, научным творчеством и скрывающимися за ними бессознательными процессами — это еще не поиск причины явления, так, как этот процесс понимает современная наука. А как раз в раскрытии символической связи симптома, сущности человеческой личности, ее характера и действий заключается весь пафос психоаналитического метода и метапсихологической теории З.Фрейда. Замаскированные формы, в которых подсознательные мотивы проявляются в сновидениях, шутках, обмолвках, неврозах, свободных ассоциациях и т.д., вместе взятые образуют, по выражению З.Фрейда, «символический язык бессознательного». Поэтому главная задача психоаналитика заключается в том, чтобы знать этот язык, уметь его интерпретировать. Вся фрейдовская система в полном смысле слова основана на концепции универсального символического языка бессознательного. Символическое толкование язычка бессознательного чуждо современному научному мышлению. Это принцип донаучного мышления.

Исследования многих психологов показывают, что символическая форма познания в нормальной психической деятельности человека возникает при особых состояниях и являет собой более низкий тип познания, чем сло-

весно-логическое мышление. Символическое мышление является следствием такого способа возникновения связей между психологическими содержаниями, который преобладает в рамках чувственно-конкретного бессловесного, образного мышления, не использующего логические связи. Отрицать факт символического проявления некоторых психических процессов человека невозможно, но всегда нужно помнить, что символическое проявление какого-либо психического процесса всегда имеет характер голого намека на его содержание, соотношение между значением и дошедшего до сознания его облика слишком неоднозначно, произвольно и не отражает закономерных необходимых связей действительности.

Неадекватная связь между символическим проявлением какого-либо психического процесса и его сущностью дает возможность психоаналитику строить различные, гипотезы об этой связи. И рамки толкования символической связи между сущностью и проявлением какого-либо психического процесса настолько неопределенны, произвольны и несущественны, что каждый психоаналитик может устанавливать их в любом произвольном порядке и последовательности. Отсюда можно понять, почему весь психоанализ сводится к толкованию символического значения языка сновидений, болезненных симптомов, бессознательных ассоциаций, оговорок, ошибок, описок и т.д. В этом отношении психоаналитик нередко мало чем отличается от прорицателя, оракула, пророка, на что некоторые психоаналитики и предъявляют претензии.

При изучении причинно-следственных отношений современная наука требует познания существенных, необходимых связей между ними, где причина должна проявляться в своем следствии, а следствие должно отражать породившую его причину, должно быть совпадением «символа», «образа» с содержанием, которое он отражает.

С точки зрения понимания современной наукой причинно-следственных взаимоотношений «действие *необходимо* потому, что оно есть именно проявление причины, или, иначе говоря, есть та *необходимость* (курсив мой. — Г. Ш.), которая есть причина. Лишь как эта необходимость, причина есть нечто самодвижущее, начинает спонтанно, не будучи возбуждена некоторым другим, и есть *самостоятельный источник, порождение из себя*; она необходимо должна *действовать*; ее первоначальность состоит в том, что ее рефлексия в себя есть определяющее полагание и что, обратно, и то и другое составляют единое единство»¹.

Нельзя сказать, что символическая связь между симптомом и его причиной в ее понимании фрейдизмом — это «единое единство». Об этом красноречивее всего говорит факт большого разнообразия толкования связей отдельных заболеваний с их психическими причинами, как это имеет место в современной психосоматической медицине. Символическая связь между симптомом и его причиной столь условна, произвольна и подчас неуловима, что для психоаналитика нет ни одной причины заболеваний, которая была бы

---

¹ Гегель. Сочинения. М., 1937, т. 5, с. 676–677.

точно определенной, однозначной, не подлежащей обращению фантазией в противоположность тому, чем она была до этого.

Как раз свободное, произвольное и многозначное толкование связи причин и следствий в человеческой патологии дает возможность для широких спекуляций и является одним из факторов, обосновывающих живучесть фрейдизма, «пригодность» его теории «на все случаи жизни».

Этот более низший тип познания, как правило, облекается фрейдистами в форму современного научного познания, и, таким образом, он приобретает особенно «патогенный» характер, против которого у многих ученых нет «иммунитета».

В этой статье мы попытались показать внутреннее единство методологических принципов фрейдизма, неопрейдизма и психосоматической медицины. В основе этих течений лежит психоанализ как метод познания. Он определяет все теоретические концепции названных направлений в современной науке. Им, в конечном счете, определяется и сам тип научного мышления фрейдизма: толкование символического смысла сновидений, болезненных симптомов, бессознательных ассоциаций, ошибок, оговорок, описок и т.д.

*Критический анализ некоторых теорий
и концепций в медицине буржуазных стран.
М., 1972, с. 166–188*